КИР БУЛЫЧЕВ

Любимец

Любимец

Кир Булычев

Аннотация
Кир БУЛЫЧЕВ. ЛЮБИМЕЦ. (Спонсоры)
1. ЛЮБИМЕЦ ВЛЮБИЛСЯ
2. ЛЮБИМЕЦ НА СВАЛКЕ
3. ЛЮБИМЕЦ НА ФАБРИКЕ
4. ЛЮБИМЕЦ СРЕДИ ГЛАДИАТОРОВ
5. ЛЮБИМЕЦ ПОД ЗЕМЛЕЙ
6. ЛЮБИМЕЦ В ПИТОМНИКЕ
7. ЛЮБИМЕЦ В ЛЕСУ
8. ЛЮБИМЕЦ НА БАШНЕ

Аннотация

Роман писателя-фантаста Кира Булычева повествует о том, что произошло с жителями Земли после захвата ее пришельцами с планеты Рейкино...

Кир БУЛЫЧЕВ
ЛЮБИМЕЦ
(Спонсоры)

1. ЛЮБИМЕЦ ВЛЮБИЛСЯ

Я точно помню, что увидел ее впервые в пятницу шестого мая сразу после обеда.

Я решил позагорать у бассейна – купаться еще холодно, но если лежишь рядом с водой и солнце уже обжигает, можно вообразить, что наступило лето.

Я лежал так, чтобы поглядывать на соседний участок – с утра туда переехали новые соседи вместо Злобницы, улетевшей к мужу на Марс.

Я закрыл глаза и задремал, но вдруг проснулся, хотя ничего не мог услышать, – по газону шла рыжеволосая девушка.

Их бассейн начинается сразу за невысокой живой оградой, разделяющей наши участки. Она уселась на край бассейна, окунула в него пятку и сразу поджала ногу – не ожидала, видно, что вода такая холодная! Откуда она приехала, если не знает, что у нас в начале мая еще не купаются?

Думая так, я разглядывал ее, и девушка это заметила, кинула в мою сторону острый быстрый взгляд и отвернулась, словно только что смотрела не на меня, а на муху.

– Привет! – сказал я. – С приездом.

– Ах! – тихонько воскликнула она. И подняла левый локоть, чтобы скрыть от меня очертания полной груди.

– Вы надолго сюда? – спросил я, делая вид, что не заметил жеста.

– Мы здесь будем жить. – Ее тяжелые волосы падали на белые плечи.

– Меня Тимом зовут, – сказал я, поднимаясь. Мне хотелось, чтобы она увидела, как я сложен. Недаром я пробегаю стометровку за двенадцать секунд.

– Очень приятно, – ответила она с улыбкой, но не назвала себя.

Но тут же – о, ирония судьбы! – от дома послышался голос:

– Инна! Инночка, ты где? Скорей беги ко мне.

– Вот видишь, – сказала Инна, – мы и познакомились.

Она грациозно выпрямилась и побежала к дому. Мне очень понравились ее спина и ноги – у нее были длинные, прямые ноги с крепкими округлыми икрами.

На бегу она обернулась и помахала мне рукой.

Знакомство состоялось.

Я рассказал о ней Вику – цинику двадцати с

лишним несчитанных лет, кудрявому, голубоглазому, породистому.

Вик – корыстный, наглый парень, я знаю ему цену, но дружу с детства.

– Да видел я ее, – отмахнулся Вик в ответ на мои похвалы в адрес Инны. – Ты редко бываешь в свете, сидишь сиднем дома, ни на выставке тебя не увидишь, ни в парке. Так что первое же смазливое личико в пределах твоего зоркого взгляда – и ты готов!

– Я мечтаю а ней, – сказал я хрипло, чем вызвал вспышку хохота у моего друга.

– Ромео! – повторял он. – Ромео с голым задом!

Я хотел было врезать ему за слова, которые болью отозвались в моем оцарапанном сердце, но Вик увернулся. Я с трудом догнал его у самых ворот, повалил на траву и заломил руку за спину.

– Сдавайся! – прорычал я. – Не то растерзаю!

Тут как назло домой вернулась госпожа Яйблочко.

– Как дети! – закричала она, вываливаясь из флаера. – Сейчас же прекратите, уши оторву! Земля же холодная!

Она кинулась за нами, но куда ей догнать двух молодых людей.

– Ну ладно, ладно, – крикнула она нам вслед.

– Я пошла готовить ужин, слышишь, Тимошка?

Она отлично знает, что я ненавижу это собачье имя. Я сделал вид, что не слышу.

Мы отбежали с Виком к старой трансформаторной будке.

Когда-то еще мальчишкой я любил прятаться здесь и воображать, что я подкрадываюсь к неуязвимому дракону в джунглях Эвридики… Я вырос, джунгли вырубили, дракона держат в зоопарке, а трансформаторная будка так и стоит, сто лет никому не нужная…

– Сегодня третью серию будут показывать, – сказал Вик.

– Если у нее есть сестра, – сказал я, – ты с ней тоже можешь познакомиться.

– Больно ты шустрый, – ухмыльнулся мой друг. – Ты уверен, что тебе разрешат с ней общаться?

– Я никого не намерен спрашивать.

– Ай-ай-ай, какие мы смелые!

– Тимофей! Тимоша! – Яйблочко звала меня самым ласковым из своего набора голосов. – Кушать, кушаньки, беги сюда, мой мальчик!

– С ума сойти! – засмеялся Вик. – Она намерена тебя кормить грудью до тридцати лет.

Тут я стукнул его кулаком по затылку, чуть голова не отвалилась. Он ахнул и примолк.

А я пошел домой вовсе не потому, что послушался Яйблочку, а боялся, что если уж очень разозлю ее, она не допустит меня вечером к телевизору.

– Ноги вытер? – спросила Яйблочко, когда я вошел в дом.

Я не стал отвечать, а продолжил путь на кухню.

Яйблочко восседала за столом, перед ней стояла емкость с пойлом – ей доктор прописал. На моей тарелке лежал кусок трески, посыпанный зеленью. Редкое по нашим временам лакомство.

Прежде чем приняться за обед, я подошел к окну и поглядел в него – окно выходило к дому Инны. Но самой девушки не было видно.

После обеда мы отдыхали, а потом Яйблочко повела меня гулять.

Я не люблю эти почти ритуальные прогулки – Яйблочко не та спутница, которую человек выбирает по доброй воле. Но я ее не выбирал.

В тот день, идя рядом с ней, я впервые глубоко задумался о несправедливости судьбы. Ведь каждый из нас таков, каким он родился, каким его воспитали. Я предпочел бы иную судьбу, пускай не такую надежную и сытую, пускай полную лишений и опасностей, как у бродяг и охотников. Впрочем, я их никогда не видел.

Чем ближе к центру городка, тем больше встречалось парочек, подобных нашей. Яйблочко раскланивалась с ними, приседала, покачивала бедрами, звенела нитями железных бус, а когда она наклоняла вперед бюст, мне все казалось, что сейчас она угодит этими бусами мне по темечку – и я замертво рухну на мостовую.

Я понял, что Яйблочко направляется в бар «Олимпия» при торговом центре. Там она будет сосать неудобоваримые напитки с себе подобными дамами, а я побуду с людьми.

Мы подошли к бару, и Яйблочко, добрая жаба, заявила:

– Тимоша, если ты побудешь в общей комнате, мы потом в кино сходим, хорошо?

Я отвернулся. Она должна думать, что я расстроен больше, чем на самом деле. А я не имел ничего против того, чтобы поболтать со старыми приятелями, пока ты, голубушка, вкушаешь свое вонючее зелье.

Так что я молча посмотрел на нее красивыми, выразительными серыми глазами.

Но Яйблочко выдержала мой укоризненный взгляд и вытащила из сумки намордник. Я побледнел, но Яйблочко показала на объявление над входом в комнату:

ПОМЕЩЕНИЕ ДЛЯ ДОМАШНИХ ЛЮБИМЦЕВ ВХОД БЕЗ НАМОРДНИКОВ ВОСПРЕЩЕН

Объявление мне было знакомо и унизительно. Но я не стал спорить и капризничать, не то настроение.

Я сам подставил лицо, и Яйблочко не грубо, я бы сказал, с неуклюжей нежностью приспособила мне на лицо намордник, который прикрывал нижнюю часть лица. Я вполне допускаю, что когда-то, по недоразумению, кто-то из домашних любимцев укусил другого человека. Но кто и почему дал право возвести этот случай в ранг правила? С чего они решили, что мы обязательно должны бросаться друг на друга и кусаться?

В большой комнате, где хозяева оставляют домашних любимцев пока пьют кофе, болтают в кафе или выбирают что-нибудь в магазине, было человек тридцать, не меньше. Все в намордниках, но если у меня, он был простой, почти невидимый – мы с Яйблочкой старались свести унижение к минимуму, то у других людей на физиономиях порой красовались нелепейшие защитные сооружения: у кого из кованой проволоки, у кого в виде керамического цветника.

Я сразу увидел Вика, который сидел перед телеэкраном, на нем был розовый намордник,

имитирующий хоккейную маску вратаря Хризабудкина – мне было бы стыдно появиться в обществе в таком виде. Я обвел присутствующих взглядом, надеясь, что среди них есть Курт, который обещал мне жвачку. Мерзавец Вик неправильно истолковал мой ищущий взор и, поправив завитую гриву волос, ехидно заметил:

– Сюда самочек не заводят. Может плохо кончиться!

– Я Курта ищу.

Я и без него знал, что девушке здесь не место. Среди домашних любимцев встречаются скоты.

– Нет здесь Курта, – сказал Вик.

– А что по телеку показывают?

Вик не ответил. Показывали исторический фильм о первой высадке спонсоров на Землю.

…Толпа поселян в уродливых одеждах радостно гоготала при виде того, как из открытого люка корабля не спеша выходят три спонсора. Они массивны, они куда крупнее и тяжелее человека, некоторые достигают четырех метров. Из скафандров высовываются чешуйчатые зеленые лапы с длинными, цепкими, словно без костей, пальцами. Зеленые, блестящие, словно смазанные жиром, головы покрыты чешуйками. Пришельцы здороваются с поселянами.

– Сегодня юбилей! – произнес вдруг сидевший рядом со мной средних лет мужчина в какой-то глупой попонке. – Столетие! Столетие первого счастливого контакта!

– Выпить бы, – произнес какой-то жалкий замарашка. Порой в комнату для отдыха домашних любимцев проникают с улицы бродячие люди. Затерявшись среди нас, они могут рассчитывать на стакан лимонада или на горсть орешков. – Выпить бы, я сказал! По случаю счастливого юбилея!

Он смотрел на меня в упор, словно я сейчас вытащу из-под мышки бутылку самогона.

Чтобы не встречаться с его наглым взглядом, я обратился к экрану. Странная мысль посетила меня: как изменилась жизнь на Земле за прошедшие сто лет! Хоть меня тогда еще не было на свете, я знаю по старым пленкам и журналам о мире насилия, неуверенности, ранней смерти и нищеты, о мире, в котором господствовало право сильного, где люди, будто стремясь к самоубийству, уничтожали реки и отравляли воздух… страшно подумать, что было бы без Визита!

Замарашка уже приставал к Вику, и я слышал его занудный голос:

– Ну глоток достань, ну достань, братишка, ты

же можешь, ты же гладкий!

Я с радостью смотрел, как на экране спокойно, с чувством собственного достоинства двигаются спонсоры, вбирая лучащимися добротой глазами окружающую действительность. Интересно, какие мысли проносились в тот момент под этими высокими зелеными лбами! Яйблочко как-то, поглаживая меня по спинке, рассказывала мне о ее отце – одном из первых спонсоров. Она уверяла, что спонсоры были огорчены тем, что увидели на Земле.

– Ай! – Отчаянный крик разорвал мирный шумок комнаты отдыха.

Я вскочил. Все вскочили. Так я и думал: Вик, элегантный, милый, казалось бы, генетически лишенный агрессивности, как дикий пес набросился на замарашку, и они катались по полу, пытаясь вцепиться зубами в горло друг другу. Остальные вскочили со всех мест, окружили спорщиков кольцом и аплодисментами и криками подбадривали их. Такое поведение моих товарищей меня возмутило.

– Как вы себя ведете! – закричал я. – Постыдитесь! Вы забыли о том, что наши спонсоры не жалеют времени и сил, чтобы научить нас высокому пониманию добра! Мы не имеем права

падать до элементарной драки. В любую минуту нас могут увидеть!

Но как назло никто не слышал меня. Зато на шум ворвались два магазинных милиционера с электродубинками. Они вели себя так, словно мы все были преступниками и хулиганами – колотили дубинками, валили на пол, топтали ногами. Мы были вынуждены забиться в углы комнаты, но и там нас доставали эти садисты.

Меня всегда возмущали те люди, которые не видят границы между любовью к нашим спонсорам, сотрудничеству с ними и услужению им за счет своих соплеменников. Как говорится, «служить бы рад, прислуживаться тошно!» Вот это – мое кредо.

Но кредо не могло защитить меня от ударов, меня, пальцем никого не задевшего и не принимавшего участия в этой постыдной драке, спровоцированной, как я честно признался Яйблочке, когда она взяла меня из комнаты отдыха, проходимцем-замарашкой, возможно агентом деструктивных сил, выступающих под ложным лозунгом: «Земля для людей!»

– Где бы они сейчас были, – проворчала в ответ Яйблочко, натягивая поводок, на котором вела меня домой и предназначенный (в моем конкрет-

ном случае) только для того, чтобы защитить меня в случае неожиданной опасности, – если бы не наша экспансия, они бы вымерли от собственных нечистот.

Разумеется, я полностью согласен с моей милой, добродушной Яйблочкой, четырехметровой неуклюжей лягушатиной!

Я решил воспользоваться ее тревожным настроением и сказал:

– Госпожа, я тут видел трехцветный электронный ошейник.

– Зачем тебе? У тебя совсем еще новый.

– В него вживлена система предупреждения. Если меня захотят украсть, то он сразу даст сигнал.

– Небось бешеных денег стоит, – проворчала моя хозяйка.

И я понял, что ее постоянный страх потерять меня, лишиться ее лапушки, псеночка-котеночка, дорогого моего человечка, которого она искренне почитала членом семьи, заставит раскошелиться. Такой триколер уже купили Вику, вся наша улица с ума посходила от зависти.

Мы повернули к дому. Скоро должен был вернуться со службы сам спонсор Яйблочко, и мы с госпожой всегда с трепетом ждали этого момента.

– Пока ты дрался в зверинце, – продолжала Яйблочко (я попытался было возразить, но она не слушала меня, она думала вслух), – мы с дамами как раз обсуждали новости из Симферополя. Это же надо – ограбить курортный автобус! Я не сторонница жестокого обращения, но всякому терпению есть предел. И этот нелепый лозунг…

– «Земля для людей!» – сказал я, и получилось чуть более вызывающе, чем мне того хотелось.

И тут же Яйблочко перетянула меня по голой спине плетью, которую всегда носила с собой, чтобы отгонять от меня поклонниц.

Это меня глубоко оскорбило. Если ты больше и сильней, это не означает, что можно пускать в ход плетки. Я лег на голый пыльный асфальт. В знак протеста я решил тут же умереть!

Яйблочко дернула меня за поводок. Я не сопротивлялся. Она потянула сильнее и буквально поволокла меня, не думая о том, что я могу оцарапаться и у меня начнется нагноение, откуда всего шаг до гангрены!

Я поднялся на ноги. Ведь не ей мучиться перед смертью – тупой скотине! Если они захватили Землю, потому что у них есть одуряющие газы, лазерные пушки и черт знает еще какое оружие, это не означает, что люди – рабы. Нет, мы не

сказали еще последнего слова! Мы тоже цивилизованные люди!

Яйблочко видно почувствовала гнев, исходящий от представителя порабощенного, но не сдавшегося народа, потому что перестала тянуть за поводок и сказала виноватым голосом:

– Отряхнись, Тимоша. Нельзя же так себя вести – люди смотрят.

– Пускай смотрят, – сказал я, но все же подчинился. Я человек добрый и отходчивый.

Мы продолжали наше движение к дому.

Порой нам встречались другие спонсоры и спонсорши, совершавшие послеполуденную прогулку с домашними любимцами. Спонсоры раскланивались и перекидывались фразами на своем языке, и это давало возможность и нам, любимцам, также обменяться приветствиями и новостями.

– Слышал, Тим, – спросил меня Иван Алексеевич из хозяйства Плийбочико, – у Сени чесотка. Его на живодерню отвезли.

– Не может быть!

– Ты с ним не общался?

Иван Алексеевич мне неприятен. Всю жизнь он служит своим спонсорам за пределами разумного. Он даже бегает для хозяйки в магазин и качает

их ребенка. Нельзя же так унижаться!

– Наверное, это преувеличение, – сказал я, а у самого сердце сжалось от жалости к Сене, вежливому, воспитанному человеку.

Яйблочко неожиданно потянула меня дальше, и ошейник впился в горло. Хорошо еще, что она не услышала о Сене. А то бы потащила к ветеринару!

Зрелище, открывшееся моим несчастным глазам, отвлекло меня от физических страданий.

Навстречу нам по бульвару шел жабеныш и вел на золотой цепочке мою возлюбленную!

Нет, я никогда не спутаю ее ни с кем на свете! Ее светлый образ запечатлелся в моем мозгу до конца дней.

– Ты куда? – закричала Яйблочко и так дернула меня назад, что я потерял равновесие и, чтобы не упасть на землю, был вынужден встать на четвереньки.

Девица, которая улыбнулась было мне как старому знакомому, при виде моего несчастья рассмеялась – мелодично, звонко и обидно. Ее спонсоренок остановился и тоже принялся смеяться, как смеются они все – хрюкая и выпячивая живот.

– За что? – только и спросил я, поднимаясь и

стараясь сохранить чувство собственного достоинства. – Неужели тот факт, что сто лет назад вам удалось покорить Землю, дает вам основания так обидно и горько унижать ее население?

Видно в сердце этой туши что-то шевельнулось, потому что Яйблочко строгим голосом приказала жабенку-спонсоренку прекратить смех. У них с дисциплиной строго.

Жабеныш замолчал и потащил мою возлюбленную на боковую дорожку. Она так элегантно и легко бежала рядом с ним, чуть подпрыгивая на бегу, линия ног столь плавно переходила в круглый задик, рыжие кудри так нежно и игриво струились по узкой спине, что у меня перехватило дух. И все попытки и потуги Яйблочко оторвать меня от этого волнующего зрелища были тщетны. Ей пришлось подхватить меня на лапы и, прижимая к жесткой грудной чешуе, отнести домой.

Мы больше не разговаривали с Яйблочкой. Она не скрывала своего недовольства, я – обиды.

В хорошие дни меня кормят вместе со спонсорами, в гостиной, но тут Яйблочко поставила мне миску на кухне в углу. Я взял ее, сел на подоконник, чтобы похлебать, глядя в окно в надежде, что моя возлюбленная вернулась с прогулки, но

Яйблочко заглянула на кухню, дала мне подзатыльник и согнала с подоконника. Я готов был отомстить ей и отказаться от ужина, но страшно хотелось кушать, и я отложил месть на следующий раз.

На этом мои несчастья не закончились. Ни с того ни с сего моя жабина устроила уборку в чулане и отыскала там книжку комиксов про супермена Иванова, которую я выменял у Вика за старую монету. И когда домой заявился со службы мрачный спонсор Яйблочко, она еще до обеда подсунула ему свой трофей.

Голодный и потому особо опасный для человечества пришелец Яйблочко вытащил меня из-под дивана, куда я пытался забиться, и безжалостно избил электрическим хлыстом. Его желтые глазки при этом горели яростным садистским огнем, но при том он беседовал со мной, словно не причинял мне немыслимую боль, а распивал чай.

– Неужели ты до сих пор не усвоил, хомо сервилиус, что чтение – прерогатива разумных существ? Сегодня ты начал читать…

– Но это же только комикс!! Ой, больно!

– Будет еще больнее… Сегодня ты читаешь комикс, а завтра ты выйдешь на улицу с пластиковой бомбой!

– Никогда я не посмею поднять руку на своего кормильца!

– Ты не поднимешь, пока ты нас боишься, но как только исчезнет страх, ты станешь опасен.

Рассуждая, спонсор Яйблочко продолжал меня колотить.

Я уже захлебывался от слез и боли и был близок к тому, чтобы потерять сознание, когда госпожа Яйблочко вырвала меня из рук супруга и отнесла на подстилку.

Они говорили за дверью на своем зверском языке, который я знал как собственный. Любопытно, что ни один спонсор не верит, что человек может выучить их язык – это как бы за пределами наших умственных возможностей. Хотя практически все домашние любимцы, кроме уж самых тупых, понимают разговоры спонсоров. А как иначе? Они решат отправить тебя на живодерню, а ты будешь хлопать глазами?

– Пожалуй, ты был с ним излишне жесток, мой повелитель, – сказала госпожа Яйблочко.

Ее муж что-то прохрюкал в ответ.

– Ведь он же нам не чужой.

Опять неразборчиво.

Я подполз к двери, волоча за собой подстилку. Идиотский запрет людям одеваться, который

свел в могилу уже много тысяч человек, особенно ужасен, когда тебя побьют. Тебя знобит, а накрыться нечем.

Кое-как натянув подстилку на синяки и царапины, я улегся у двери в их комнату.

– Но мы взяли его малышом! Помнишь, какой он был забавный!

– Он уже не забавный. Надо думать, что делать с ним дальше.

– Он безобидный.

– Ты не думаешь о животном! У него тоже свои потребности, – рассудительно и размеренно говорил спонсор. Но почему надо называть меня животным, если давно уже доказано, что люди разумны?

– Какие потребности у Тимоши?

– Потребности взрослого кобеля!

– Ну уж!

Затем последовала пауза. Видно, спонсор доканчивал ужин, а его супруга размышляла. Она размышляет со скоростью улитки.

– Ты прав, – услышал я ее голос. – Я сегодня уже об этом думала.

– А что случилось?

– При виде одной… особи женского пола он чуть было поводок не оборвал.

– Я же говорил! Отвезем его в клинику. Пять минут – и больше не будет проблем.

– Нет! – почти закричала госпожа спонсорша. – Только не это!

– Почему? Миллионы людей проходят через эту операцию. Она сразу снижает уровень агрессивности, улучшает характер животного. Если операцию вовремя не сделать, это может кончиться трагедией. Ты же знаешь, сколько молодых самцов убегало из домов, попадало под машины, в облавы, на живодерню!

– Только не это! Я не переживу. Я не знаю, как мне жить без моего Тимошеньки!

– Не раскисай. Он тебе будет только благодарен.

За дверью наступила зловещая страшная тишина. Я физически ощущал, как тяжело думает моя спонсорша. Она всерьез обдумывает проблему: не уничтожить ли во мне мужчину? Она – существо, с которым мы вместе живем уже около двадцати лет, она, которая вставала ко мне ночью, когда у меня была скарлатина, которой я приношу ночные туфли и подогретый бульон, если у нее бессонница… Неужели госпожа Яйблочко согласна на то, чтобы я, самое близкое к ней существо, подвергся страшной операции. О, нет!

– Ну, ладно, – услышал я голос госпожи, – ложимся спать. Завтра еще раз обсудим.

Дверь открылась, госпожа велела мне идти наверх в спальню, ложиться на коврик у их постели. Я с трудом подчинился. Все тело ломило. Ужас сковывал мои члены.

Господа заснули быстро, но я, разумеется, не спал. Они занесли топор над самым важным даром природы, над моим естеством! Я знаю этих несчастных рабов, этих домашних любимцев, лишенных мужского достоинства. Это ничтожные счастливые тени людей, которые доживают свой растительный век, не оставив следа на Земле.

Я бесшумно поднялся и подошел к окну.

Отсюда, со второго этажа, был виден газон, разделяющий наш дом и дом, где живет Инна. И тут я увидел в ночной полутьме, как она легкая, душистая вышла на этот газон, легла на спину и потянулась. Вот вся она – нега, ожидание любви, томление, счастье!

Хлопнула дверь, высунулся ее жабенок. Позвал спать.

Моя возлюбленная лениво поднялась и вернулась в дом.

А я был готов умереть…

На следующее утро никто не вспоминал о вче-

рашних бурных событиях. И я, проснувшись в ужасе от кошмара, который мне приснился, тут же пришел в себя, услышав ласковый голос спонсорши:

– Тимоша, скорей мыться и за завтрак! Я тебе кашку сварила!

Она погладила меня по голове и сказала, что поведет на завивку, а я ждал только момента, чтобы меня выпустили погулять в садик, и я там увижу…

Как назло, она долго не отпускала меня. Сначала ей пришло в голову сделать мне педикюр, потом ей показалось, что у меня жар, и она заставила меня поставить градусник. А я старался не глядеть в окно, чтобы не вызвать в ней подозрений.

– А на господина Яйблочко ты не сердись, – говорила спонсорша, перебирая мои кудри, – он бывает груб, но он всегда справедлив. Ты же знаешь, у него в части много организационных проблем, и он не может позволить себе расслабиться. С вами, людьми, все время жди подвоха. Вы как испорченные дети.

– Почему испорченные?

– Потому что норовите сделать гадость исподтишка, потому что не помните добра, потому что

лживы… потому что… миллион причин! А ты чего на меня уставился? Наелся – иди погуляй. Но за забор – ни шагу.

Я послушно поклонился Яйблочке и подождал, пока ее зеленая чешуйчатая туша уплывет из кухни. И тут же кинулся в сад. Сердце подсказывало мне, что Инна ждет меня там или выглядывает из своего окошка, чтобы выйти, как только я появлюсь.

Я прошел через газон, присел у бассейна, пощупал ступней воду. Вода была холодной. Я прошел к кустам, что разрослись у изгороди и надежно скрыли бы тех, кто пожелал уединиться от любопытных глаз.

Там было пусто. И пустота эта была насыщена звоном насекомых, щебетом птах и подобными мирными, совсем не городскими звуками. Старшие говорят, что раньше на Земле было не так тихо и красиво, но спонсоры запретили вонючие двигатели и разрушили вредные заводы. Сами они не нуждаются во многих вещах, производимых людьми, и люди тоже быстро отвыкли от таких предметов, как ботинки или печки, даже от одежды, отчего теперь, как мне рассказывали, люди живут только в теплых местах нашей планеты.

– Тим, – сказала Инна, заглядывая в кусты. – Я так и знала, что найду тебя здесь.

– А я специально сюда пришел, – сказал я. Я был счастлив. Но не мог объяснить мое чувство. Оно не было тем чувством, в котором меня так подозревали хозяева. Мне хотелось смотреть на Инну и если дотронуться до нее – то только кончиками пальцев.

– Тебя били? – спросила Инна.

– Вчера, – сказал я. – Из-за тебя.

– Из-за меня? – Глаза у нее были синие, ласковые.

– Они решили, что я слишком… слишком несдержанно себя веду. Что пришло время меня… – и тут язык у меня не повернулся сказать, в чем дело, хотя в этом не было тайны или чего-нибудь необычного – больше трех четвертей мужчин после двадцати лет подвергались ампутации этих органов для их собственного блага и в интересах демографии.

– Не может быть! – догадалась Инна. – Только не это!

– Почему? – вырвалось у меня. Мне хотелось услышать приятный для меня ответ.

Инна отвернулась. Вопрос ей не понравился. Видно, показался циничным.

– Прости, – сказал я. Я почувствовал себя виноватым перед этой девушкой. Я любовался ее профилем – у Инны был короткий нос, который чуть подтягивал к себе верхнюю губу и приоткрывал белые зубки. – Прости, зайчонок.

– Ты дурак, – сказала Инна. – У тебя, наверное, никогда девушки не было.

– Откуда? – согласился я. – Меня ведь щенком взяли, из питомника. Так и живу домашним любимцем. Я другой жизни и не знаю.

– А я помню мою маму! – сказала Инна.

– Не может быть!

Это было так удивительно. Никто не должен знать родителей. Это преступление. Это аморально. Любимец принадлежит тому спонсору, который первым сделал на него заявление.

– Она сама созналась, – прошептала Инна. – Рассказать?

– Конечно, расскажи.

Инна подсела ко мне поближе, так что наши плечи касались. Я положил ладонь ей на коленку, и она не сердилась. Почему, подумал я, она упрекнула меня тем, что у меня не было девушки? Значит, у нее кто-то уже был?

Эта мысль несла в себе горечь, какой мне никогда еще не приходилось испытывать.

– У нас в доме была еще одна любимица, старше меня, – сказала Инна. – Она меня многому научила. И она мне рассказывала о людях, которые живут на воле.

– Ты об этом не знала?

– Я только знала, что плохо жить не в доме.

В этот момент совсем близко затрещали сучья, затопали тяжелые шаги. Я даже не успел отскочить – отвратительный жабеныш, сынок спонсора Инны, навалился на меня и стал заламывать мне руки.

– Вот чем ты занимаешься! – рычал он.

Я успел увидеть, как он наподдал ножищей в бок Инне, и она отлетела в сторону. Но я был бессилен помочь ей – жабеныш уже тащил меня из кустов, выворачивая руку, и я вопил от боли.

На мой вопль выскочила госпожа Яйблочко.

Она возмущенно заверещала:

– Как ты смеешь! Это не твой любимец! Сейчас же перестань мучить Тимошку!

А жабеныш, не отпуская меня, верещал в ответ:

– А вы посмотрите, вы посмотрите, чем он в кустах занимался! Она у нас еще девочка, она еще невинная, насильник проклятый! Ты от меня живым не уйдешь.

Он наступил мне на живот, и я понял, что еще мгновение, и я погибну – видно, это почувствовала и моя Яйблочко. И несмотря на пресловутую сдержанность и рассудочность спонсоров, мысль о возможной потере любимца настолько ее разгневала, что она кинулась на жабеныша и принялась безжалостно молотить его зелеными чешуйчатыми лапами. Тот сопротивлялся, но был всего детенышем, да еще детенышем, посмевшим на чужой территории драться с хозяйкой дома, – так что я был спасен, и через несколько минут, подвывающий от боли и унижения, наш сосед удалился в свой садик и принялся оттуда ворчать:

– Где эта мерзавка, где эта тварь развратная? Я ей покажу… Мамаааа, меня госпожа Яйблочко избила…

– Вот видишь, – сказала моя спонсорша, помогая мне подняться и дойти до дома, чего без ее помощи я бы совершить никак не смог. – Мы были совершенно правы: если тебе не сделать операцию, то ты и дальше будешь попадать в неприятные истории. И не надо отворачиваться и плакать, не надо слезок, мой дорогой. Это так быстро и под наркозом. Ты проснешься счастливым, а я тебе испеку пирожок. Ты давно просил у

меня пирожок с капустой.

Я молчал, борясь со слезами. Она ведь была в сущности доброй спонсоршей. У других людей хозяева бывают куда более жестокие и грубые. Иной бы даже и говорить ничего не стал – отвезли куда надо, сделали что надо – и ходи счастливый!

Я лежал на подстилке в своем углу, и странные, несвязные мысли медленно кружились в голове. Вдруг я подумал, что у меня, наверное, никогда не будет разноцветного электронного ошейника, как у Вика. Ведь спонсоры мной недовольны. И тут же мысль перескочила на мое собственное преступление, и я понял, что преступления не было. Я даже хотел было вскочить и пойти к хозяйке и сказать ей, что я и не пытался обидеть Инну, то есть напасть на нее… и в конце концов это наше дело, дело людей, как нам обращаться друг с другом! Я не собираюсь целовать спонсоршу Яйблочко! Тут я неожиданно для себя хихикнул, но, к счастью, она меня не услышала. Она уже уселась за вышивание флага для полка спонсора Яйблочко, потому что старый истрепался на бесконечных маневрах и парадах.

Я повернулся на спину, но спина болела – что-то мне этот зеленый жабеныш повредил. Пришлось лежать на боку… Я понимал, что обречен, и хотя

мой опыт в любви был умозрительным, и за те девятнадцать лет, что я прожил на свете, мне не приходилось быть близким с женщиной, другие любимцы показывали мне картинки и рассказывали – чего только не наслушаешься в комнате отдыха для домашних любимцев! Раньше я не знал, что теряю в случае операции, которой должен покориться, да и не задумывался об этом… Но теперь я встретил Инну и все изменилось – мысль об операции для меня ужасна… но почему? Ведь не стал мне отвратительней дантист после того, как заболел зуб? Глупо и наивно… Какое мне дело до продолжения какого-то рода? Нас, домашних любимцев, это не касается. Хотя как-то в комнате отдыха рассказывали, что у одних спонсоров жили вместе и спали на одной подстилке домашний любимец и домашняя любимица, хоть это и строго запрещено. И когда они подросли, то стали… в результате у любимицы родился маленький ребеночек. Его хотели утопить, чтобы скрыть преступление, его кинули в речку, а он не утонул, его подобрали, а потом один умный следователь разгадал эту тайну… впрочем, не помню, врать не буду.

Так я и заснул… потому что был избит и морально подавлен.

Я несколько раз просыпался за тот день. Сначала от шума, потому что пришли соседи – спонсорша и ее жабеныш, который нажаловался на мою хозяйку. Был большой скандал, причем обе зеленые дамы угрожали друг дружке своими мужьями, и это было курьезно. Потом соседка начала кричать, что меня надо обследовать на случай, если у меня заразная болезнь, на что моя хозяйка сказала, что это у Инны заразная болезнь… В общем, жабы развлекались, а я прятался на всякий случай за плитой, потому что не исключал, что меня побьют.

Обошлось. Соседи ушли, а хозяйка пришла на кухню, встала у плиты и, заглядывая сверху в щель, прочла мне нотацию о том, что бывают неблагодарные твари, в которых вкладываешь силы, нервы, время, а они не отвечают взаимностью. Я догадался, кто эта тварь, и огорчился. Значит, они все же повезут меня на операцию.

Вечером я получил подтверждение своим страхам – хозяева, как всегда убежденные в том, что ни один домашний любимец не выучит их паршивый язык, спокойно обсуждали мою судьбу.

– Я убеждена, что наш Тимошка и пальцем ее не тронул, – говорила госпожа. – Она сама его заманила в кусты с известными намерениями. Ты

же знаешь, как быстро развиваются их самочки.

– Но соседский детеныш тоже хорош!

– Я виню себя в несдержанности.

– Он напал на тебя на нашей территории.

– Но он еще слабый и глупый…

Я дремал, вполуха слушая этот неспешный разговор. И вдруг проснулся.

– Ты завтра позвонишь ветеринару? – спросила хозяйка.

Еще ничего не было сказано, а в мое сердце вонзилась игла.

– А почему ты сама не сможешь?

– У него наверняка очередь, месяца на два – сколько приходится проводить операций!

– Это точно, я все-таки сторонник гуманной точки зрения, – бурчал мой спонсор, – лишних надо топить. Топить и топить. И тогда не будет проблем с ветеринарами.

– Ты хотел бы, чтобы Тимошу утопили?

Хозяин понял, что хватил через край, и отступил:

– Тимоша исключение, – сказал он. – Он как бы часть дома, он мне близок, как этот стул…

Сравнение было сомнительное. По крайней мере для меня оно прозвучало угрожающе. Старые стулья бросают в огонь.

– Ладно, – сказал спонсор, – я сам позвоню и договорюсь. А ты напиши официальное примирительное письмо соседям. Я его отнесу. Нам с ними жить, а он – второй адъютант гарнизона.

Мне было грустно, что мои хозяева – не самые сильные на свете. Мне хотелось бы, чтобы они были всесильны и не боялись каких-то паршивых жабенышей… Потом я стал уговаривать себя, что ветеринар так занят, что не сможет сделать операцию еще целый год… а к тому времени мы что-нибудь придумаем и, может, даже убежим вместе с Инной, или мои спонсоры сжалятся над моими чувствами и купят Инну у наших соседей. Мы с ней будем жить здесь и спать на моей подстилке, а нам купят с ней одинаковые трехцветные ошейники… С такими счастливыми мыслями я заснул.

Но проснувшись, я понял, что радоваться нечему.

Каждый телефонный звонок я воспринимал как звон погребального колокола, каждый пролетающий флаер мне казался вестником злой судьбы. Но судьба молчала до шести вечера. Именно тогда позвонил хозяин. Его зеленая морда занимала весь экран телефона, и я, стоя за спиной хозяйки, слышал каждое слово.

– Все в порядке, – сказал спонсор, словно разговор шел о том, чтобы купить мне на зиму новую попонку, – я нажал на него, сказал, что Тимофей представляет опасность для окружающих ввиду его чрезвычайной агрессивности, но нам бы не хотелось его усыплять, потому что моя жена к нему привязана… в общем, он согласен.

– Когда же? – спросила госпожа Яйблочко.

– Сегодня в двадцать один тридцать!

– Ты с ума сошел! У меня в двадцать двадцать массаж.

– Придется поступиться своими интересами, – сказал спонсор, – ради интересов домашнего любимца.

– Это ужасно! Я даже не успею приготовить тебе ужин!

– Как хочешь, – рявкнул спонсор. – Я не буду снова унижаться перед ветеринаром!

– Хорошо, хорошо…

Госпожа обернулась ко мне – она догадалась, что я стою за ее спиной.

– Вот все и обошлось, – сказала она, как будто операция уже прошла. – Мы с тобой это сделаем и уже завтра обо всем забудем. Не печалься, выше голову, мой человечек! – Хозяйка погладила меня, и я был готов укусить ее за чешуйчатую ладонь,

но удержался. Человек я в конце концов или нет!

– Иди в садик, погуляй пока, – сказала она. – Я ужин приготовлю и пойдем. Тут недалеко.

Просить, умолять – бессмысленно. Спонсорам чужды наши человеческие чувства. Они живут в рациональном мире, и даже странно, что в свое время, в дни Великого покорения, они не истребили всех людей. Может быть, именно наша эмоциональность, наши чувства, наши слабости вызвали в ком-то из спонсоров ответные чувства? Ведь недаром их психологи так рекомендуют держать человека в доме, в котором есть жабеныш, простите – детеныш.

Наступил зябкий, вялый весенний вечер. Я вышел в сад. Конечно же, Инны не было видно – ее спрятали за семью замками. Но, может, она глядит сейчас в окно?

Я сорвал цветок ромашки и стал его нюхать, показывая всем своим видом, насколько я удручен и опечален. Если она смотрит, то тоже плачет. Что же делать, думал я, если бы было место на Земле или вне ее, хоть какое-нибудь место, чтоб там мог спрятаться и прожить оскорбленный и униженный человек – представитель гордой расы людей. Но я не желаю стать бродячим псом, который будет рыться на свалке и ждать того момента,

когда его поймают и отвезут на живодерню! Нет уж – лучше смерть, лучше операция... Я видел этих замарашек, я видел, как их везут через город в фуре с решеткой, и они скалятся на прохожих потому, что им ничего больше не остается, как скалиться. Нет, человек – это звучит гордо! Пускай я буду оскоплен, но я не склоню головы!

Рассуждая так, я отбросил ромашку и ходил по газону, заложив руки за спину и порой отмахиваясь от навозных мух, которые норовили сесть на мое гладкое, нежное тело.

– Эй, Тимоша! – услышал я насмешливый голос.

Мой друг Вик перепрыгнул через изгородь и оказался рядом со мной.

– Как только тебя пускают одного гулять по городу! – удивился я.

– Ты же знаешь – моя старая жаба не в состоянии за мной уследить. Да и не стал бы я слушаться.

– Вик, – сказал я, – у меня горе!

И я поведал ему о том, что скоро меня поведут к ветеринару.

– Честно сказать, – произнес Вик, выслушав мой короткий рассказ, – если бы такое произошло со мной, я бы убежал или повесился. К счастью, меня отобрали в производители, и мне пока ни-

чего не грозит.

– Но почему тебе так повезло? Почему?

– Я из очень хорошей породы. Меня еще в детстве измеряли и исследовали. Целый месяц держали в евгеническом центре.

– Где?

– Там, где проверяют породы и выводят новые.

– А мне нельзя в этот центр?

– Поздно, мой друг, поздно, – сказал Вик. – Да и работа эта не по тебе. Все время ты должен заниматься спортом, соблюдать диету, быть готовым работать в любое время дня и ночи.

– А почему твоя спонсорша на это согласилась?

– Тщеславие, тщеславие, – вздохнул Вик. – Таких, как я, очень мало, а породистого детеныша хотят многие семьи. Не уличного, не случайного – именно породистого. Кстати, я и здесь не случайно. В двенадцать мне – в этот дом. На работу.

– Что? – Меня как током ударило. – Что ты имеешь в виду?

– Инна, которая здесь живет, ну, которая тебе понравилась!

– И ты… ты что?

– Сегодня с утра ее хозяйка позвонила моей и просит: мне срочно нужен ваш самец! Наша девица, говорит она, созрела, и вокруг нее уже вьются

ухажеры… Тим, Тимка, ты что? На тебе лица нет.

Он отступил передо мной…

– Я как раз подумал, – продолжал он говорить, отступая, потому что он был большой дурак и не мог замолчать, пока не выскажет все, что в нем накопилось. – Вот смешно, ты к ветеринару, а я к ней. Правда, смешно?

Тут я и врезал ему в морду. Между глаз, изо всей силы.

Он был крупнее меня, он был сильней, но он не ожидал, что я могу его ударить. Домашние любимцы, особенно породистые, из хороших семей, никогда на дерутся. Спонсоры будут недовольны! Он вырвался и побежал прочь, но я догнал его и повалил на газон. Он пытался оторвать мои пальцы от горла, он хрипел и дергался, он бил меня ногами, и уже со всех сторон бежали люди и спонсоры. Моя хозяйка стала отрывать меня, а жабеныш бил меня когтистыми ножищами – он ненавидел меня и хотел убить. За открытым окном мелькнуло лицо Инны, искаженное страхом, я отбивался, царапался, кусался – я был диким зверем, которого надо убить. И если бы меня убили в тот момент, я бы не удивился и не считал это неправильным – такому, как я, не было места в нашем хорошо организованном

цивилизованном мире.

Меня оттащили – Вик бессильно лежал на газоне, непонятно – живой или мертвый. Что-то кричали… А я существовал на уровне животных инстинктов. Мною правил инстинкт самосохранения.

Я рванулся и покатился по траве.

– Ты куда? – кричала госпожа Яйблочко.

А я уже перескочил через ограду и побежал прыжками, то пригибаясь, виляя по мостовой – ожидая в любой момент пули или лазерного луча в спину, я несся куда-нибудь, меня вел инстинкт самосохранения – за город, в лес, на старую свалку… Я знал, что меня поймают, как всегда ловили всех беглецов и даже показывали эти операции по телевизору, чтобы другим неповадно было убегать. Но я все равно бежал…

2. ЛЮБИМЕЦ НА СВАЛКЕ

Я никогда еще не покидал нашего городка, который казался мне центром Вселенной, но я имел представление об окружающем мире. В нашем доме был телек, и господа Яйблочки позволяли мне смотреть его вместе с ними. Но телек работал не для домашних любимцев или других людей – он был зрелищем для спонсоров.

Я знал, что наша Земля – большая планета, на которой есть материки и океаны. Земля входит в великое содружество свободных миров, и господа спонсоры в этом содружестве занимают почетное место. Они несут свет правды и справедливости мирам, не знающим истинного учения. До того, как они прилетели к нам, мы, люди, тоже не знали истинного учения. А теперь мы многое уже знаем, но многое еще нам предстоит узнать.

Раньше на Земле жило очень много людей, это называлось перенаселением, людям доставалось мало пищи, они нервничали и нападали друг на друга. Сильные убивали слабых, погибали целые государства.

Когда спонсоры прилетели на Землю, неся с

собой свет знания, среди людей были отдельные лица, которые не понимали истинных целей спонсоров и старались им помешать. С этими людьми, вооруженными танками и другими средствами массового уничтожения, пришлось обращаться со всей беспощадностью справедливости. Мне приходилось видеть исторические телевизионные фильмы, в которых мелкие, но страшно злобные люди старались взорвать военные и идеологические объекты спонсоров, и тем, в принципе добрым и доверчивым, пришлось принести тяжелые неоправданные жертвы, прежде чем они победили. Я помню, как с негодованием смотрел эти фильмы, всей душой будучи с господами Яйблочками, и даже стыдился того, что мне пришлось родиться в шкуре человека.

По телевизору я смотрел и некоторые видовые фильмы. Они показывали природу и животных. Когда людей было слишком много, природа оказалась на краю гибели. Теперь же, когда людей стало меньше, природа снова стала чудесной. Спонсоры любили смотреть долгие, многосерийные, видовые фильмы – «В джунглях Амазонки», «В пустынях Антарктиды» и другие, поэтому я неплохо знал обычаи и повадки пингвинов и змеи-анаконды, хотя не имел представления,

какие люди живут в тех краях. И живут ли.

Приходилось мне видеть и ленты о жизни тех миров, откуда к нам прилетели спонсоры. Но, честно говоря, я ничего в тех фильмах не понимал, потому что был глуп и плохо образован. А если я спрашивал о чем-нибудь госпожу Яйблочко, она всегда отвечала: «Тебе, глупенький, не понять».

Впрочем, в те минуты, когда я бежал из родного дома в неизвестность, я не размышлял о Земле или Галактике, меня мучила мысль, где можно спрятаться, где можно переждать погоню. Я знал, что погоня будет обязательно, я был свидетелем таких погонь, и судя по рассказам спонсоров и любимцев, собиравшихся около универмага, такие погони обязательно заканчивались поимкой и жестоким наказанием человека, посмевшего обмануть доверие спонсоров.

Направо от дома широкая бетонная дорога вела к базе спонсоров, где трудился мой хозяин, туда бежать – все равно что добровольно отправиться на живодерню. Налево, к центру, магазинам и местам коллективного отдыха спонсоров, также нельзя. Оставался путь через задние дворы, по пустырю, к городской свалке, месту таинственному, отвратительному, которое руководители

базы давно собираются ликвидировать и сделать там трек для гонок на бронетранспортерах, да вот никак не соберутся, за что их неоднократно критиковал в домашних беседах господин Яйблочко. Оттуда, со стороны свалки, порой доносятся волнами гадкие запахи, и тогда все у нас в городке закрывают окна и включают кондиционеры. На свалке, как я слышал, скрываются бандиты и бродяги. Порой там устраивают облавы и пойманных бродяг отвозят на живодерню, а если убежит любимец или произойдет кража, то на свалку обрушивается справедливый гнев спонсоров.

И все же я побежал именно на свалку – иного места, чтобы спрятаться, я не знал. Тем более, что за свалкой, как мне рассказывали другие любимцы, начинается Великий лес, который идет до самой Австралии, то есть очень далеко. А в лесу растут ягоды и плоды, так что можно стать Робинзоном и даже построить хижину – один забулдыга, который пробрался в прошлом году в комнату отдыха для любимцев, за хлеб рассказывал нам различные древние истории. Тогда я над ним смеялся, а теперь, видите, пригодилось!

Меня уже хватились: далеко-далеко заревела сирена, это значит «Человек сбежал!», «Опасность!»; потом по вечернему небу пробежал и

погас длинный луч прожектора. До моего слуха донесся шум вертолетного мотора…

Им понадобится несколько минут, чтобы меня поймать, притащить обратно и примерно наказать. Вернее всего, меня отправят «на мыло», как шутила госпожа Яйблочко, но, может быть, мои хозяева возьмут меня на поруки – все же не чужой! Тогда меня оскопят и будут держать на цепи.

Только не это!

Что за странный бунт я поднял? – задавал вопрос я себе, убегая все дальше от дома и краем глаза отмечая, как зажигаются окна в домах спонсоров, как они собираются на большую охоту: сбежал человек!

Свалка лежала на месте некогда существовавшего в наших краях человеческого города Тарусы, стоявшего на берегу реки. Город был грязен, река была переполнена химическими отходами – все это угрожало планете. Так что после прилета инопланетян было решено город как источник заразы закрыть, а людей переместить.

Свалку продезинфицировали, рядом построили базу и городок для спонсоров, и постепенно свалка ожила – ведь надо куда-то девать отбросы спонсоров!

Свалка занимала громадный пологий откос, что вел от окраины базы к реке.

Когда я, задыхаясь, подбежал к свалке, ее бесформенные холмы в сумерках казались бесконечными.

Я остановился.

Пока я бежал, у меня была цель: добежать до свалки, а там станет понятно, что делать дальше.

Вот я добежал до свалки и не знал, а что же дальше? Зайти вглубь, откуда долетал неясный тяжелый запах тления, найти там яму или укрытие… и умереть?

А, может быть, сейчас, пользуясь темнотой, поспешить к бесконечному лесу и стать его обитателем?

Находясь в нерешительности, я все же пошел к свалке, стараясь углядеть какую-нибудь тропинку.

Я ступил в мир, где громоздились кучи консервных банок, костей, сломанных предметов, битой посуды, компьютерных карт, сухой каши – я мало что мог разглядеть в темноте, но, конечно же, мое живое воображение видело эти кучи как днем.

Все мое чистое, вымытое существо противилось необходимости приблизиться к помойным кучам

– тем более, что будучи бос, я сначала наступил на что-то скользкое, затем въехал пяткой в теплую податливую кучу и почти тут же напоролся на край консервной банки.

Зачем я сюда попал? Не лучше ли вернуться домой и покаяться? Согласиться на операцию? Но тут же я понял, что теперь операцией не отделаешься. Сбежавший любимец – источник микробов и заразы, психически нестабильный и опасный дикарь, и путь ему один – на живодерню!

Холмистый склон к реке был нем и насторожен – мне казалось, что я на нем не один, хотя ни шороха, ни движения я не ощутил.

Я замер, размышляя, что мне делать дальше, и неизвестно, сколько бы я рассуждал, но тут послышался приближающийся треск вертолета – его прожектор шарил по земле, и я понял – вот-вот он меня настигнет.

В ужасе я побежал по свалке, не обращая внимания, как больно моим подошвам. Я стремился к груде кирпичей, из которой поднимался обломок стены, – я прижался к нему спиной, надеясь, что он оградит меня от прожектора.

Треск вертолета раздался над самой головой – черной рыбой он показался надо мной, и

прожектор опустил перед моими глазами сверкающую стену. Луч его поворачивался, намереваясь проверить, не таится ли кто за обломком стены. Я хотел уж кинуться на землю в надежде зарыться в мусор, как увидел, что у самой стены, в двух шагах от меня, – черное отверстие. Я бы и не увидел его, но в тот момент из дыры выглянула человеческая голова и спряталась вновь – это движение и привлекло меня.

В такой момент трудно запомнить детали собственного поведения. Я не запомнил своих движений, но я оказался в черной дыре, я провалился, ударяясь о металлические скобы, плюхнулся в вонючую жижу, выпрямился, чтобы не потонуть в ней, и ударился затылком о свод подземного хода; на несколько секунд я потерял сознание, потом открыл глаза – в них бил яркий свет – и закричал.

– Убери, убери! Глаза вытекут!

Рядом кто-то засмеялся. Подло засмеялся, некультурно.

– Пускай вытекут, – сказал голос.

Я постарался сесть, собраться в комок – когти наружу – хоть Яйблочко и стригла мои ногти, даже маникюрила, потому что заботилась о своем любимце и собиралась вести меня на выставку.

Хоть некоторые говорят, что я не очень породистый, но это еще надо решить, кто породистый, а кто плебей!.. Я выставил ногти наружу и оскалился – пускай меня боятся.

Они смеялись.

Тогда я легонько зарычал – чтобы они знали, с кем имеют дело!

– Слушай, дай ему между глаз, – сказал женский голос. – Пускай очухается, щенок вонючий!

Тут я не выдержал и кинулся вперед на голоса, хоть и не видел их владельцев. Я готов был их растерзать, а ведь госпожа Яйблочко всегда учила меня сначала подумать, а уж потом делать, и не раз шлепала и даже порола меня, когда я совершал неосмотрительные поступки.

Поступок мой был неосмотрительным – я с кем-то дрался, но не видел с кем, и если я смог в первую секунду получить некоторое преимущество, потому что напал внезапно, то уже через минуту мне пришлось из последних сил защищать свою жизнь, отбиваясь от вонючих острых зубов и когтей – непонятно, человечьих или звериных.

– А ну, хватит! – приказал низкий женский голос. Приказал негромко, но в мою голову эти слова влетели, будто вкрученные отверткой.

Полузадушенный, исцарапанный и избитый, вжавшийся спиной в холодную мокрую стену, я, наверное, и на человека не был похож…

Свет уже не только бил мне в лицо – второй фонарь загорелся сзади – так что мне видно было, что я сражался с одноглазым, без уха бородатым бродягой. Его волосатое, отвратительное на вид тело было испещрено множеством ссадин и шрамов. Бродяга тяжело дышал, из носа у него текла кровь.

– Я тебя, – говорил он тупо, – вот я сейчас тебя… с дерьмом смешаю…

Мне вдруг стало смешно. Все… и мое бегство, и мой ужас на свалке под лучом прожектора, и страшная схватка в темноте – все это кончилось глупыми словами какого-то ублюдка.

– Успеешь, – продолжал женский голос, – и я, обернувшись, увидел странное существо.

Представьте себе женскую голову – с четкими, будто вырезанными из мрамора чертами белого, молочного лица. Глаза этой женщины были велики и казались светлыми, но при том освещении я не смог угадать их цвета. Зато волосы были черные – пышной гривой они окутывали лицо и тяжелыми волнами стекали к плечам… но мои глаза напрасно искали эти плечи – голо-

ва той женщины существовала как бы сама по себе, потому что тело, должное поддерживать ее, принадлежало горбатой карлице, так что даже выпрямившись, та женщина не достала бы мне до пояса.

Смена чувств – от восторга до глубокого разочарования – несомненно, отразилась на моем лице, и женщина почувствовала это. Глаза ее тут же сузились от ненависти ко мне, и маленькие сухие кулачки поднялись к груди, прикрытой грязной мешковиной.

– Не понравилась? – сказала она, вернее прошипела как змея.

Волосы зашевелились на ее голове, словно сплетение змей.

– Говори, не понравилась?

– А мне что, – сказал я, – мне все равно.

– Он не будет жить! – произнесла карлица приговор.

– Он не будет жить! – подхватили ее друзья, собравшиеся в подземном туннеле.

– В колодец его, – крикнула лохматая беззубая женщина.

– Нет, в болото, в болото, пускай его засосет! – кричал длинноносый старичок в высоком красном колпачке.

– Я его сам в отстойник отнесу! – заверещал одноглазый. – Пусть воняет.

По туннелю прокатился разноголосый смех, будто там было немало людей или каких-то других страшных существ, которые слышали наш разговор и радостно приветствовали приговор, произнесенный горбуньей.

– А я возьму! – Неожиданно одноглазый бродяга протянул вперед руку и рванул на себя мой ошейник. Мою единственную драгоценность, мое единственное имущество! Разумеется, мой ошейник не такой драгоценный и трижды электронный, как у Вика или других богатых любимцев, но все равно он сделан из колечек титанового сплава, отчего под солнцем он приятно переливается, на нем прикреплена моя Справка: пол, возраст, имя, владелец – ну, все как полагается!

Я зарычал, сопротивляясь. Я считал, что лучше пускай меня задушат, но я не превращусь в скотину без имени и хозяина!

Я бы дорого отдал свою жизнь, но тут меня так долбанули по затылку, что я выключился – будто умер.

Но я не умер, оказывается, я только потерял сознание. Потому что я очнулся… Было темно и

пусто. Ни одной живой души. Но голоса и шум звучали вдали, в глубине.

Я ощупал затылок – он был горячий и мокрый.

Они пробили мне голову!

Шум и голоса приближались. Какие-то люди шли по туннелю.

Пух! Пух! Пух! – мыльными пузырями лопались выстрелы.

Я на четвереньках пополз в сторону от выстрелов, под коленями и под ладонями была жижа… Найти бы выход из этой дыры! Пускай меня поймают, пускай убьют, но я не могу больше мучиться!

Выстрелы и крики были все ближе.

Я почувствовал дуновение холодного воздуха, вот он коснулся разбитой головы… Я поднял голову – надо мной было круглое отверстие, в нем мерцали звезды.

Это было нежданное спасение.

Впрочем, если подумать, ничего нежданного в нем не было – через эту дыру я и попал в подземелье.

Я нащупал в темноте скользкие железные скобы и начал взбираться наверх – голова моя болела так, словно готова была отвалиться.

Воздух стал чище – можно было уже вдохнуть

полной грудью и не потерять сознание.

Снизу, совсем близко, были слышны крики и выстрелы. Я пополз наверх быстрее.

– Давай лапу! – добродушно сказал кто-то сверху.

Я протянул руку, и человек помог мне выбраться на поверхность.

Пока я был в кромешной тьме, глаза мои привыкли к ней настолько, что я, встав рядом с человеком, который мне помог, сразу увидел, что он одет в черный мундир, в руках у него короткий автомат, а на голове, похожая на ракушку, каска милиционера.

От ужаса я хотел было прыгнуть обратно в дыру, но милиционер разгадал мое желание, коротко и быстро ударил меня по шее ребром ладони. Я еле удержался на ногах.

– Стоять, пакость! – зарычал он. – Хочешь живым остаться, стой, мерзость болотная!

Он сердился, но я понял, что он не будет меня убивать. Его голос был не смертельным.

– На корточки!

Я присел на корточки у его ног.

Вдали замелькали два фонарика – они приближались, соединяясь друг с другом.

Это шли другие милиционеры в черных мун-

дирах и гнали перед собой несколько свалочных замарашек – смотреть было противно на эти несчастные, в нарывах, рожи, на всклокоченные патлы, тупые тусклые глаза. Подонки попискивали, ныли и вели себя как жалкие животные, и я с некоторым злорадством подумал: то-то вам! – одно дело нападать на безоружного и бесправного любимца, другое – поговорить с настоящими милиционерами, верными друзьями порядка, о которых даже Яйблочко говорила, что они достойны лучшей участи, чем родиться людьми.

Меня подтолкнули в спину, и я попал в группу подонков, но мои попытки обратить на себя внимание, чтобы сказать о моей принадлежности к цивилизованной части человечества, результата не возымели. Милиционерам было не до меня – они продолжали прочесывать свалку. Порой издали или из-под земли доносились крики или серии выстрелов. Порой мимо меня проносились стремительные тени, и я догадывался по виденным мною фильмам, что это милиционеры с реактивными ранцами за спиной. Неподалеку тяжело опустился большой вертолет.

Именно к вертолету нас всех и погнали.

Его люк велик, так что в него мог проехать небольшой танк, а внутри обнаружилось по-

мещение размером с универмаг – наверное, вертолет делался для спонсоров, а они передали его милиции.

Внутри вертолета было очень светло – так что сначала я зажмурился. Вид моих спутников по заключению при свете был еще более отвратительным, и мне было удивительно, почему же милиционеры не видят, насколько я отличаюсь от диких подонков. Я готов был выбежать вперед, чтобы объяснить и рассказать правду, но в то же время нечто, подобное ужасу, меня останавливало: ведь, не исключено, что вся облава была начата из-за меня…

Милиционеры были деловиты и молчаливы. Время от времени в чрево вертолета вталкивали новую порцию бродяг – скоро нас было уже более тридцати, и я оказался далеко не в первом ряду.

В этой обстановке я не потерял любопытства и крутил головой, надеясь увидеть столь удивившую меня карлицу, но ее не было – может быть, ее убили?

– Вдоль стены, вдоль стены! – закричал сержант милиции. – В один ряд!

В один ряд выстроиться было трудно, но милиционеров это не волновало. Пинками и тычками они начали разгонять нас вдоль стены. Испу-

ганные, потные, вонючие подонки дрожали от страха. Я не дрожал, хоть мне тоже было страшно. Но я знал, что в крайнем случае признаюсь, что я не паршивый бродяга, а настоящий любимец из хорошей семьи.

Высокий, широкоплечий милиционер, пилотка надвинута на нос, начал осмотр с крайнего бродяги – поднял его голову за подбородок, нажал на углы рта, чтобы рот раскрылся, посмотрел на зубы.

– Закрой! – сказал он. – Гниль вонючая!

Он перешел к следующему, старичку в красном колпаке.

Возле него он даже не стал задерживаться, ткнул его палкой в грудь, и сделал шаг дальше… У меня разболелась голова, и я не задумывался, кого разыскивает помощник.

Он миновал таким образом пятерых или шестерых бродяг и приблизился ко мне, как от дверей раздался крик:

– Эй! Нашел!

Милиционеры втащили отчаянно сопротивлявшегося одноглазого бродягу, совсем голого, если не считать моего драгоценного ошейника. Так вот он, мой грабитель!

Я рванулся к нему, чтобы отобрать подло похи-

щенную вещь, но меня опередил милиционер, который проверял пленников.

Он обернулся к пришедшим, сделал два шага к одноглазому и залаял. Честное слово, музыка его речи больше всего напоминала собачий лай.

– Этот гаденыш обокрал своих хозяев, совершил подлый поступок и думал, что сможет избежать справедливой кары!

Одноглазый, видно, догадался, что причиной немилости милиционера стал отнятый у меня ошейник. Он вцепился в ошейник, стараясь его сорвать, он хрипел:

– Это не я… это не мой!

– Это мой! – мысленно кричал я, но, к счастью, лишь мысленно.

Неуловимым ловким движением милиционер поднял пистолет, и голубой луч провел угольно черную полосу по груди бродяги.

Тот свалился грудой мяса и костей на пол. Никто и звука не издал.

По знаку сержанта кто-то подошел к мертвому бродяге, носком сапога откинул его голову и брезгливо отстегнул мой ошейник. Передал его сержанту.

– Вот так, – сказал тот, – будет с каждым, кто посмеет нарушить доверие, которое оказывают

ему наши спонсоры.

После этого он обернулся к нам, и я впервые смог разглядеть его лицо, как будто до того оно излучало какой-то смертоносный свет, мешавший увидеть его черты.

Это было обыкновенное лицо, я бы даже не сказал, что мужественное – у него был убегающий скошенный подбородок, крупный нос и пухлые, в красных жилках, щеки. Лицо как лицо. Может, лишь усы, необычные, с подусниками, уходящие вниз к углам скул, отличали его от подчиненных.

– А вас, рванье, мы отвезем потрудиться, – пролаял он, – хватит бездельничать.

В толпе пленников поднялся вой. Отдельные вопли вырывались наружу и складывались в слова, мольбу, стенания…

Старичок в красном колпаке неожиданно кинулся к двери. Он даже успел ее достичь, но в дверях его настиг луч пистолета. Продолжая бежать, старичок исчез внизу.

– Еще есть желающие? – спросил сержант.

Никто, конечно же, не ответил.

Тогда сержант жестом приказал убрать тело одноглазого, погибшего, как я уже понял, только потому, что его приняли за меня. Затем нам всем

приказано было сесть на пол, сбившись в толпу.

Мне казалось, что я потеряю сознание от зловония, но понимал, что теперь мне не остается ничего иного, как терпеть и ничем не выделяться из толпы. В конце концов это кончится, и я смоюсь!

Закрыли люк. Вертолет плавно и быстро поднялся вверх. В кабине было тихо – шум мотора сюда почти не проникал. Мне очень хотелось подняться и посмотреть на землю сверху, но я не решился.

– Сиди, сиди, – прошептал курносый бродяга, сидевший рядом со мной, – видно, уловил мое желание встать. – Сам погибнешь и других подведешь, щенок.

– Я тебе не щенок!

Курносый отклонился, увидев то, что я увидеть опоздал, – конец тонкого бича пронесся через вертолет и оставил на моем плече сразу вздувшийся красный след.

– За что? – крикнул я.

Милиционер засмеялся и вновь занес бич. Я спрятал голову в колени.

Рядом кто-то засмеялся. Тупость этих бродяг была сверхъестественной. Им были смешны даже мучения соседа.

Путешествие заняло немного времени.

Очень болело плечо, словно конец бича был пропитан ядом.

Все пленники молчали, я тоже молчал, у меня было тупое состояние. Меня можно было бить, а мне все равно. Да и не хотелось мне глядеть на морды бродяг.

Конечно, я мог подняться и сказать, что произошла ошибка. Но человека убили только за то, что он был в моем ошейнике. А если бы у меня не отобрали ошейник? Тогда бы мой труп валялся на свалке! Неужели ничего нельзя поделать? Я убежден, что наблюдаю произвол милиционеров, которых раньше считал верными друзьями порядка. А что, если это не произвол, если существует где-то указ, по которому любимец, обманувший надежды спонсоров, подлежит уничтожению?

И не у кого спросить, некому признаться, не на кого опереться. Если бы я знал раньше, клянусь великим спонсором, я бы никогда не убежал. Да отрежьте мне хоть обе руки и ноги, только оставьте меня возле миски со вкусной пищей, у мирно журчащего телевизора, на моей мягкой подстилке! О, где ты, моя хозяйка? Я не желаю быть отщепенцем!

Я чувствовал, как горячие слезы текут по моим исцарапанным щекам, я старался плакать так, чтобы не привлекать к себе внимания… впрочем, никому до меня и не было дела.

Из глубокой задумчивости меня вывел чувствительный толчок в бок.

– Что еще? – спросил я.

– Ты парень хороший, – сказала худющая беззубая женщина непонятного возраста, грязная настолько, что нельзя было понять, одета она или нет. Голос у нее был хриплый, надтреснутый, почти неразличимый. – Ты парень красивый, – повторила она и подмигнула мне.

Нельзя сказать, что ее слова и действия меня обрадовали. Даже в такой отчаянный момент я бы предпочел быть рядом с обыкновенным чистым любимцем.

Но я даже отодвинуться не мог.

– Сейчас нас разбирать будут, понял?

– Как так разбирать?

– Сопляк ты недорезанный, – беззлобно сказала женщина. – Им облавы по помойкам да по лесам зачем нужны? Трудяг у них дефицит. Некому помирать на каторге. Если будешь себя умно вести, останешься живой и попадешь на легкое вкалывание, может, протянешь годик-два, а там

и в бега уйдешь.

– Как умно себя вести?

– Если они решат, что ты сильный, – попадешь на урановые рудники. Или на уголь – это конец в две недели.

– А как я покажу, что я не сильный?

Хоть эту женщину я и видел впервые в жизни, я доверял ее словам. Может быть, потому, что иного выхода у меня не было.

– Хромай, ногу волочи, горбаться, мордой дергай – ну что, не придумаешь, что ли?

– А если не рудники?

– Тогда, может, в уборщики или канализацию, а то и на склад, или самое лучшее – на кондитерскую!

– Это лучше! – Я подумал, что мне предлагают унизительный труд. Ни один любимец не станет убирать комнаты или чистить нужники – лучше смерть!

Возможно, на моем лице отразилось негодование, и женщина беззубо улыбнулась.

– Откуда ты такой взялся, любимец беглый, что ли?

У меня хватило сообразительности отрицательно покачать головой.

– Живи как хочешь, – сказала женщина, – мало

ли народа по миру бродит.

Бродит… это слово не могло относиться ко мне. Я не брожу – я домашний!

Вертолет опустился, нас из него выгнали на огороженное колючей проволокой поле, где мы и просидели до утра. Просидели – неточное слово. Я, например, пропрыгал все это время, стараясь согреться и мучаясь от жестокого холода. Если бы я был иначе воспитан, я бы отнял тряпку у кого-нибудь из старых людей – так, я видел, делали молодые и наглые.

Несколько человек сбились в кучу и грели друг дружку – в той группе сидела и женщина, учившая меня изображать из себя инвалида. Она позвала меня, и я сел с ней рядом – мне стало немного теплее.

– У меня один знакомый был, – рассказывала она мне, как старому приятелю, – мы с ним в Москве жили. Ты в Москве был?

– Нет, – сказал я.

Ветерок, который днем был прохладным, сейчас обжигал холодом.

– Ну хоть слышал?

– Слышал, – сказал я. – По телеку иногда показывали.

– А ты где телек видел? – спросила женщина с

подозрением. – Нам ведь не положено.

За моей спиной сидел невидимый мне человек, по голосу старый, ему было теплее – его со всех сторон окружали люди. И он сказал:

– А ты не приставай, Ирка, он же беглый любимец.

– Нет, – сказала Ирка, – я спрашивала.

– Любимец он, любимец, у него же ошейник был. Кривой у него ошейник в вонючке отобрал, помнишь?

– Я не видела, я спала.

– А я видел, госпожа Маркиза хотела его попугать, а тут милиционеры накинулись.

Мои соседи разговаривали так, словно меня не было рядом. Мне было обидно, но я молчал. Если молчишь, то на тебя не так сердятся. Если оправдываешься, то тебя обязательно выпорют, это первый закон домашнего любимца.

– А чего он тогда молчал? – спросила женщина. – Ведь из-за него Кривого убили, а нас всех забрали.

– Правильно сделал, что молчал, – сказал голос. – Кто просил Кривого ошейник у него отбирать? Каждый жить хочет, только жить надо, чтобы других не обижать. Кривой обидел, и нет Кривого – это закон.

Женщина ничего не ответила. А кто-то третий, из нашей же кучки, сказал:

– Тебе хорошо, Рак. Ты в Бога веришь.

– Я и вам не мешаю, – сказал старик, которого назвали Раком.

Потом я задремал, хоть груди и ногам было холодно, зато сзади и сбоку меня грели другие люди, и было сносно.

Проснулся я потому, что стало еще холодней. Мы сбились в такую тесную кучу, что мои конечности затекли, и я не знал, где мои ноги, а где чужие.

В загоне, который был нашей тюрьмой, по земле стлался холодный туман, и люди, вошедшие туда, казались безногими. Они медленно плыли в нашу сторону, и моему воображению, одурманенному холодом и стремительными событиями последних суток, казалось, что вокруг меня происходит черно-белый или, вернее, серо-белый телевизионный танец.

– Вставать, вставать, вставать! – кричал толстый темнолицый милиционер в каске-раковине, надвинутой так низко, что она оттопыривала уши и закрывала лоб. – Стройся по одному!

Мне показалось, что сейчас все мы возмутимся, потому что обращение с нами было бесчеловеч-

ным, так не обращаются даже с комарами. Сейчас мы потребуем еды или хотя бы возможности умыться и оправиться. Но, к своему удивлению, я увидел, как все, включая меня, покорно поднимаются на ноги и, дрожа, растирая затекшие ноги, матерясь сквозь зубы, выстраиваются в неровную линию.

Я понимал, что отличаюсь от этих существ как ростом и сложением, так и гладкой светлой кожей, умными чертами лица и чистотой тела. Но я уже понимал, что не всеми советами подонков следует пренебрегать. Что-то говорило мне, что беззубая женщина дала разумный совет, так что, встав в ряд, я тут же согнулся и начал дрожать, тем более что сделать это легко, если у тебя онемели ноги и ты промерз до мозга костей.

Наступила пауза, кого-то ждали. Но если один из нас пытался заговорить, сразу следовал окрик. Какой-то бродяга, не удержавшись, помочился прямо в строю. Милиционеры увидели, стали смеяться, потом пинками выгнали его из строя и стали бить дубинками. Ему стало больно, он подпрыгивал, а милиционеры требовали в неприличной форме, чтобы он продолжал мочиться и, что самое удивительное, многие в строю начали смеяться, даже хохотать вместе с ними.

Но тут от входа в изгородь послышались крики. Незаметно подъехало несколько машин. Из них вышли люди и приблизились к нам. Раньше я думал, что всем людям, кроме милиции, запрещено одеваться, потому что одежда – это прерогатива разумных спонсоров, а мы, неразвитые, еще не доросли до одежды. Но люди, которые приехали в машинах, были одеты в разного вида одежду, и на ногах у них были ботинки или сапоги, как у милиционеров. Они громко разговаривали и даже смеялись – и я был так удивлен одеждой, что не смог рассмотреть лиц.

Эти люди вышли на серединку вытоптанного плаца, и один из них сказал сержанту:

– Ну и экземпляры!

Был тот человек странного для меня вида: его борода лежала веером на синей длинной одежде, а черные с проседью волосы были пострижены и завиты.

– Вечно с ними морока, – сказал сержант. – Ну чистые скоты.

– Мы из них сделаем людей, – сказала толстая женщина, тоже в теплой одежде. У нее были красные щеки, будто от мороза – наверное, эта женщина много ела.

Все вместе они пошли вдоль строя. Первым

выступал мужчина с большой бородой. Он останавливался перед людьми, порой приказывал открыть рот, отводил веко – словно на выставке любимцев, на которую меня как-то давно брали хозяева. Первые два или три человека ему не понравились, третьего, похожего на обезьяну волосатого брюнета, он вытащил из строя и показал пальцем, где тому стоять. И в его движениях была такая уверенность, что мужчина покорно сделал шаг в сторону, а бородатый, не оглядываясь, чтобы убедиться, исполнено ли его приказание, уже следовал дальше. Так он приближался ко мне, вытащив человек десять, и я не знал, хорошо или плохо попасть к нему, и обернулся в поисках беззубой женщины, но не сразу нашел ее – она стояла человек за пять от меня. Женщина заметила мой взгляд и догадалась, что я хочу узнать. Она отрицательно покачала головой и согнулась, показывая, словно больна. Я тут же последовал ее примеру – я согнулся так, что пальцы левой руки достали до земли, сгорбился и даже скособочил лицо.

– Ты всех возьмешь, Пронин, – сказала толстая женщина в меховой одежде, – нам же тоже рабсила нужна.

– Лишнего не возьму, Марья Кузьминична,

– сказал Пронин голосом сытого человека.

Он как раз дошел до меня и внимательно посмотрел. От страха разоблачения меня шатнуло.

– Ну и рожа, – сказал Пронин, скривившись от отвращения. Мне бы в тот момент возликовать, что он меня не разоблачил, но почему-то слова его, а тем более тон, которым они были произнесены, настолько возмутили меня, что я выпрямился и принял было гордую позу, но на мое счастье Пронин уже проследовал дальше. Зато мое движение не укрылось от толстой Марии Кузьминичны, и она быстро сказала:

– Этот – мне.

Я снова перекосился: женщина потянула меня за локоть, а один из милиционеров, желая оказать женщине содействие, так дернул меня за руку, что я вылетел из ряда и отбежал, ковыляя, в сторону.

Процедура отбора людей прошла так быстро, что я не успел опомниться, как все мы стояли тремя кучками. Наибольшая, состоявшая из молодых мужчин и здоровых людей иного возраста, была отобрана Прониным, была еще одна группа в нее попали я и беззубая женщина, мы стали собственностью женщины Марии Кузьминичны. Третья группа, состоявшая из инвалидов и

стариков, осталась как бы невостребованной, но именно эти люди покинули загон раньше всех – черная машина въехала внутрь, милиционеры помогали инвалидам и старикам забираться в нее, потом сзади поднялась решетка, и последнее, что я увидел, – белые пальцы, вцепившиеся в прутья и исполосованные решетками лица.

– Их куда? – спросил я беззубую женщину. Я хотел спросить о нас, о себе, но не посмел, поэтому спросил о стариках, как бы идя от противного.

– Им кранты, – сказала беззубая женщина. Лицо ее, от века до подбородка прорезал узкий шрам.

– Что это значит?

– А это значит, что на мыло.

Меня покоробил такой цинизм, но тем не менее я понимал, что судьба этих существ незавидна.

Мария Кузьминична подошла к нам и оглядела наше воинство, которое радости у нее не вызвало.

– И где же вас таких изготовляют, – сказала она печально. – Пользы от вас – кот наплакал.

– Не годятся, не брала бы, – сказал стоявший рядом с ней наглого вида лысый, несмотря на молодость, человек.

– На дармовщинку почему не взять.

После некоторой паузы она сказала мне:

– Можешь выпрямиться, ты уже мой.

Я понял, что мой наивный обман разоблачен, но сержант и бородач стояли еще так близко, что я не посмел распрямиться.

Так как я колебался, лысый помощник Марии Кузьминичны незаметно подобрался ко мне и так ударил по согнутой ноге, что я подпрыгнул от боли и, конечно же, вынужден был выпрямиться.

Мария Кузьминична захохотала, уперев сильные руки в бока, а за ней стали смеяться и все остальные. К тому же я вместо того, чтобы стоять прямо, продолжал упорно сгибаться как инвалид, а Лысый к вящему удовольствию зрителей продолжал меня пихать. Тут я потерял над собой контроль и, размахнувшись, ударил Лысого по плечу. Тот отлетел метров на десять и с таким звуком шлепнулся на пыльную землю, что все, включая меня, решили, что если он не погиб, то, по крайней мере, переломал себе все руки и ноги.

К счастью, Лысый остался жив и даже здоров, зато позор, пережитый из-за того, что его при всех ударил подонок со свалки, был для него непереносим, и я нажил врага.

– Вот это правильно, – сказала Мария Кузьминична. – Не зря я сразу на тебя глаз положила!

Только бы, думаю, Пронин его не раскусил.

И, она весело рассмеялась – она была веселой женщиной.

3. ЛЮБИМЕЦ НА ФАБРИКЕ

Грузовик, который вез новых работников Марии Кузьминичны, был открытым, стареньким, и на подъемах его двигатель страдал, пыхтел, отказывался трудиться. Лысый сидел в грузовике с бродягами, хотя пока никто не собирался убегать – все были голодны и замерзли. На людской лотерее, через которую, как я понял, некоторым пришлось пройти уже не раз, нам всем повезло. И работа, на которую везли, была сносная, да и директор Мария Кузьминична, по слухам, была не вредная. На ее фабрике тоже умирали от болезней, а кто не помирал, сбегали, но так, чтобы помереть от голода или чтобы тебя замучили – такого не бывало.

– Ты Лысого бойся, Лысого, – предупредила беззубая женщина, которая как бы взяла надо мной опеку, и я не возражал – по крайней мере, пока она мне помогала. – Он подлый и ревнивый.

– С чего ревнивый? – не понял я.

– Он с мадамкой живет, а она все ищет из трудящихся себе нового друга. Он же сам трудящимся был. На свалке вырос, на помойке помирать не

желает.

– Ирка, заткнись! – крикнул Лысый. – Я тебя узнал, халява!

Женщина понизила голос, но говорить не перестала.

– Мы с тобой отлежимся, откормимся, – и в лес!

– Зачем? – спросил я.

– За свободой, – ответила Ирка.

Она провела кончиками пальцев по тыльной стороне моей руки и добавила:

– Нежненький… любимец.

– Я обыкновенный.

Грузовик трясло, и время от времени нам приходилось хвататься друг за друга, чтобы не упасть.

– А что это за место? – спросил я, чтобы переменить тему разговора. – Место, куда нас везут?

– А я тебе разве не сказала? Кондитерская фабрика.

– Там конфеты делают?

– Конфет я не пробовала за всю жизнь, – сказала Ирка, – и если это конфеты – то не для нас с тобой.

– А для кого?

– Темный ты! Как хоть зовут тебя?

– Тим.

– Тимошка?

– Лучше Тим.

– Как хочешь.

– А для кого конфеты?

– Это не совсем конфеты, – сказала Ирка. – Это конфеты для жаб.

– Для спонсоров?

– Ты точно с другой планеты – вот в чем дело!

Машина катила по неширокой дороге, которую давно не чинили, поэтому грузовику то и дело приходилось тормозить или объезжать ямы и трещины в асфальте. Я смотрел через борт, и мой глаз искал привычные пейзажи: серые кубы – дома спонсоров; сизые, врытые в землю купола – их базы.

Две башни наблюдения все время маячили на горизонте, но что касается других примет нашего мира – их не было видно. Местность вокруг была пустынной: кое-где из-под травяного покрова или из зарослей орешника поднимались металлические конструкции или валялись бетонные плиты. Я понимал, что это следы той великой и трагической эпохи, когда спонсоры, чтобы спасти Землю, были вынуждены закрыть и ликвидировать все ее вредные заводы и комбинаты, и люди

получили возможность свободно дышать, а дети – рождаться здоровыми. Мне было известно, что по договоренности между спонсорами и теми людьми, которые предпочли самостоятельное, полное невзгод и случайностей существование, было заключено соглашение, что люди вывезут мусор и закопают его. Но люди, в силу свойственного им легкомыслия и неумения подолгу сконцентрироваться на одной мысли, забывали выполнить свой долг – теперь же, когда время упущено, и природа сама залечила свои раны, уборка потеряла смысл. Да и диких людей почти не осталось.

Фабрика, на которую нас привезли, была окружена изгородью с высокой сеткой в три ряда, а над сеткой тянулись провода – я сразу понял, что по проводам пропущен электрический ток, я видел нечто подобное по телеку – там вредители лезли на проволоку и обугливались.

Наш грузовик прерывисто загудел, и через некоторое время к воротам лениво вышел человек в одежде. Госпожа Мария Кузьминична выскочила из кабины грузовика и принялась его бранить. А я смотрел на этих людей и думал: неужели власть спонсоров не так безгранична? Ведь сколько раз они повторяли и показывали по

телеку – одеваться людям нельзя! И дело здесь не столько в нашем низком духовном и умственном развитии, сколько в гигиене. В одежде людей скрывалась масса паразитов и заразных грибков. До прилета спонсоров почти все люди были больны и вымирали – в частности, из-за того, что носили одежду. Как только спонсоры приказали людям раздеться и выкинуть одежду, все эти болезни как рукой сняло.

Для того чтобы человек успешно продвигался по пути совершенствования и превращения в разумное существо, он должен закаляться, заниматься гимнастикой и следить за чистотой своего тела.

Миновав ворота, грузовик остановился на пыльной площадке перед длинными строениями из красного кирпича. Окованная железными полосами дверь открылась, и изнутри вышел еще один одетый человек! Я представил себе, какое количество микробов развелось на этих людях, и мне чуть не стало дурно.

– Новых привезли? – спросил он.

– А ты как думал? Арбузы? – огрызнулся Лысый.

– Лучше бы арбузы. А то вы таких немощных возите, что от них пользы никакой.

– Дурак ты, Хенрик, – сказал Лысый, – пока живы, из них всегда можно пользу выколотить.

– Мальчики, мальчики, без ссор! – окликнула их Мария Кузьминична. – В какой барак мы их определим?

– Во втором почти пусто, – сказал Хенрик.

Пока они разговаривали, я осматривался. С трех сторон двор был окружен красными строениями, над одним поднималась высокая труба, из нее валил дым – он рвался в небо столбом, словно внутри работали мехи, которые гнали его наверх.

Одно из зданий пониже и поновее других явно было складским – вдоль него тянулась крутая галерея, приподнятая на метр. Возле нее стояло несколько трейлеров, из открытых дверей склада люди вытаскивали алюминиевые контейнеры и заносили их в кузова машин.

Ирка заметила среди рабочих своего знакомого, помахала ему и закричала:

– Ты живой еще, хромой черт!

– Тебе самой на живодерню пора! – радостно закричал человек из галереи.

– А ты мне поговори, поговори! – рявкнул Лысый. – А ну, пошли!

Он погнал нас к низкой двери строения, что

было прямо перед нами, и никто не спорил – все замерзли на ветру и хотели поскорее в тепло.

По грязным скользким ступенькам мы спустились в подвал. Там было влажно, сыро, воняло человеческими нечистотами, единственная лампа, висевшая под сводчатым потолком, тускло освещала этот приют. По обе стороны прохода тянулись деревянные скамьи в два этажа, кое-как покрытые грязными тряпками. Вскоре я узнал, что они называются нарами.

При нашем появлении над одной из нар поднялась голова – все остальные нары были пустыми.

– Ты чего прохлаждаешься? – крикнул Лысый.

– Больной я, староста разрешил, – сказал человек и закашлялся.

– Ох и распустились без меня! – крикнул Лысый. – Чтобы завтра был на работе!

Потом Лысый поглядел на нас, покачал сокрушенно головой и сказал:

– А вы до обеда здесь, а после обеда – на трудовых постах, а то запорю.

– Зверь, – сказала Ирка, стоявшая рядом со мной. – Истинный зверь, если сказал запорет, значит, запорет.

Мне показалось, что она улыбнулась.

Хлопнув дверью, Лысый ушел, а тот человек, что был простужен, стал, не вставая, показывать нам, какие нары пустые, а какие заняты, чтобы мы не поссорились с их хозяевами.

Окошки были забраны решетками и тянулись под самым потолком – видно, раньше в этом подвале что-то хранили, вряд ли его могли с самого начала замыслить как жилище. Хотя, впрочем, этому зданию куда больше ста лет – оно еще доспонсорское, а тогда люди жили плохо, грязно, безыдейно.

Ирка выбрала себе нары в самом углу, подальше от двери и вонючего ведра, а мне велела устраиваться над ней – она уже распоряжалась моими действиями, как добрая приятельница или даже родственница. Впрочем, так оно и было – сейчас мне на всем свете не найти человека ближе, чем эта бродяжка, которая почему-то прониклась ко мне сочувствием и взяла надо мной опеку. И хоть она была страшно грязная и передних зубов у нее нет, шрам через лицо, а вместо волос – космы, у меня не было к ней отвращения и презрения. Мне она помогала.

– Жрать охота? – спросила она, став рядом с нарами и проверяя, удобно ли я устроился. – Здесь кормят. В других местах не кормят, ждут, когда

мы копыта откинем, а здесь даже пожрать дают. А это потому, что Машка-мадамка вовсе не злая. Даже непонятно, как в директорах держится, у них установка – истребление генетического фонда, смекаешь?

Я ничего не смекал, я половину ее слов не понял, но кивал головой, не спорил. Я улегся во всю длину на нарах – они были мне коротки, и пятки высовывались наружу. Ирка стояла возле, уткнув подбородок в край нар. Вокруг стоял негромкий гул голосов и шум, производимый людьми, которые обустраивали свой нищенский быт. Я подумал, хорошо бы сейчас рассказать этой Ирке, как может жить цивилизованный человек, рассказать ей о моей чистой и мягкой подстилке, о ковре, на котором я лежал и смотрел телевизор, о том, что у меня было по крайней мере три различные миски, и хозяйка их сама мыла, потому что не доверяла моей аккуратности.

Но выполнить своего намерения я не успел, потому что Ирка вдруг наклонила голову и, прищурившись, заявила:

– В баню бы тебя!

– Меня?

– А то кого же! Я еще такого грязного мужика и не встречала.

Я сначала не понял, шутка это или издевка надо мной, но все мое расположение к этой бродяжке как рукой сняло.

– Уйди! – сказал я. – А то я тебе скажу, на кого ты похожа.

– На кого похожа, на того и похожа, – ответила, нахмурившись, Ирка.

– На бабу-ягу беззубую, из помойки! – сказал я.

– Ну и мерзкая ты вонючка, – сказала Ирка.

Я думал, что она взбеленится, а она так печально сказала…

Если бы она этим ограничилась, я бы не стал сердиться. Но она сложила лицо в какую-то дулю и сильно плюнула в меня.

В меня еще никто никогда не плевал.

Я вскочил, сильно ударился головой о свод потолка, свалился кулем с нар и кинулся за ней, чтобы убить. Я не преувеличиваю – я знаю, что любой любимец имеет право убить бродягу или преступника, и ничего ему за это не будет, потому что он проявляет верность спонсору.

Я бежал за Иркой, не понимая, что я уже давно не любимец.

Все в нашей спальне сообразили, что происходит, но мне никто не сочувствовал и не помогал. Некоторые подставляли мне ножки, пихались,

ругались, даже били меня.

Ирка обернулась на бегу, и, могу поклясться Всемогущим спонсором, она улыбалась!

Ее щербатая улыбка придала мне сил, и я кинулся за ней к дверям.

Но, как назло, именно в этот момент в дверь въезжала тележка, на которой стоял котел с похлебкой для всех пленников. Тот мужчина, что толкал перед собой тележку, конечно же, не ожидал, что на него кинется разъяренный молодец.

На мое счастье похлебка была не очень горячей. Так что, когда котел опрокинулся, мы с поваром почти не обожглись, но грохот стоял невероятный – ведь котел покатился между нар, выплескивая на ходу похлебку с капустой и свеклой. В этом широком, но мелком потоке плыл, вернее, ехал на заду я сам, за мной катился котел, а держась за край котла в безнадежной попытке удержать его, скользил повар.

Я убежден, что со стороны зрелище было комическим, но смеяться было некому – сначала все перепугались, но скоро догадались, что по моей милости они остались без обеда. И еще не успел я завершить свое движение в потоке похлебки, как на меня со всех сторон кинулись разъяренные рабы – они рвали меня когтями, пинали,

старались удушить, растоптать, оторвать мне руки и выцарапать глаза! Наверное, никогда в моей жизни я не был так близок к гибели, как в тот момент, – я пытался спасти глаза и наиболее уязвимые части тела, но у меня не хватало рук, чтобы спасти все, и я катался по скользкому полу, стараясь избегнуть гибели.

Сколько это мучение продолжалось, я не знаю. Да и как я мог узнать об этом! Сквозь шум истязания до меня донесся крик:

– А ну, прекратить! А ну, по нарам! Я кому сказал!

Хватка рабов ослабла, меня отпустили, я смог открыть глаза и увидел, что Лысый разгоняет плетью рабов по нарам и что ему помогает Ирка, которая также старалась меня спасти.

Лысому не потребовалось много времени, чтобы понять, что же произошло. И тогда он совершил поступок, который еще больше унизил мое человеческое достоинство и еще более усилил мою ненависть к этому порождению Зла.

С наглой ухмылкой на лице он подошел ко мне и очень больно – вы не представляете как больно! – огрел меня своим бичом. И снова. И снова! Бич свистел в воздухе столь грозно, что я думал, что каждый удар будет для меня последним, и все

вокруг притихли, ожидая того же, только Ирка вдруг завопила:

– Не надо! Ему уже хватит! Он не нарочно.

Лысый как будто послушался ее и сказал:

– Только у меня для вас второго обеда не будет. Обходитесь, как знаете.

Вокруг поднялся угрожающий гул. Я сжался.

– А работать вы будете как миленькие, – добавил Лысый.

И ушел.

Я поднялся и пошел к своим нарам. Но забираться на нары не хотелось – такой я был измазанный. Некоторые, кто самый голодный, стали ползать по полу и собирать гущу из похлебки, а другим повар смог набрать со дна котла. Я стоял в углу между стеной и нарами и никуда не смотрел. Я ненавидел эту проклятую Ирку, которая была во всем виновата, из-за нее я ударился о котел. Вот бы сейчас она подошла, я бы ее задушил.

Ирка пришла позже. Я был рад ее задушить, даже руки дрожали от боли и ненависти. Но я ее не задушил, потому что она принесла мне свою миску, а в ней на дне – похлебка.

– Жри, чучело, – сказала она мне.

Я хотел выплеснуть похлебку ей в рожу и посмотреть, как она запрыгает, и она видно угадала

это желание в моем взгляде, потому что отпрянула. Но потом голод взял свое, и я выхлебал похлебку и даже облизал миску языком.

Мы помолчали. Потом Ирка сказала:

– Давай сюда миску, чучело, мне ее отдавать надо.

Я отдал миску, хоть совершенно не наелся. Я все еще хотел избить эту дрянь, но если ты съел из рук, то ты признал хозяйку, хотя, конечно, Ирка не имела ничего общего со спонсорами.

– Где бы помыться? – спросил я.

– А я думаю, что нас вот-вот в баню погонят, – сказала Ирка. – Только ты поосторожнее, люди на тебя злые, голодные, они тебя задушить могут.

И на самом деле нас вскоре погнали в баню, только Ирку и еще одну женщину задержали, чтобы подмыть пол. Меня это расстроило, мне было страшно одному идти в баню.

Мое живое воображение строило картины, как они накидываются на меня и душат. Я шел последним и обратил внимание, что, сворачивая к двери в баню, все на секунду или две останавливаются перед какой-то дверью. И только поравнявшись с ней, я догадался, что это не дверь, а зеркало. Когда я в него заглянул, то вместо себя увидел страшное, черное, пятнистое, окровав-

ленное существо, порождение дурного сна или грязного зверинца. И лишь когда я в ужасе отшатнулся и существо отшатнулось тоже, я догадался, что это и есть я – самый красивый любимец на нашей улице! Неудивительно, что они меня бьют и ненавидят. Такого урода и я бы возненавидел! Поможет ли мне баня?

Баня была невелика и так наполнена паром, что в двух шагах не разглядишь человека. Там было жарко и душно. Дома я мылся в тазу, который ставили в ванной комнате, а еще мне разрешали плавать в бассейне, я всегда был чистый и без блох.

На полке возле входа стояли алюминиевые тазы. Я сначала не знал, что они называются шайками и в них наливают воду, когда моются. Поэтому я стоял посреди бани, не представляя, как мне набрать воду из котлов, вмазанных в пол – один с ледяной водой, второй с кипятком. Другие смешивали воду в шайках и потом мылись.

Я увидел пустую шайку – возле нее никого, решил последовать примеру других людей и в тот момент шкурой почувствовал опасность. Чувство было настолько острым – такое чувство развивается чаще всего у любимцев, а у людей обыкновенных его не бывает, – что я отпрянул в

сторону, и тут же на место, где я только что стоял, обрушилась шайка крутого кипятка.

Брызги разлетелись во все стороны – обожгло и меня, и других людей, которые стали чертыхаться, и кто-то из женщин завопил:

– Опять он!

– Это не я! Это меня хотели убить! Обварить!

И что странно – они сразу поверили и отвернулись к своим шайкам, будто согласились оставить меня наедине со смертью.

На мое счастье тут пришла Ирка, она сразу подтащила свою шайку ко мне поближе и спросила удивленно:

– Ты живой, что ли?

При этом она опять нагло улыбалась. С каким бы удовольствием я сунул ее головой в кипяток! Но удержался и только отвернулся от нее.

– А ты гладкий, – сказала она и провела рукой по моей спине.

– Отстань, – сказал я.

Она ударила меня кулачком по лопатке и сказала:

– Нужен ты мне очень!

Все были голодные и злые и, кто мог, норовили толкнуть меня или обругать, но я ведь тоже был голодный и тоже терпел. На пинки я не отвечал,

не хотел, чтобы опять они навалились на меня скопом; ведь рабы – они как животные, они не знают правил и чести. Так я и не узнал, кто хотел меня ошпарить кипятком.

Когда мы вышли из бани в холодный мокрый предбанник, там стояли два раба из тех, что жили здесь раньше. Перед первым возвышалась куча застиранных тряпок – каждому из нас досталось по тряпке, а второй вытаскивал из кучи и протягивал серую мешковину.

Это обрадовало бродяг, и они начали вытирать себя тряпками как полотенцами, а мешковина, оказывается, была сшита как штаны. Мы сразу стали неуклюжими, но когда пар рассеялся, я с удивлением понял, что не узнаю спутников по загону и подземельям – горячая вода и мыло совершили с людьми волшебные превращения, и я с трудом угадывал тех, кто меня колотил или хотел убить.

Вошел еще один раб, он принес большую корзину с ломтями серого, дурно пропеченного хлеба. Он вынимал ломти и раздавал – люди бросились к нему.

– Давайте, жрите! – сказал раб. – Лысый велел, сказал, а то помрете в цехе.

Многие засмеялись. Люди были рады.

Но когда я подошел за куском, сразу воцарилась тишина.

– А тебе, длинный, – сказал раб, – не положено. Ты людей без шамовки оставил, а хозяину сделал большой убыток. Вали отсюда!

И я отошел, хотя был на две головы выше раба и мог бы свалить его одним ударом.

Одетые и вытертые, мы вышли из бани и пошли обратно к себе в спальню. Люди на ходу жевали хлеб и уже забыли о своих невзгодах. Удивительно, до чего легкомысленны эти особи! – думал я. Не зря спонсоры неоднократно обращали мое внимание на то, что люди могут бунтовать, бороться, подняться на войну – но только покажи им кусочек хлеба, они забудут о принципах! Таким суждено быть рабами! И я был согласен с господами спонсорами.

Молодая женщина в неловко и грубо сшитых из мешковины штанах обогнала меня. Мокрые волосы этой женщины завивались в кольца, и казалось, что вместо головы у нее солнце с лучами – такого ослепительно рыжего цвета были эти кудри.

Будто почувствовав мой взгляд, женщина обернулась.

У нее было треугольное лукавое лицо, большие

зеленые глаза и множество веснушек на белых щеках. Правую щеку пересекал шрам. Я любовался этой женщиной, а она вдруг сказала:

– Чего уставился, красавчик?

И тогда я сообразил, что это всего-навсего моя подруга Ирка.

– Тебя не узнаешь, – сказал я.

– А тебя что, узнаешь, что ли? – Она рассмеялась, и я увидел, что у нее нет передних зубов.

– А где зубы? – спросил я.

– А вышибли. Били и вышибли.

Мы дошли до нашей комнаты, положили полотенца на свои нары, и тут же вошел надсмотрщик Хенрик и велел выходить к двери. Отмытые, мы ему понравились:

– На людей похожи, – сказал он. – Я уж не надеялся, что людей увижу!

Он расхохотался тонким голосом, и мы все засмеялись. Глядя друг на друга, мы понимали, что он имел в виду.

– Кто здесь уже был? – спросил Хенрик. – Не бойтесь, шаг вперед. Я драться не буду. Я и без вас знаю, что вы все беглые.

Ирка и еще человек пять шагнули вперед.

– Вы работу знаете, – сказал он. – Вам и быть бригадирами. А потом разберемся. У нас сейчас

работы много, не управляемся. Кто норму сделает, получит лишнюю пайку, мы не жадные. Кто будет волынить, пеняйте на себя. Поголодаете… как сегодня! – он засмеялся вновь, видно, уже знал, что у нас приключилось.

Когда мы проходили мимо него, он легонько дернул бичом, ожег меня по ноге и спросил:

– Это ты, красавчик, котлы опрокидываешь?

Он спросил без злобы, и во мне тоже не было зла, и я сказал:

– Я нечаянно.

– Ты у меня в бригаде будешь, – сказала рыжая Ирка. – Нас, я думаю, на перегрузке будут держать. На забой не возьмут – слишком сложная работа, понял?

– Нет.

– Я так и думала, что нет.

Мы спустились еще на этаж ниже. Под потолком горели яркие лампы, но от этого подвал был еще более неприглядным. Стены его были до половины испачканы бурыми пятнами и полосами, пол был покрыт бурой жижей. Через весь сводчатый зал тянулся широкий транспортер, грязный, старый, даже порванный и неаккуратно скрепленный в некоторых местах. В тот момент, когда мы, числом с полдюжины, вошли в зал, навстречу

нам поднимались люди из предыдущей смены. Они были также измазаны, как и все в том зале, их шатало от усталости, а одного из сменщиков, невысокого молодого человека, одетого, как и все мы, в мешковину, вдруг вырвало чуть ли не нам под ноги. Он корчился, отвернувшись к стене, но никто не обращал внимания, а когда пришедший с нами жирный раскоряка с одутловатым лицом начал было материться, Ирка прикрикнула на него:

– Заткнись, не знаешь – не лезь.

В подвале царил тяжкий запах страха и смерти – я не мог объяснить, из чего он складывался…

Транспортер уходил в соседнее, не видное мне помещение, отделенное от нашего подвала резиновой занавеской. Оттуда доносился глухой шум – редкие удары, тонкий крик, ругань, возня, снова удары… будто там кипел бой.

По обе стороны транспортера стояли два могучих мужика, единственной одеждой которых были кожаные, вымазанные чем-то бурым, передники, а в руках они держали металлические дубинки.

Вся эта обстановка подействовала на меня удручающе. Лишь одно желание руководило мной – удрать.

Я с трудом проглотил слюну и спросил Ирку:

– Что здесь?

– Увидишь, – коротко сказала она, подходя к груде резиновых фартуков, лежавших на столе у транспортера, беря и завязывая его сзади.

– Мне тоже? Он же грязный.

– А ты думал, теперь всегда чистым будешь?

Мне показалось, что Ирка тоже боится, но не смеет признаться мне в своей слабости. Она же бригадир и старожил к тому же.

– Что надо делать?

– Фартук надень, а то себя не узнаешь.

Я подчинился ей, как уже привыкал подчиняться. Она завязала мне фартук на спине – запах смерти и мучений был теперь близок, я как бы закутался в смерть.

По виду других моих спутников я понял, что они испытывали такие же, как я, отвратительные чувства.

И вдруг транспортер дернулся и со скрипом двинулся в нашу сторону. Мужики у резинового занавеса подняли дубинки – они были наготове…

И тут… неожиданно!..

Раздвинув своим весом занавес, на транспортере закрутился серый метровый червяк – ничего

подобного мне видеть еще не приходилось. Он был страшен и, наверное, ядовит. Я не знал, как он попал в наш подвал, и рванулся было бежать, но тут увидел, что мужики ждали его появления, потому что один из них, примерившись, ловко ударил металлической дубинкой червяка по голове, и он, дернувшись, замер.

Пока червяк медленно плыл на транспортере, я успел разглядеть его.

Убитое существо более всего напоминало громадную метровую гусеницу, покрытую серой шерстью и снабженную сотнями маленьких ножек. Некоторые из ножек еще дергались. Голова гусеницы была относительно велика, глаза – выпученные, как у стрекозы… Я бы и далее с отвращением рассматривал это животное, но тут резиновый занавес раздался снова, и появилось сразу несколько таких существ, на этот раз мертвых.

Как только гусеница доехала до конца транспортера, Ирка приказала:

– Хватай! Тимка – за голову, Жирный – за хвост, а ну!

Сама она толкнула широкую плоскую тележку на низких колесах таким образом, чтобы она оказалась у конца транспортера. И тогда, частич-

но от собственного веса, а частично от наших с Жирным усилий, тело гусеницы кулем свалилось на тележку.

Так как к концу транспортера уже подъезжали сразу несколько наваленных друг на дружку гусениц, то в дело пришлось вступить и другим членам Иркиной бригады. Гусеницы оказались страшно тяжелыми – по пуду, не меньше, и уже через полчаса я вымотался.

В наши обязанности входило грузить битых гусениц на тележки и выкатывать тележки в боковой зал, где за длинными оцинкованными столами со сливами, ведущими в эмалированные ванны под ними, стояли подобные нам бродяги, которые взваливали гусениц на столы и свежевали их.

Если какая-нибудь из гусениц оказывалась недобитой, мужики у начала транспортера должны были ее уничтожить. Почти всегда это им удавалось, но одна из гусениц, которую я подхватил было, чтобы перевалить на тележку, приоткрыла стрекозиные глаза, как будто зевнула, показав острые, длинные, как у хищной рыбы, зубы. Я испугался и отпрыгнул в сторону – а вдруг она ядовитая? На мой крик подскочил мужик с дубинкой и добил гусеницу.

Так мы бегали, сваливали, грузили, отвозили гусениц часа два-три – точно не скажу. Я только знаю, что сначала я смертельно устал, руки отваливались, и все время мутило от запаха крови гусениц – из них вытекало много крови. Но потом я постепенно вошел в тупой ритм работы и даже научился отдыхать – ведь транспортер нередко ломался, да и гусеницы шли неровным потоком.

Один раз транспортер сломался, и после всяких криков и ругани пришел человек с чемоданчиком – он достал инструменты и принялся чинить транспортер. Мы смогли отдохнуть.

– Лучше помереть, чем такая работа, – сказал я, прислоняясь спиной к транспортеру.

Ирка достала из волос сигарету, Жирный чиркнул спичкой и сказал:

– Оставишь затянуться?

– Вы курите? – удивился я.

– Нет, выпиваем, – сказала Ирка. – Еще вопросы будут?

– Зачем мы это делаем? – спросил я.

– Так это же ползуны!

– Конечно, ползуны, – вторил ей Жирный, глядя на сигарету. – А ты, Ирка, почаще затягивайся, чтобы зазря не горело.

– Откуда они?

– Спонсоры их с собой привезли, из икры разводят, откармливают, а потом, когда они в тело войдут, их убивают.

– Спонсоры не едят мяса!

– Ах ты, любимчик! – Ирка усмехнулась.

– Спонсоры – вегетарианцы.

– Спонсоры едят пруст. Едят?

– Но это печенье.

– Что в лоб, что по лбу, – сообщила мне Ирка. – Но делается это самое печенье из ползунов. Неужели они тебя ни разу не угостили?

И тут меня вырвало, и я постарался убежать в угол, а надо мной многие засмеялись. Конечно же, я ел пруст – круглые такие лепешки. Бывают сладкие, бывают соленые.

Я еще не пришел в себя, как заявилась мадамка в сером ворсистом платье. Она была встревожена поломкой транспортера.

– Дурачье! – кричала она на механика. – У меня разделочные сейчас встанут! Ты хочешь, чтобы меня вместо этих тварей в расход пустили! А ну, поторапливайся. А вы что расселись?

Мы уже не расселись, мы стояли смущенные от того, что не работаем, хотя делать нам было нечего.

– А ну, в тот зал, помогайте свежевать!

Мысль о том, что я должен буду резать этих отвратительных гусениц, была столь ужасна, что я предпочел бы сам умереть, но тут, к счастью, транспортер двинулся вновь, и я был рад, что занимаюсь хоть и трудным, но относительно чистым трудом. А потом, от усталости, радость испарилась…

Дальнейшее я помню урывками – я даже о голоде забыл, и тут Ирка хрипло закричала:

– А ну, шабаш работе, пошли в казарму.

Я не сразу сообразил, что это относится и ко мне. У меня даже не было времени осмыслить удивительный факт, с которым я столкнулся: Яйблочки и их телевизор учили меня, что спонсоры вегетарианцы, к чему они всегда призывали и нас, людей.

Мы с трудом сбросили намокшие фартуки и потянулись к лестнице.

Каждый шаг давался мне со страшным трудом. Я помню, как мылся в душе, чтобы отделаться от зловония. Но как мне удалось взобраться на верхние нары – загадка. И я сразу заснул. Ирка, как она потом сказала, даже не смогла меня растолкать, когда привезли ужин и раздавали хлеб.

Я просыпался, представляя себе, что нежусь на мягкой подстилке у кухонных дверей, и госпожа

Яйблочко мирно возится у плиты, готовя завтрак из концентратов для себя и мужа – спонсорам наша пища, как правило, непригодна, и они питаются консервами… Вот с этим чувством жалости к моей госпоже я проснулся и в то же время почувствовал что-то неладное – запах! звуки! холод! духота!

И тут же весь ужас моего положения обрушился на меня, как лавина.

Я уже не любимец – я раб… я изгой, которому суждено погибнуть на бойне, таская туши вонючих гусениц, я скоро умру, и ни одна живая душа не подумает обо мне… Одиночество, вот самая страшная беда на свете – как же я не думал об этом раньше? Неужели жизнь моя возле спонсоров была столь согрета лаской, что я не чувствовал одиночества? Чушь! Я никогда их не любил, но до встречи с соседской любимицей не подозревал, что нуждаюсь в других людях. Основное качество домашнего животного, подумал я сквозь сон, – это естественность одиночества, ненужность других… Я сам удивился тому, как красиво складываются мои мысли – раньше я никогда так не думал.

– Подвинься, – услышал я шепот. – Разлегся, тоже мне!

Я не испугался и не удивился – это Ирка лезла ко мне на верхние нары.

– Так и помереть можно от холода, – шептала она.

Она притащила с собой на второй этаж старый мешок, которым накрывалась. Вместе с моим мешком у нас получалось настоящее одеяло, а Иркино тело было горячим, как грелка, которую я когда-то наполнял для ног госпожи Яйблочки.

– Ты только меня не столкни, – сказала Ирка.

– Нет, я не ворочаюсь, – сказал я, прижимаясь к ней, чтобы не свалиться с нар.

Я хотел поговорить с ней, и мне даже мерещилось, что я говорю, но на самом деле я уже спал – согревшийся и оттого почти счастливый.

Утром загудела сирена – всем вставать!

Я проснулся от воя сирены и от того, что обитатели нашего подвала начали шевелиться и чертыхаться, а Ирка скользнула вниз на свои нары, утащив с собой мешок. Сразу стало холодно, и я после нескольких бесплодных попыток скорчиться так, чтобы сохранить ночное тепло, вынужден был соскочить с нар.

Ирка уже побежала в коридор и крикнула мне по пути:

– Скорей, красавчик! Я очередь к параше займу,

а ты к умывальнику!

Она была опять права – хоть я провел всего сутки в этом мире, но уже понял, что без Ирки я бы пропал.

Она еще не успела скрыться в дверях, как целая толпа обитателей подвала понеслась в сортир и к умывальне. Оба помещения были невелики, в одном – три крана, в другом – три очка. А нас в подвале полсотни. И всем надо.

Я побежал следом за Иркой. Она уже стояла в начале большой очереди – к параше. Очередь в умывалку была меньше, но я знал, что она увеличится, потому что люди будут переходить в нашу очередь. За мной, к счастью, оказался старый знакомец – Жирный из нашей бригады. Когда подошла Иркина очередь войти в сортир, я сказал ему, что мы с Иркой сейчас вернемся. И побежал к ней. В очереди сразу начали кричать: «Он здесь не стоял! Он еще откуда взялся?» А Ирка начала визжать: «Я предупреждала! Где твои уши были, старый козел?»

Завязалась перебранка, но она не помешала мне воспользоваться сортиром и благополучно вернуться в очередь к умывалкам. Ирка была веселая, а я расстроен – что же, думал я, теперь мне доживать свои дни в этой вони и холоде? Я

же рожден благородным и красивым домашним животным! Я не желаю превращаться в грязного раба!

– Ты что? Тебе плохо? – спрашивала Ирка. Глаза у нее были добрые. Я вырвал руку – ну что объяснишь этому примитивному созданию, которое, может, никогда в жизни не видело телевизора или кофемолки?

– Ты как хочешь, я тебе не навязывалась, – сказала Ирка. – Я хотела, как лучше.

– Знаю, – сказал я. Я уже не сердился на нее – я сердился на свою судьбу. Вновь так остро я ощущал запах смерти, и все во мне сжималось от отвращения, что сегодня придется заниматься тем же, чем и вчера.

Совершив утренний туалет, мы вернулись в наш подвал, куда два раба вкатили бак с желтоватой водой, которую именовали чаем, и второй бак – с кашей. Каждому дали по миске и по ложке – потом их надо было вернуть.

Ирка облизала ложку, потом отвалила мне в миску каши из своей миски.

– Ты что? Зачем?

– Мне много, а ты не наешься!

Я, наверное, должен был отказаться, но был голоден.

Ирка смотрела на меня с интересом, глаза у нее зеленые, через щеку от века до подбородка – тонкий шрам.

– Ешь, – сказал я ей, – а то остынет.

– Я холодное люблю, – сказала она.

Каша была безвкусная, скользкая и недосоленная.

– А ты как сюда попала? – спросил я у Ирки, прихлебывая теплый чай.

– Как и ты, – сказала она, – со свалки.

– А на свалку?

– Я бродячая, – ответила Ирка. – Как наших сократили, я тогда девчонкой была, я по свалкам пошла.

– Кого сократили? – спросил я. – И как сократили?

– Учи тебя, учи, – сказала Ирка удивленно. – Я еще такого не видала! Простых вещей не понимает. Мы в поселке жили, в агросекторе. А по программе поселок шел под девственную местность – вот нас и разломали. Мужчин ликвидировали, а женщин – в резерв. Мы с сестрой в Москву убежали. Нам говорили, что в Москве жизнь клевая. А врали… Ты в Москве не был?

– Москва – это тоже свалка?

– Москва – это такая свалка, что никто ее конца

не видел – охренеешь, какая свалка!

В дверях подвала появился Лысый, он прошел внутрь и стоял, похлопывая себя по ногам плетью, – я в жизни еще не видел такого злобного существа, как он.

Он молчал, а все, кто сидел за столом, замерли, даже есть перестали. Лысый ждал. Вошла мадамка. Веселая улыбка во всю широкую физиономию, тридцать золотых зубов!

– Ну и как, мои цыпляточки? – гаркнула она с порога.

– Спасибо… спасибо, – откликнулись работники.

– Плохо работаете, – заявила мадамка. – На мыло захотелось? Я вас быстренько туда спроважу. Нормы не выполняете – жабы голодные сидят!

Я поежился – даже в мыслях нельзя было именовать спонсоров жабами, хотя про себя все их так называли.

– Сегодня конвейер потянет быстрее. Так что держитесь, мазурики. Но если не подохнете, к обеду будет картошка, поняли?

Все стали благодарить эту наглую квадратную женщину. Мне она совсем не нравилась.

Машка-мадамка ушла в следующий подвал – она по утрам часто проходила по подвалам,

смотрела, как живут ее рабы, даже разговаривала с ними, Ирка обернулась ко мне:

– Смотри, что я сейчас у одной тетки за полкуска выменяла!

Она показала мне обломок гребенки.

И тут же за столом принялась причесывать свои пышные рыжие волосы.

– Я тебе ползунов покажу. Их из яиц выводят, а откуда яйца – не знаю, наверное, инкубатор есть.

– Они противные, – сказал я. – Меня от их вида воротит.

– А я в простых местах выросла, – сказала Ирка, – там, где деревья, трава и лес. Большая гусеница – разве это плохо?

Меня всего передернуло от этих слов. Эти стрекозиные умершие глаза и короткая серая шерсть… Я понял, из чего сшита шубка госпожи Яйблочко, я понял также, из чего сделано платье Машки-мадамки… и я понял, что раньше был ничего не ведающим сосунком, и если бы не беда, так бы и остался сосунком до старости, подобно всем прочим домашним любимцам.

Но может это ошибка? Может быть, моих дорогих спонсоров кто-то оболгал? Их, убежденных вегетарианцев, их, выше всего ставящих жизнь на нашей планете, облили грязью подозрения…

А кто тогда убил одноглазого? Одноглазого убили милиционеры, которые всего-навсего люди. А кто убивает гусениц-ползунов? Их убивают бродяги и подонки, такие, как мы. А когда из них делают печенье, мои спонсоры и не подозревают, что им приходится вкушать. Надо срочно сообщить об этом, раскрыть заговор, надо бежать к спонсорам…

– Ты что? – спросила Ирка. – Глаза выпучил, губа отвисла, слюни текут…

Я замахнулся на нее – она отпрыгнула, чуть не свалилась на пол и зло сказала:

– Поосторожнее. Я и ответить могу!

Тут загудела сирена, и мы пошли надевать грязные фартуки. Все послушно, лишь я один – с ненавистью и надеждой вырваться отсюда.

Второй рабочий день с самого начала был тяжелее вчерашнего. Машка-мадамка выполнила свою угрозу – транспортер катился быстрее, чем вчера, но, правда, разницу в скорости до какой-то степени съедали частые поломки и остановки транспортера. Выросло число недобитых гусениц – мужикам у занавески пришлось потрудиться до седьмого пота. Я помню, как один ползун оказался страшно живучим, он очнулся, когда Жирный уже хотел подхватить его, чтобы кинуть

на тележку. Тут-то он подпрыгнул и решил убежать. Мужики чуть с хохоту не померли, пока Жирный его добивал – он за ним с дубиной, а гусеница под транспортер! Второй мужик тоже под транспортер!

Но добили в конце концов. Все-таки двое разумных на одну тварь, лишенную разума.

Через час или около того я начал выдыхаться, и, как назло, транспортер больше не ломался – руки онемели от тяжелой ноши… И тут вошли два спонсора.

Когда вошли спонсоры, я от усталости сразу и не сообразил, что это именно спонсоры. Я только удивился: откуда здесь взялись две огромные туши, которым приходится нагибаться, чтобы пройти в высокую и широкую подвальную дверь. Оба спонсора были в их цивильной одежде, но в колпачках с поднятыми гребнями – значит, они при исполнении обязанностей.

Вряд ли кто в подвале кроме меня понимал все эти условные знаки и обычаи спонсоров – мне же сам Бог велел это знать, а то спутаешь гостя с инспектором лояльности – выпорют обязательно. Я еще щенком, мне лет десять было, полез на колени к одному спонсору, который был при исполнении, – до сих пор помню, как он наподдал

мне! А когда я заплакал, мне еще добавил сам господин Яйблочко…

Спонсоры были при исполнении. Машка-мадамка это понимала – шла на шаг сзади и готова была ответить на любой вопрос. Она была бледней обычного, руки чуть дрожали.

Они остановились в дверях. Впереди – два спонсора в позе внимания и презрения, на шаг сзади – Машка-мадамка, еще позади – Лысый и надсмотрщик Хенрик. Мужики с дубинками стали по стойке смирно, ели глазами высоких гостей. Какого черта они сюда приперлись – проверить, не жестоки ли мы к гусеницам?

Резиновая занавеска дернулась, и транспортер, придя в движение, вывез из-за нее груду дохлых гусениц.

Первый спонсор завопил на плохом русском языке:

– Он живой, он есть живой! Бей его!

В его голосе звучал ужас – словно гусеница могла броситься на него.

Одна из гусениц на транспортере дернулась – практически она была уже дохлой, она бы и без дополнительного удара сдохла. Но мужики с дубинками так перепугались, что принялись колотить с двух сторон эту гусеницу, превращая

ее в месиво.

– Идиот, – громко сказал по-русски второй спонсор.

Спонсоры всегда говорили с людьми по-русски. Это объяснялось не только их глубоким убеждением, что мы, аборигены, не способны к языкам, но и соображениями безопасности. Тот, кто выучивает чужой язык, вторгается в мир существ, которые общаются на этом языке, – он нападает. Я об этом догадался давно, но не давал себе труда выразить это в мыслях даже для себя. Зачем? Мне было тепло, сытно и уютно. Человек начинает думать, когда ему плохо и холодно.

– Скоты, – сказал первый, и оба, повернувшись, пошли прочь из подвала. А я, потеряв на минуту способность думать, забыв, где нахожусь, вдруг ужаснулся, что сейчас спонсоры уйдут, и я навсегда останусь в вонючем подвале, во власти грубых, жестоких людей. Уход спонсоров был как бы разрывом последней нити, которая соединяла меня с цивилизацией.

Все смотрели вслед спонсорам, и никто не успел меня остановить, хоть все в подвале видели, куда я побежал.

Лишь Ирка крикнула:

– Тимошка, Тима, ты себя погубишь! Что ты

делаешь, дурак?

Остальные рабы тупо смотрели, ожидая, когда вновь двинется транспортер и начнется работа.

Выбежав следом за спонсорами из подвала, я оказался в широком и высоком коридоре. Шедшие впереди спонсоры почти доставали головами до потолка. Машка-мадамка семенила рядом, как любимица, а Лысый шел чуть сзади.

Они не оборачивались и не видели меня.

Я находился в неуверенности. Казалось бы, сейчас лучший момент, чтобы криком обратить на себя внимание. Но что, если спонсоры мне не поверят? И оставят меня в руках людей? Лысый меня убьет, как гусеницу!

Они дошли до двери. По очереди наклонившись, чтобы не задеть за притолоку, спонсоры вышли во двор кондитерской фабрики. Я прижался к косяку двери. День был теплым, солнечным, свежим. Гладкие и такие скользкие – я помню, как в детстве это меня завораживало, – мундиры спонсоров, в покрое и деталях которых лишь опытный глаз, подобный моему, мог различить чин и положение, блестели на солнце, отражая его лучи. Мой взгляд, натренированный за много лет на гостях господина Яйблочко, безошибочно сообщил мне, что спонсоры, нагнавшие такой

страх на наш цех, относятся к низшему эшелону их власти – это простые исполнители. Эти спонсоры и не были военными – они были снабженцами, то есть существами, не пользующимися большим доверием и уважением в гарнизонах. В дом Яйблочков их бы и не пригласили.

Для жителей Земли все спонсоры равны и тем непобедимы. Каждый из них, как боевой муравей, несет свою службу. Все одинаковы: безжалостны и непобедимы. На самом деле это совсем не так, но человеку об этом не догадаться – ведь человек судит по выражению лица, по нормам поведения, которые у людей и спонсоров совсем разные. Ну что будешь делать, если у спонсора лицо лишено мышц и не может выражать эмоций, зато длинные средние пальцы рук беспрестанно движутся и очень выразительны. Зачастую они могут сказать о настроении, намерениях и чувствах (да, да, и спонсоры способны на чувства!) спонсора куда больше, чем слова.

– Сколько у вас работает эта партия? – спросил Машку-мадамку старший спонсор.

– Только второй день.

– Плохо работают, плохо, – сказал второй спонсор.

– А где взять лучше? Я была на распределении,

– пожаловалась мадамка.

– Пронин всех крепких взял на рудники.

– Люди везде нужны, – сказал спонсор.

– Это вы решайте, – сказала мадамка, и я понял, что она не испытывает трепета перед спонсорами. И если бы я не знал, что люди – не более как отсталые дикари, которых спонсорам приходится учить и опекать, я бы подумал, что идет деловая беседа между равными.

– Но у вас легкая работа. А в шахте трудно. Они там быстро отмирают, – сказал первый спонсор.

– Тут только еда, – сказал строго второй спонсор, и в голосе его я услышал фон – жужжание – это означало, что он начал сердиться, но я не знал, уловила ли мадамка эту угрожающую нотку. – Мы готовы жертвовать собственными интересами и даже питанием для большой жертвы – для продукции, которая нужна всему обществу, всей галактике. Мы готовы на жертвы, а вы? Где ваши жертвы?

– Люди работают не покладая рук.

– Ползунов перераспределяем, – сказала мадамка. – Их на неделю раньше забивать надо, тогда мясо нежнее и концентрат лучше. Вы это лучше меня знаете. А вам вес подавай!

– Нам нужен вес. Гарнизоны растут.

– Есть опасность – они уже кричат.

– Эту опасность нельзя допускать.

– Так что же делать? – спросила мадамка.

– Если будете плохо делать, мы отрываем вашу прекрасную голову. – Спонсор постучал концом среднего пальца по своей шее – это было признаком веселья. Не знаю, догадалась ли о том мадамка, которая была занята своими невеселыми мыслями.

– Если оторвете мою прекрасную голову, – сказала она, – вам придется искать другого директора фабрики.

– Найдем, – сказал второй спонсор.

– Ищите, – сказала мадамка.

– Не будем спорить, – сказал первый спонсор. – Мы довольны. Вы хорошо работаете. Мы пришлем новых людей. Эти должны работать не больше пяти недель. Затем прошу подготовить их к ликвидации.

– Вы с ума сошли! – воскликнула мадамка. – У меня не проходной двор. Только человек научился работать – а вы его на живодерню. Это неумно.

– Не надо спорить!

– Вы боитесь, что кто-то проговорится? Кому проговорится? Тростнику?

– Не надо разговоров, – сказал спонсор. – Знающие тайну не живут.

– Я сегодня принимала яйца, – сказала мадамка. – Семь тысяч ящиков.

– Вас мы тоже убьем, – сказал спонсор, – немного потом. Это шутка.

– Знаем, какие с вами шутки, – сказала Машка-мадамка.

Спонсоры мерно покачивались от смеха.

Они двинулись дальше от двери к ожидавшему их военному вертолету, мадамка с Лысым, не сказавшим ни слова, пошли за ними. С каждым шагом мне труднее было слышать и труднее бороться с желанием выбежать вслед за ними…

– …Я говорю с вами откровенно, – донесся до меня голос спонсора, – вы наш человек. Есть случай бегства домашнего любимца от одного нашего специалиста.

– Мне говорили, его вчера утром убили.

– Его по ошейнику опознали, – добавил Лысый.

– Так все думают. Пускай думают. Мы послали его фотографии на опознание хозяевам. Хозяева сказали – не тот. Тот молодой, высокого роста. Чистый, без следов на теле и без болезней. Он из хорошего дома.

– А зачем вы это нам говорите?

– Если он попал к вам, вы легче его найдете.

– Зачем?

– Немедленно сообщите нам. Он не должен жить.

– Почему? Что он сделал?

Мне совсем трудно было улавливать их слова. Они отошли к самому вертолету, по двору проезжали машины с какими-то ящиками и сосудами, винт начал медленно поворачиваться, я готов был высунуться на двор.

– Сообщите нам, а если есть подозрения – убейте его сразу! Убейте! – спонсор старался перекричать шум мотора. – Мы будем проверять!

– Поняла! – кричала в ответ мадамка. – Лучше ищите его на шахте! У меня все старики и инвалиды.

И только тогда, с роковым опозданием, я понял, что разговор шел именно обо мне. Они уже знают, что спасла меня случайность – лишь отсрочка! А здесь, на фабрике, я и не думал притворяться – я не хромаю и не изгибаюсь… Мадамка и Лысый почти наверное могут сложить два и два и догадаться, кто из нас – беглый любимец.

Но почему такая ненависть? Почему надо убивать меня? Урок другим любимцам?

Я понял, что не побегу за ними, я пошел назад

по коридору.

…Ноги были как ватные. Надо было торопиться, а я медленно и обреченно брел обратно к цеху, потому что там был единственный близкий мне человек – бродяжка Ирка. Но что ей сказать?

В дверях меня встретил надсмотрщик Хенрик:

– Ты где шатался?

Жирный заворчал на меня:

– Я что, один их переваливать должен?

Ирка сказала:

– А я испугалась, что ты пропал – бежать хотела.

Она помогала Жирному вместо меня.

Я взялся за хвост ползуна – шерсть его была теплой, тело мягким. Он все выскальзывал из рук.

– Они знают, что Кривой не любимец, – сказал я, повернувшись к Ирке.

Я ведь ни разу не признавался, что я – бывший любимец. Она и без меня догадалась. Ей ничего не надо было объяснять.

– Теперь тебя ищут?

– Они сказали мадамке, что я должен быть здесь, на фабрике.

– Найдут, – сказала Ирка. – Уходить надо.

– Они и вас хотят убить.

– Когда?

– Через пять недель.

– Почему?

– Чтобы не рассказывали, где побывали, что кушали.

Мужики с дубинками снова устроили гонки за недобитой гусеницей – ползун свалился на пол, и началась такая суматоха, что мы могли с Иркой говорить спокойно, не опасаясь, что нас подслушают.

– Давай убежим, – сказал я.

– Обязательно убежим! Только погодим. У меня тут дела есть.

– Дела?

– А что, разве у человека не бывает дел?

– Они за мной придут!

– Пускай приходят, – сказала Ирка равнодушно. – Да не суетись ты, как господская собачонка. Важно не когда приходят, а кто приходит. Подумай ты, голова садовая, зачем мадамке тебя спонсорам сдавать. Она что-нибудь лучше придумает.

– Они ее не будут допрашивать?

– Ты жизни не знаешь. И уж Машкиной жизни тем более.

Транспортер поехал вновь, выплевывая трупы гусениц, и я был вынужден включиться в работу.

Человек ко всему привыкает. К жизни на кон-

дитерской фабрике тоже можно привыкнуть. К концу смены я уже не валился с ног от усталости, а сохранил в себе достаточно сил, чтобы пойти по фабричным дворам и закоулкам, разыскивая место, где можно убежать.

За фабричными корпусами тянулась изгородь из колючей проволоки. За ней были бетонные корпуса, низкие, приземистые; там таились инкубаторы и теплицы, где из яиц выводили гусениц, а потом подземными коридорами подросших насекомых перевозили к нам в цех, на убой, оттуда – на разделку и переработку. Фабрика у нас была не маленькая!

Я пошел вдоль изгороди. Все здесь было пропитано застарелым запахом падали.

Изгородь кончалась у ворот. По ту сторону шел красный кирпичный забор. Он был старый, кое-где верхние кирпичи выпали, и если бы отыскать лестницу или хотя бы большой ящик, то можно будет перелезть через забор. Я не задумывался над тем, что я буду делать, когда убегу с фабрики, – я находился во власти страха. Мне казалось, что спонсоры вот-вот вернутся, чтобы забрать меня с собой или пристрелить на месте.

Рассуждая так и крутя головой в поисках лестницы, я зашел в узкий проход между забором и

складом и тут услышал впереди голоса.

Я остановился.

– Ты с ней поговорил? – произнес женский голос.

Собеседники были отделены от меня высокой кучей ржавого металлолома.

– Она согласна отправить его к Маркизе. А что ты ей обещала?

– Мое дело.

– Она не обманет?

– Я ей достаточно пообещала.

Тут я узнал голос Ирки. Конечно, это голос Ирки! Я не узнал его сразу только потому, что слова, произнесенные этим голосом, не могли принадлежать жалкой бродяжке. Это были слова уверенной в себе особы. А кто же второй?

Я подошел поближе и постарался заглянуть в щель между грудой железа и кирпичной стеной.

Мужчина стоял ко мне спиной. В руке у него был хлыст, и он постукивал им себя по ноге. Хлысты есть у надсмотрщиков и Лысого. Нет, это был не Лысый. Для Лысого он слишком худ и мал ростом.

– Надо спешить, – сказала Ирка.

Я мог хорошо разглядеть ее, Ирка была серьезна. Она не стояла на месте, а медленно ходила,

как зверь, загнанный в клетку, – два шага вправо, два шага влево.

– Завтра утром, – сказал мужчина с хлыстом. Он оглянулся и я узнал Хенрика – нашего надсмотрщика.

– Кто его повезет? – спросила Ирка.

– Лысый. Кто же еще?

– А нельзя, чтобы ты?

– Нет, мадамка не согласится. Она только Лысому доверяет.

– Тут уж ничего не поделаешь. Мы не можем мадамке приказывать. Просить можем, а приказывать – нет.

Они говорят обо мне! Как же я сразу не догадался! Они договорились с Машкой-мадамкой, чтобы меня отсюда увезти.

Великое облегчение и благодарность к Ирке и Хенрику охватили меня. И мне вовсе не было страшно, что везти меня к новому месту жительства должен был Лысый. Как-нибудь справимся…

К Хенрику и Ирке спешил по проходу громоздкий мужчина, в котором я узнал одного из мужиков, добивавших гусениц.

– Ну сколько тебя ждать! – накинулся на него Хенрик. Они сразу забыли обо мне.

– Все в порядке. – Мужик тяжело дышал, будто бежал издалека.

– Говори.

– Ящики разгружали у первого блока. Сначала хорошо считали, а потом господа спонсоры ушли обедать…

– Короче, где ящик?

– Жан тащит.

В дальнем конце прохода появился второй мужик, который прижимал к животу большой плоский ящик.

Хенрик пошел к нему навстречу.

– Тебя никто не видел?

– Вроде не видел.

– Они считать не будут?

– Чего считать, мы их сами складывали. Где деньги?

– Ирка, отдай ему, – сказал Хенрик.

Ирка протянула первому мужику заранее отсчитанную и стянутую резинкой пачку денег.

– Считать не надо, – сказала она.

И тут я совершил глупый поступок. Желая получше видеть, я неловко оперся о ржавую трубу и вся куча железа начала угрожающе крениться.

– Беги! – закричал Хенрик.

Я пытался за что-нибудь зацепиться, удержать-

ся и, конечно же, лишь делал себе хуже – мне казалось, что я лечу с горы в лавине, состоящей из гвоздей и гирь… Сколько это продолжалось, не знаю, но закончилось мое падение на земле. Я не двигался, стараясь сообразить, что у меня сломано.

Потом я осторожно пошевелил правой рукой, в кулаке у меня было зажато что-то острое. Я приоткрыл глаза и увидел, что, как букет цветов, сжимаю пук колючей проволоки.

Я хотел было продолжать осмотр своих ран, но тут услышал голос:

– И как, нам нравится лежать?

Я испугался и постарался сесть. Сел я на железный костыль, подскочил и с жуткой болью, исцарапанный и сочащийся кровью, вырвался из ржавого плена.

Оказалось, что я стою перед надсмотрщиком Хенриком.

Узколицый, почти лысый, с короткими усами и бородкой, он раскачивался на ступнях – вперед-назад, постукивая себя по штанине хлыстом.

– Простите, – сказал я. – Я нечаянно.

– Врешь, – спокойно возразил Хенрик. – Подслушивал. А ну, к стенке!

– Больно, – пожаловался я.

– Не послушаешься – будет больнее.

Я отступил к стене.

– И что же ты услышал?

– Ничего!

Глаза Хенрика, маленькие, светлые и настойчивые, буквально пронзали меня. Я боялся сознаться.

– А что видел? – спросил Хенрик.

– Я случайно здесь шел, – заныл я. Из собственного опыта я знал, что перед спонсором или сильным любимцем надо показать себя слабым, несчастным, совершенно безвредным. – Я случайно шел…

– Зачем? Здесь никто не ходит.

– Я шел… потому что я хотел убежать!

– Ты хотел убежать? Не отходи от стены! Ты куда хотел убежать?

– Через забор.

– Почему?

– Потому что я никому не верю. И вам тоже не верю!

– Правильно. Никому верить нельзя. Ну продолжай, продолжай. Значит, ты шел здесь и думал: как бы мне убежать? А тут перед тобой куча железа – ты сразу в нее носом…

– Я задумался!

– Врешь! – Хенрик замахнулся хлыстом.

Я бы никогда не напал на начальника, но я очень испугался, что мне будет больно. Я оскалился, прыгнул на него, вырвал хлыст и сломал его рукоятку о колено. Хенрик пытался мне помешать, но я отбросил его, потом кинул ему в лицо хлыст.

Хенрик поймал хлыст и сказал почему-то:

– Хороший кнут был. Дурак ты, любимчик!

И тут я понял, как я виноват. Я начал отступать, прижимаясь спиной к кирпичной стене. Хенрик не нападал на меня. Он рассматривал хлыст.

А я, почувствовав, что отошел от него на достаточное расстояние, кинулся бежать.

Я раскаивался в том, что не сдержался и напал на Хенрика. Он мне теперь отомстит. Мне еще одного врага не хватало!

Подавленный, я вернулся в наш подвал. Люди уже возвращались со смены. Было душно, и воняло потом и всякой гадостью. Некоторые спали на нарах, другие сидели за длинным столом посреди подвала – разговаривали, играли в кости… На меня никто и не посмотрел.

Я прошел к нарам. Нижние – Иркины – были пусты. Ирка еще не вернулась. И это хорошо. Она уже знает, что я сломал хлыст Хенрику. Они

не захотят меня спасти. И отдадут спонсорам. А спонсоры пустят меня на мыло…

Я так погрузился в свои мысли, что не заметил, как последние остатки дневного света покинули подвал, и лишь коптилка, стоявшая на столе, странно и неровно освещала лица сидевших за столом. Чего ж, уже достаточно темно. Надо встать и пойти и сортир, оттуда выскочить во двор и бежать к кирпичному забору.

Опасно пропустить момент – я уже знал, что дверь нашего корпуса на ночь запирали.

Я поднялся и сделал первый шаг к двери…

Навстречу мне быстро шла маленькая фигурка – даже в темноте я узнал Ирку. Она тоже меня узнала.

Я отступил назад, к нарам. Как мне не хотелось бы, чтобы она была моим врагом!

– Тим? – спросила она шепотом.

– Здравствуй, – сказал я, будто еще не виделся с ней.

Ирка взяла меня за руку и потащила к нарам.

– Садись!

Я послушно сел. Мне хотелось как-то оправдаться перед ней, и я сказал:

– Я могу ему починить хлыст. Я умею. Меня госпожа Яйблочко учила плести из кожи.

– Какой еще хлыст?

– А он тебе не сказал?

– А ты дикий…

– Я испугался. Он строго со мной говорил.

– Ты куда шел? – прошептала Ирка.

– Я хотел убежать.

– Не надо, – сказала Ирка. – Тебя завтра увезут к Маркизе.

– Я думал, что вы теперь не захотите мне помогать.

– Я верю. А что ты видел?

– Я мужиков видел. С коробкой.

– А что в коробке?

– Я не знаю. Она закрытая была.

– Ты не бойся, любимчик, – сказала Ирка и хихикнула. – Тебя никто не обидит. Тебя завтра увезут, как и договаривались.

– А если они тебя не послушаются? Ты ведь кто?

– Я – никто, – сказала Ирка. – Но Хенрика они обязательно послушаются.

– Давай я ему кнут починю?

– Успеешь. А теперь давай будем спать.

Когда все заснули, Ирка забралась ко мне на нары.

Я уж ждал ее – мне без нее было холодно. Она

прижалась ко мне, сначала дрожала, а потом согрелась. Я сказал:

– Не могу с ползунами. Один на меня как человек глядел.

– Нет, – сказала Ирка твердо. – Они не соображают. Ты, видно, убивать не любишь и не умеешь. Все убивать умеют, жизнь такая, что надо убивать, а ты не умеешь – тебя кто-нибудь пришьет, а ты и не заметишь.

Она теснее прижалась ко мне.

– Ты теплый, – сообщила она шепотом.

Вокруг на нарах спали или не спали люди. Запах в подвале был тяжелый – мылись-то мы кое-как, без мыла. Но было совсем темно, и можно вообразить, что ты один или в настоящем доме.

– Мне их жалко, – сказал я.

– Вы бы потише! – зашипел человек с соседних нар – я даже лица его не знал. – Вы тише, вы людям спать мешаете, вы свое делайте… а людям не мешайте.

Ирка его шепотом отругала словами, которых я и не знал, но точно понимал, что это неприличные слова, просто страшно подумать, что они значат. Потом снова стало тихо – только храп и дыхание людей.

– Может, я уйду? – спросила Ирка.

– Нет, не уходи, – сказал я. – Ты не уходи, а то нам поодиночке холодно.

– Боюсь я за тебя, – сказала Ирка.

От ее маленького горячего тела во мне начало подниматься непонятное сладкое, тягучее чувство, странное желание обхватить Ирку руками – но не для тепла, а для того, чтобы целовать и прижиматься сильнее.

Я повернулся к ней и не чувствовал больше вони и тяжелого воздуха.

Я нашел губами ее губы и мы начали целоваться так, что совсем перехватило дыхание, но мы не могли остановиться – я чувствовал, что от желания теряю сознание.

И тут Ирка вдруг сильно оттолкнулась от меня коленками и одним махом спрыгнула вниз с нар, только слышно было, как сильно ударились ее пятки о цементный пол.

– Ты что? – Я чуть было не кинулся за ней следом.

Но рядом кто-то выругался.

Ирка подошла к нарам, встала на цыпочки, я увидел ее лицо над краем нар.

– Не надо, – сказала она. – Мы же люди с тобой, правда?

– Люди? Конечно, люди, – не понял я.

– И если что будет, то по-людски, хорошо, любимчик?

– Да, – согласился я и все равно в ту ночь не понял, что она хотела сказать.

Мы помолчали. Она погладила меня жесткой узкой ладошкой по лицу, и я поцеловал ее ладонь.

– Возьми мешок, – сказал я. – Замерзнешь.

Она взяла мешок, и я скоро заснул. Было очень холодно, я бы мог спуститься к ней на нары, но я понимал, что она этого не хочет. Лучше она будет мерзнуть… Была ли у меня на нее обида? Пожалуй, если и была, то маленькая, потому что я, не понимая в чем она права, соглашался с ее правотой.

Ночью мне снилась чистенькая, завитая любимица из соседнего дома. С ней я тоже целовался, но как только мы начинали целоваться сильно, откуда-то выбегал спонсорский жабеныш, и приходилось убегать.

Утром, когда я проснулся от сирены, Ирки уже не было – она убежала занимать для нас очередь в сортир и в умывальню. И я поспешил, чтобы ей помочь. И понимал, как хорошо, что у меня есть Ирка. Я сейчас увижу ее и обрадуюсь.

Но я ее не увидел, потому что в сортире и в

умывальне ее не было, а когда я пошел обратно в подвал, чтобы позавтракать, там меня уже ждал Хенрик. Он был без хлыста.

Я хотел пройти мимо, не глядя на него, но Хенрик сам подошел ко мне, и он не сильно сердился.

– Пошли, – сказал он.

– Я голодный, – сказал я.

– Нельзя задерживаться, – сказал Хенрик.

Он взял со стола горбушку хлеба и отдал мне. Кто-то из сидевших за столом огрызнулся, сказал, что такой кусок – на троих. Хенрик велел ему молчать и повел меня прочь.

Мне было страшно, но я старался утешать себя тем, что Ирка обещала, что все хорошо кончится. А она знает. Хенрик с ней разговаривает как с равной.

Во дворе стоял старенький грузовичок. За рулем уже сидел Лысый.

– Сколько вас ждать! – зло оскалился он. – Вот-вот патрули поедут.

– Садись! – приказал мне Хенрик.

Он подсадил меня в кузов. Потом впрыгнул за мной.

– Вы тоже поедете? – спросил я.

– Прокачусь немного, – ответил Хенрик.

Машка-мадамка подошла к открытому окну конторы на втором этаже. Помахала Хенрику. Он помахал в ответ.

– Осторожно, – крикнула она. – Вечером жду!

Эти слова были для Хенрика, а может, для Лысого. Но не для меня.

Машина подъехала к воротам. Охранник, стоявший там, сначала подошел к грузовичку, заглянул в кузов и в кабину. Только потом пропустил.

– А чего он ищет? – спросил я.

– Черт его знает, – ответил Хенрик.

Грузовик выехал из ворот и затрясся по колдобинам дороги.

Через несколько метров дорога повернула в сторону, и с обеих сторон к ней сбежался еловый лес.

Мы ехали по этой дороге совсем недолго – над деревьями еще видна была дымившая труба кондитерской фабрики. Вдруг Хенрик наклонился вперед и постучал в заднюю стену кабинки. Грузовичок затормозил.

Хенрик подошел к борту грузовика и посмотрел в сторону кустов.

Хлопнула дверца кабины – значит, следом на дорогу выбрался Лысый.

Тут же кусты раздались, и оттуда вышел мужик с картонным ящиком – тем самым, который я видал вечером на фабрике.

За мужиком шла Ирка. Она была одета в мужские штаны и сапоги. Рыжие волосы были убраны под платок.

– Осторожнее! – прикрикнула она на мужика, когда тот передавал ящик Хенрику. Хенрик наклонился, мужик поднял ящик на вытянутых руках, и Хенрик принял ящик, который был, как я понимал, не очень тяжелым.

Ирка легко прыгнула в кузов и предупредила Хенрика:

– На пол не ставь. Сядь и держи на коленях.

Хенрик послушно сел, а Ирка села рядом, чтобы поддерживать ящик.

– Я пошел? – спросил мужик. Его физиономия показалась над бортом грузовика.

– Иди, – сказал Хенрик.

Лысый все стоял на дороге.

– А тебе что, отдельное приглашение? – спросил Хенрик.

– Поезжай осторожнее, пожалуйста, – попросила Лысого Ирка.

Грузовик поехал дальше. Дорога была такой плохой, что ничто не могло помочь. Ирка и Хен-

рик старались оградить ящик от ударов, я им помогал. Они сначала гнали меня, но потом перестали.

Грузовик ехал медленно, но я не мог смотреть по сторонам – мне было интереснее смотреть на Ирку и на ящик.

В конце концов я не выдержал:

– А что там? – спросил я.

– Неважно, – сказал Хенрик.

Время от времени Ирка поднималась и смотрела вперед, будто боялась какой-то преграды или опасности.

Но дорога, хоть и разбитая, была совершенно пустынна, и стены леса по обе стороны ее создавали впечатление узкого, темного ущелья.

Так мы ехали довольно долго. Все молчали. Мне о многом хотелось спросить, но я понимал, что вряд ли получу ответ.

Возможно, через полчаса или несколько более того я первым увидел, как далеко впереди из леса вышел человек и встал посреди дороги.

– Стой! – крикнула Ирка.

Но Лысый уже замедлял ход грузовика, и, не доезжая до незнакомца несколько метров, грузовик встал.

Человек пошел к машине.

– Ты уходишь? – спросил я Ирку.

Только тут она вспомнила о моем существовании.

– Не беспокойся. Послезавтра я уже буду у Маркизы, – сказала она. – И тебя увижу.

– А что в ящике? – спросил я.

– Ты упрямый.

– Посмотрим, все ли там в порядке, – сказал Хенрик.

Не дожидаясь ответа, он открыл крышку ящика, откинул слой мягкой материи, и я увидел, что внутри ящика – одинаковые углубления, в каждом из которых помещается белый шар размером с кулак.

Ирка наклонилась к шарам.

– Все в порядке, – сказала она.

Мужчина подошел к грузовику и сказал:

– Давайте быстрее! Здесь уже пролетал вертолет.

– Что это? – на этот раз я спросил только у Ирки, тихо.

Она поглядела на меня, глаза у нее были грустные.

– До свидания, любимчик, – сказала она. – Веди себя хорошо. Я буду скучать по тебе.

– Я тоже.

– А в ящике яйца, – сказала она.

– Какие же это яйца!

– Помолчи! – оборвал меня Хенрик, обернулся к Ирке и сказал: – Ты чего заговорила. Чем он меньше знает, тем спокойнее. И нам и ему.

Мужчина на дороге принял ящик с яйцами – и зачем мы везли ящик с яйцами? – и пошел в сторону.

Затем выскочил из грузовика Хенрик и помог выбраться Ирке.

Мне не хотелось оставаться одному. Я тоже выпрыгнул из грузовика. Но Ирка сказала:

– Садись в кабинку, к Лысому.

Тот открыл дверь мне навстречу.

– Не скучай, – сказала Ирка.

Лысый перегнулся через меня, захлопнул дверь и сказал мрачно:

– Я позабочусь, чтобы не соскучился.

Мы с ним смотрели, как остальные скрылись в кустах, унося ящик с яйцами.

День был серый, хоть без ветра и дождя. По обе стороны дороги тянулся редкий еловый лес. Порой к дороге подходило болотце, и из бурой воды поднимались тонкие стволы осин и берез. Земля еще не просохла.

Раза два я видел у дороги строения. Одно боль-

шое, в несколько этажей. Они были оставлены людьми. Окна разбиты, пусты, двери вышиблены, ступеньки заросли крапивой… В одном месте направо отходила асфальтовая дорожка и терялась в зарослях, но я успел увидеть проржавевший и как будто обугленный остов какой-то машины.

– Плохо мы убираем нашу родину, – сказал я Лысому.

Тот не понял и сказал:

– Поясни.

– Сколько господа спонсоры нас учили, чтобы мы навели порядок на планете, чтобы мы все собрали и обезвредили – у них же рук не хватает!

– А на что хватает?

Я вдруг подумал, что не знаю ответа на этот вопрос и мне самому не приходило в голову его задать. Хотя бы себе самому.

– Чтобы кормить нас и охранять, – сказал я неуверенно.

Лес перешел в кустарник, чаще попадались развалины домов, а в одном месте до самого неба торчала бетонная труба. Я вдруг увидел, что в развалинах у подножья трубы что-то шевелится.

– Смотри!

Лысый повернул голову и тут же нагнулся к самому рулю и до отказа вывернул газ. Грузовик

буквально прыгнул вперед. Я успел заметить, что в развалинах стоял человек, который выстрелил в нас из лука. Я обернулся – стальная стрела упала на асфальт.

– Он стрелял! – крикнул я, испытывая неожиданное возбуждение.

– Помолчи!

Потом нам пришлось спешиться. Мост через реку был разрушен, и из нее торчали только опоры и углы ушедших в воду бетонных плит. К счастью, справа был брод, к которому вели накатанные колеи. Когда мы уже спустились к воде, Лысый крикнул:

– Замри! – И сам уронил голову на руль. Я тоже замер.

Оказывается, слух Лысого не подвел – не высоко и медленно летел большой вертолет спонсоров.

Нас они не заметили или не сочли целью, достойной внимания.

– Это хорошо, что не заметили, – сказал Лысый, снова заводя двигатель, – а то они стреляют без предупреждения.

Мы поехали дальше. Благополучно миновали брод, поднялись на противоположный берег. Там между двух бетонных столбов было натянуто вылинявшее алое полотно с большими белыми

буквами: «Порадуем спонсоров достижениями в труде и отдыхе!»

Неожиданно мы увидели, как навстречу нам катит какой-то экипаж, запряженный лошадью. Мы не стали прятаться, да и те люди в экипаже – телеге с высокими бортами – не желали нам вреда.

Потом встретились пешие люди – они-то при звуке нашего кашляющего мотора нырнули было в кювет, но Лысый закричал гортанно и непонятно, и люди, кто голый, а кто и одетый, стали вылезать из кювета.

– Скоро будем на месте. Там я тебя оставлю. Будешь ждать человека от Маркизы, – сказал Лысый и неприятно улыбнулся. Слова его звучали лживо. Словно человек – это не человек, а «якобы человек», и Маркиза – всего лишь «так называемая маркиза».

На покосившемся и выцветшем от бесчисленных лет металлическом указателе я прочел странное и непонятное слово «Мытищи». Туда и свернули. Дорога шла лесом, в котором я видел отдельные дома, большей частью разрушенные. Заем мы съехали на еще более узкую и запущенную дорожку, грузовик подпрыгивал так, словно хотел нас выкинуть из кабины.

Наконец, под сенью раскидистых деревьев мы остановились.

– Пронесло, – сказал Лысый. – Говорил я мадамке, что надо было затемно выезжать – а ей что люди? Ей технику жалко – в яму влетишь, и не будет мотора!

Он передразнил свою хозяйку. Точно так, как мы, любимцы, передразниваем своих спонсоров.

К нам уже шел человек в кожаных штанах, с резиновой дубинкой на перевязи. Он был широк, приземист и горбат.

– Привет, – сказал он.

– Тебе то же, – сказал Лысый.

– Привез? – спросил человек с дубинкой.

Лысый приказал мне:

– Вылезай.

– Вот, видишь, – сказал он горбуну. – И как?

– Ничего, нормально, – ответил горбун, осматривая меня, как поросенка на рынке.

Мы подошли к дому, сложенному из толстых бревен. Окна в нем были маленькие. Внутри, за прихожей, в которой стояли пустые кадки и ящики и пахло гнилой картошкой, была большая комната с низким потолком. У стены был камин. Такие, только побольше, делали в домах спонсоров. Возле камина на полу лежали звериные

шкуры и шкурки ползунов. На них сидели люди – человек пять. Они встретили нас невнятными приветствиями. Лысый был здесь свой.

– Привез? – спросил человек с черной курчавой шевелюрой и очень черными глазами, близко посаженными к тонкому горбатому носу.

– Посмотри, – Лысый показал на меня.

Курчавый подошел ко мне, но я на него не смотрел, потому что меня поразила его одежда. Этот человек не только осмелился покрыть свою наготу, но сшил себе костюм, поражающий воображение. Материя, из которого он был сделан, поблескивала и переливалась радугой, по ней тянулись узоры из серебряного и золотого шитья, а узкие, в обтяжку, штаны были заправлены в особый род обуви, такой высокой и неудобной, что я не удержался и невпопад спросил:

– А это как называется?

– Это называется ботфорты, сапоги такие, – сказал курчавый. – А ты не видал?

– Нет, не видал.

– Ты в лесу жил, да?

– Нет, не в лесу.

Человек этот мне не нравился, он был недобрый. Как у всякого домашнего животного, зависящего от милости сильных, у меня был нюх на

людей и спонсоров. Ведь спонсоры тоже разные бывают.

– Ну что ж, тогда с благополучным прибытием, – сказал курчавый. Неожиданно он крепко сжал мое предплечье, и я инстинктивно отбросил его руку.

– Правильно, – сказал курчавый, отходя от меня. – Реакция отменная. И мышцы нормальные. А то теперь все больше уроды попадаются. Мутанты корявые!

Я не знал, зачем ему моя реакция.

– Угостите парня, – сказал курчавый.

На небольшом возвышении перед теми людьми стояли какие-то глиняные сосуды и лежала еда. Я подумал сразу, что так и не успел позавтракать.

– Чего хочешь? – спросил курчавый.

– Я голодный, – сказал я.

– Я знаю, что голодный. У мадамки не нажрешься.

Остальные засмеялись, и Лысый вторил им.

Курчавый отломил ногу вареной курицы (такое я пробовал только тайком – утащил из соседской кухни) и я вгрызся в нее, а горбун взял со стола картофелину и кинул мне. Я с благодарностью поймал картофелину и стал ее есть.

– Он что, из этих, баптистов? – спросил вдруг курчавый Лысого.

– Нет, псих немного, дикий, а так нормальный, не баптист. Натренируешь, меня благодарить будешь. Я ж его за гроши отдаю.

Они отошли от меня и продолжали говорить. Они спорили. И я даже понимал, что разговор идет обо мне и почему-то Лысый хочет получить за меня деньги. Наверное, подумал я, за то, что он потратил столько времени, чтобы довезти меня сюда. Курчавый достал кошелек, стал вытаскивать оттуда монеты, потом перехватил мой взгляд и сказал одному из сидевших у стола:

– Налей ему – дорога трудная.

Тот – фигура мрачная, неприятная, разбойничьего вида, лба вообще не видно, глаза утоплены в глазницах – налил мне в глиняный стакан прозрачной жидкости из кувшина, и я был ему благодарен, потому что после картофелины захотел пить.

– Спасибо, – сказал я и сделал большой глоток.

…И туг понял, что помираю!

Я знал, что бывает водка, и знал со слов спонсоров, какое ужасное влияние алкоголизм оказывал на людей, но я не подозревал, что в наше цивилизованное время кто-то осмеливается

изготавливать водку.

Впрочем, в тот момент я так не думал – я кашлял, задыхался, скорчившись пополам.

– Дай ему воды запить! – крикнул курчавый.

Мне протянули другой стакан, в нем была вода, я глотнул, стало легче.

– А теперь допивай, – приказал курчавый.

Я не знал, что мне допивать – воду или водку, но спросить не посмел.

Меня обожгло, мне хотелось умереть от отвращения к себе…

Я сел в угол, скорчился там и решил дождаться смерти.

Как сквозь сон я слышал, как прощается с остальными и уходит Лысый.

– Прощай, любимец корявый, – сказал он мне. – Надеюсь, тебя быстро здесь поломают.

И я понял, что он полон ненависти ко мне.

Неожиданно он больно ударил меня носком башмака в бок, и я хотел возразить, но голова кружилась, и я решил, что если останусь жив, я его тоже ударю. Он ушел, какие-то люди входили и выходили. Настроение у меня постепенно улучшилось, и я даже смог встать на ноги, хотя меня тут же повело в сторону, и мне пришлось искать стену, чтобы за нее держаться.

Вошел курчавый, вернее, он появился в поле моего зрения. Его глаза были близко от моих.

– Живой? – спросил он.

– Даже очень живой, – я глупо ухмылялся.

– Вот и отлично, – сказал он. – Пошли, я тебя устрою.

– Она скоро придет? – спросил я.

– Кто?

– Госпожа Маркиза, кто же еще, меня хозяйка-мадамка к ней направила.

– Скоро, скоро, – сказал курчавый лживым голосом, как говорят с маленькими, чтобы от них отвязаться.

Я пошел за курчавым наружу, а ноги не слушались. Было смешно.

Грузовик Лысого уехал. В кустах я увидел черную крытую повозку.

– Залезай, – сказал курчавый, – и спи.

– Простите, – возразил я. – Мы друг другу не представлены.

Я протянул ему руку и представился:

– Тимофей. Кислых щей!

– А ты меня теперь до самой смерти будешь звать хозяином, – сказал курчавый. – Или господином Ахметом.

Он что-то делал с моими руками – щелкнул

замок, мои руки оказались в железных браслетах, скрепленных короткой цепью.

– Вы что? – спросил я. – С ума здесь все посходили?

– Чтобы быть спокойным, что не сбежишь – а ну иди, ложись!

Продолжая смеяться, я попытался влезть в повозку, но руки мешали. Господин Ахмет подсадил меня. Внутри было сено. Я лег и сказал, что буду спать.

4.
ЛЮБИМЕЦ СРЕДИ ГЛАДИАТОРОВ

Очнулся я в темной комнате с небольшим окошком, забранным решеткой. Словно снова попал на кондитерскую фабрику. Только лежал я не на нарах, а на каменном полу – пол был холодным, бок у меня окоченел, руки затекли. Память сразу вернула мне последнюю сцену в комнате с камином. Я понял, что меня напоили дурманящим напитком, чтобы перевезти в другое место.

Я сел. Судя по цвету воздуха за окном, уже вечерело. Я попытался подняться, но это получилось далеко не сразу. Я растирал руку и бок и тут увидел на запястье ссадины – я не сразу догадался, что это следы браслетов, в которых меня везли. Уж лучше бы я остался на кондитерской фабрике, уж лучше бы таскал трупы гусениц… удивительно, как все на свете относительно! Сейчас мне, полузамерзшему и голодному, жизнь на фабрике казалась раем. И я еще как назло представил себе, что горячая, переливающаяся как ртуть Ирка забирается ко мне на нары и греет меня…

От злости я все же поднялся и, чтобы не упасть,

добежал до стены и оперся о нее. Я сделал некоторые движения руками – гимнастику, по выражению госпожи Яйблочко. Каждое утро мы с ней занимались гимнастикой. Мы вытягивали вперед руки и поднимали ноги – разные по форме и размеру – но действия были схожи. Потом мы с ней бегали кругами по газону – конечно, она бежала куда тяжелее и медленнее меня, но я и не спешил. Хотя каждый ее шаг – метра два, не меньше…

Минуты через две-три кровь начала двигаться по моим несчастным жилам, и я хотел пойти к двери, чтобы выломать решетку, но тут мое внимание привлекло движение за окном.

Окно моей камеры располагалось на втором этаже и выходило на пыльную площадку, окруженную невысокими сараями и складами, а кое-где соединенными кирпичной стеной. На площадке находилось несколько человек, занимавшихся странным на первый взгляд делом. Они были вооружены мечами и топорами на длинных рукоятках. Эти люди сражались, а приземистый горбун с головой, вросшей в широкие плечи, держа в руке длинную палку, направлял ею и криками действия сражающихся. Невдалеке стоял господин Ахмет в преувеличенно ярком

костюме, желающий всем доказать, что имеет право или смелость нарушать все законы спонсоров.

Я хотел окликнуть его, но бой продолжался, и громкие крики потных бойцов заглушили бы мой зов.

Когда я подошел к двери, я уже понял, что попал на студию, где снимаются фильмы для телевизора, а бойцы – это актеры, которые разучивают старинную войну.

Я толкнул дверь. Она не открылась.

Я даже удивился – зачем меня запирать? Я же ничего плохого не замышляю.

Дверь была замкнута.

Тогда я в нее постучал. Но это тоже не помогло.

Я начал колотить в дверь кулаками, и тогда снаружи откликнулись.

Издавая грязные ругательства, в дверях показался похожий на злую обезьяну человек с пистолетом в руке.

– Чего тебе?

– Я хочу наружу, – сказал я. – Я уже проснулся!

– Он проснулся? – искренне удивилась обезьяна. – Проснулся?

Стражник никак не мог осознать значения моих слов.

По-моему, он решил тут же меня пристрелить, потому что, когда в его глазах появилось осмысленное выражение, оно сопровождалось движением дула пистолета. Дуло поднималось, пока не уткнулось мне в грудь.

К моему счастью, в коридоре раздались быстрые шаги.

– Что тут происходит? – спросил господин Ахмет.

– А он шумит, – поморщился стражник.

– Потерпишь, – сказал Ахмет. – А вам, сэр, что понадобилось?

– Я выйти хочу, – сказал я.

– Ты как себя чувствуешь? – спросил Ахмет.

– Ничего.

Я не стал жаловаться. У него были такие колючие черные глаза, что жаловаться было бессмысленно. Даже при моем скудном жизненном опыте мне было ясно, что этот человек не умел жалеть. У нас в подсобке для любимцев был один с такими глазами. Он искусал хозяина, задушил их жабеныша, и его потом затравили с вертолетов…

– Я доволен.

– Я боялся, что ты окажешься хлипким, – сказал хозяин.

– Я не хлипкий. А зачем вы меня сюда привез-

ли? Где госпожа Маркиза?

– Я не знаю никаких маркиз, баронесс и графинь!

– Но Лысый обещал…

– Какой Лысый?

– Он меня привез!

– И продал тебя мне за сто двадцать марок.

– Меня? Продал? Зачем?

– Видно, ему деньги понадобились.

– Но разве можно человека продать?

– Если найдется покупатель.

Он не смеялся, он был серьезен, он стоял в дверях камеры и спокойно, терпеливо объяснял. Ахмет вообще никогда не суетился – в его опасном деле суетиться нельзя. Но это я узнал позже.

Лицо у него было как бы сдавлено с боков, так что нос выдавался слишком далеко вперед, и его лицо загорело настолько, что кожа была темнее зубов и белков глаз. И еще у него были усы – я никогда раньше не видел у людей таких усов. Это были черные, свисавшие на концах усы. Он был похож на черного сома. Но очень скользкого, верткого и подвижного.

– А зачем вы меня купили? – спросил я.

– Чтобы ты стал таким, как они. – Ахмет показал на окно, не сомневаясь, что я в него уже

выглядывал. – Храбрым и сильным. Иди за ним, – он показал на стражника. – Он тебе покажет, где умыться и так далее. Потом придешь во двор. Ясно?

– Ясно, – сказал я. – Но ведь Лысый не должен был меня вам продавать?

– Не знаю, чего он должен, а чего нет. Я его второй раз в жизни вижу.

– Он нечестный человек! Ему велели отвезти меня к Маркизе!

– А что такое честность? – удивился Ахмет, а стражник засмеялся, заухал грудным смехом. И мне показалось, что он сейчас начнет бить себя в грудь волосатыми кулаками.

Ахмет обнял меня за плечи и повел к выходу из камеры.

– Не обращай внимания на мелочи жизни, – говорил он, и его золотые зубы отражали свет ламп в коридоре. – Тебе повезло, что ты оказался у меня. Или тебе нравилось вкалывать на кондитерской фабрике?

– Нет, не нравилось, – сказал я.

– Видишь, как хорошо. Я, например, не выношу, как воняют зарезанные ползуны.

– Я с вами совершенно согласен, – сказал я. – Там дышать невозможно. Я раньше и не думал,

что спонсоры едят плоть.

– Проще, мой милый, проще. Жабы жрут себе подобных, а нам вешают лапшу на уши, будто они чистенькие вегетарианцы.

Я невольно оглянулся – не слышит ли кто-нибудь. Ахмет заметил мое движение, усмехнулся, пропустил меня первым в дверь.

Вечерело. Синева залила двор, схожий со двором крепости, правда, стены ее были невысоки, а ворота были решетчатыми, и потому сквозь них был виден луг, потом лес, над которым виднелся клочок зеленого закатного неба.

Люди, которых я условно называл артистами, прекратили бой и стояли, глядя на нас.

– Мальчики, – сказал Ахмет, – я вам новенького привел. Хотите ласкайте, хотите бейте, только чтобы костей не ломать, поняли, гады? Он – мои деньги. А то я вас знаю: утром проснулись – нет Петра Петровича. А где он?

Воины заржали, они пополам сгибались от хохота, а Ахмет продолжал выкрикивать – в нем тоже было что-то актерское:

– А Петра Петровича, отвечают мои мальчики, скушали мышки!

От грубого хохота воинов мне стало не по себе. Я понимал, что все это, к сожалению, имеет отно-

шение ко мне.

Мои худшие опасения начали сбываться через несколько минут.

Клоун Ахмет молча наблюдал за тем, как воины сдавали оружие квадратному горбуну, в громадных пальцах которого мечи и копья казались булавками. Горбун осматривал оружие и передавал двум обнаженным рабам, которые стояли за его спиной. Воины уже забыли о моем присутствии, они переговаривались, смеялись, некоторые побрели в душ, другие сначала очищали себя от пота и пыли специальными скребками.

– Прупис, – сказал Ахмет, – ты распорядишься по части новенького?

– А куда его? – спросил приземистый горбун.

– Положи на койку Армянина, – сказал клоун Ахмет. На улице было видно, что лицо его раскрашено – подведены глаза, подрисованы брови, нарумянены щеки. Неужели ему все можно?

– Не стоит, – сказал квадратный Прупис, – ребята будут недовольны. Недели не прошло, как армянин погиб.

– Объясни, что другой свободной койки у нас нет.

– А они его прибьют.

– Побьют – мне такой не нужен.

Я понимал, что речь идет обо мне, и в то же время понять это было немыслимо. Что плохого я сделал этим людям?

Я стоял, опустив руки и ожидая развития событий.

– Мыться пойдешь? – спросил Прупис.

– А можно?

– Если ты не заразный.

– Что вы, меня доктор смотрел!

– Доктор? – Тут уж Прупис удивился. – Где он тебя нашел?

– Дома, – сказал я.

– Чудеса, да и только, – сказал Прупис. – Что за дом такой?

– Я убежал, – сказал я. – А потом меня сюда привезли.

– Ага, слышал, – согласился Прупис.

Вперевалку, чуть не касаясь земли пальцами могучих рук, он направился к душу. Я зашел туда следом.

Мне хотелось верить в доброту и справедливость Пруписа. Человек должен надеяться. Я так часто за последние дни лишался надежды, что смертельно устал и готов был пойти на край света за любым человеком, который хотя бы сказал:

«Я не буду тебя бить!»

Душевая была разделена на кабинки без дверей – Прупис показал мне на крайнюю. Вода была горячая, на деревянной полочке, прибитой к стене, лежал кусок мыла – я давно уже не видел мыла. Я хорошо вымылся. Прупис дожидался меня. Когда я вышел, он сказал:

– Ты долго.

Он протянул мне чистую тряпку, чтобы вытереться.

– Я грязный был. После кондитерской фабрики.

Но Прупис не знал, что такое кондитерская фабрика.

– Потом расскажешь, – отмахнулся он.

Он повел меня к одноэтажному зданию – чем-то жилье воинов было похоже на подвал, в котором мы с Иркой провели два дня, но здесь стояли не нары, а койки. И они были застелены серыми одеялами. У каждой койки была тумбочка, а стены в изголовье кое-где были разрисованы. Там были изображены воины или голые женщины – что выдавало вкусы моих сожителей.

Я знал, что убегу отсюда – и как можно скорее. Мне хотелось увидеть Ирку, меня тревожил новый подвал – в нем пахло жестокостью. Я точно ощущал: дом и двор – все вокруг было пронизано

злобой и насилием.

Прупис провел меня по длинному залу, мимо коек. Кое-кто из воинов уже вернулся в свою комнату – один что-то зашивал, сидя на кровати, несколько человек уселись вдоль длинного стола, стоявшего между рядами кроватей…

Прупис подвел меня к кровати у стены и сказал:

– Здесь будешь спать.

Потом поглядел на меня, пощупал мои штаны, сшитые из куска мешковины, и спросил:

– Ты настоящую одежду раньше носил?

Жилистый, худой смуглый человек, сидевший на соседней койке, сказал:

– Он дикий, лесной. На что ему штаны в лесу?

Сам засмеялся, и кто-то за столом поддержал его смех.

Из-за стола поднялся грузный усатый человек со лбом, изуродованным бугристым шрамом, и сказал:

– Мастер, мы не хотим, чтобы он спал на койке Армянина.

– Господин Ахмет велел, – сказал Прупис, который был смущен словами усатого. – Я ему сказал – недели не прошло, а он приказал.

– Пять дней, – сказал жилистый смуглый сосед.

У него были раскосые черные глаза.

– Мое дело подневольное, – сказал Прупис. – А вы как хотите.

Потом он обернулся ко мне:

– Завтра напомни, я тебе настоящие штаны дам.

Он пошел прочь, а я поглядел на остальных жильцов комнаты. После душа они переоделись – и что удивительно, оказалось, что у них не только есть штаны, у некоторых широкие, свободные, а у других узкие, из кожи, но еще и рубашки или куртки – здесь никто не обращал внимания на запреты спонсоров. Разумеется, надо было спросить об этом у соседей, но я понимал, что чем меньше они обращают на меня внимания, тем мне лучше.

Я прошел к койке, она была теперь моя. «Какой Армянин? – думал я. – Куда он уехал? Или умер?»

На койке лежало серое одеяло, в головах подушка, набитая сеном. Мне койка понравилась – у меня никогда в жизни не было своей койки. Я сел, чтобы попробовать, мягкая ли она.

– Ты чего расселся? – раздался голос.

Я поднял голову: усач со шрамом возвышался надо мной.

– А ну, долой с койки!

Я поднялся.

– Простите, – сказал я, – но господин Прупис сказал, что я тут буду спать.

– Ах, господин Прупис ему сказали! – с издевкой в голосе повторил усач. Шрам на его лбу стал багровым. Быстрым, резким движением он ударил меня кулаком в щеку, и я, не ожидая такого нападения, упал на койку.

Никто не остановил усача, а все начали смеяться, словно увидели забавное зрелище.

– За что? – выкрикнул я.

– А вот за это! – Усач размахнулся, поднял ногу в башмаке и ударил меня по ноге носком башмака.

Я взвыл от боли.

– А ну, на пол! – зарычал усач, который уже распалил себя так, что мог меня убить.

Я сполз с койки на пол и постарался забраться под нее, но черный башмак доставал меня, загонял глубже, в пыль в темноту – было больно и страшно. Но я же ни в чем не виноват! Когда наказывают любимца, всегда известно, почему! То ли ты разбил чашку, то ли украл пищу. Но здесь? За что?

– Брось его, Добрыня, – сказал мой смуглый сосед, который сидел на соседней койке и не

участвовал в моем избиении. – Он же не знал, что Армянин был твоим корешом. Он дикий.

– Ладно, – сказал усач, – не буду на него времени тратить. – Только ты, мозгляк, учти! Если посмеешь лечь на койку Армянина, убью!

– А что мне делать? – спросил я, выбираясь из-под койки, пыльный и покрытый паутиной. Вид у меня, конечно же, был жалкий. И воины, вставшие из-за стола и подошедшие поближе, чтобы полюбоваться избиением, засмеялись. А я готов был заплакать!

– Будешь спать на полу, – усмехнулся усатый Добрыня.

Я поднялся и только тут увидел, что я с Добрыней одного роста.

Но он был страшный, а я – я никому не страшен.

– А теперь, – сказал он, и ухмылка не исчезла с его наглой рожи, – ты поцелуешь мне руку. На!

Он протянул ко мне кисть руки и, чтобы всем было смешнее, изогнул ее по-женски. Рука подползла к моему лицу, ногти были обломаны, под ними черная грязь.

– Ну!

И тогда я укусил его за тыльную сторону кисти. Я сделал это инстинктивно. Я сам испугался – по-

нял, что теперь мне пощады не будет.

И тут же раздался отчаянный вопль Добрыни:

– Он мне руку прокусил! Он ядовитый, да? Ах ты, сволочь!

Он накинулся на меня, как ураган, но теперь я уже понимал, что меня ничто не спасет – и под койкой от него не укрыться. И я стал отбиваться.

Сначала я отбивался неразумно, бестолково, стараясь лишь избежать ударов, но боль и обида заставили меня отскочить и постепенно я стал соображать, что к чему. Более того, мне удалось уклониться от прямого зубодробительного удара Добрыни и, уклонившись, как следует врезать ему в подбородок, так что тот замычал и на секунду прекратил меня бить, потому что схватился за челюсть.

А я уже озверел – я сам перешел в нападение.

Конечно, я не имел такого опыта, и все мои драки были драками с иными любимцами, и нас обычно быстро растаскивали хозяева, но все же я в драках не совсем новичок и, кроме того, я был куда моложе и подвижнее Добрыни.

Я боялся, что остальные воины накинутся на меня и задушат, но они окружили нас широким кольцом и наблюдали нашу драку, как драку двух петухов – с криками, сочувственными

возгласами. У меня вскоре обнаружились свои болельщики, о чем я догадывался по крикам, следовавшим за каждым моим удачным ударом.

Я пришел в себя и убедился, что успеваю отскочить или уклониться от удара, к чему Добрыня оказался совершенно неспособен. Несколько раз я таким образом наносил ему чувствительные удары, тогда как его молоты не достигали цели.

У него был разбит нос и сочилась кровью губа. Я попал ему в глаз и не без злорадства подумал, что глаз у него затечет.

Добрыня все более терял присутствие духа. Видно, он привык к слабым противникам либо счел меня не стоящим внимания и потому не собрался вовремя с силами, но теперь я его уже теснил и знал без сомнения, что через минуту он будет у моих ног.

По гулу толпы зрителей, удивленному и, как мне казалось, угрожающему, я понимал, что мне надо спешить, прежде чем кто-нибудь кинется ему на помощь.

Но тут события приняли непредвиденный для меня оборот: Добрыня отскочил от меня и почему-то побежал вдоль ряда кроватей. Ничего не понимая, я стоял, пытаясь перевести дух и вытирая кровь из рассеченной брови, которая

заливала глаз.

– Эй! – крикнул кто-то.

И я увидел, что Добрыня несется ко мне, высоко закинув за голову небольшой боевой топорик. Его лицо было залито кровью, и я подозреваю, что в бешенстве он не соображал, куда он несется.

От смерти меня отделяли секунды, и потому я сразу перепрыгнул через койку, а зрители раздались, пропуская меня.

Добрыня перепрыгнуть через койку не сумел: зацепившись башмаком, он упал поперек нее и захрипел, дергая ногами, словно продолжал бежать.

Именно в этот момент в спальню вошел Ахмет в сопровождении квадратного Пруписа.

Они сразу увидели беспорядок, и Ахмет, умевший делать вид, что ничего особенного не произошло, даже если произошло землетрясение, спросил негромко:

– Что здесь за бардак?

Наступила тишина.

– Он… на меня подло напал… – произнес Добрыня, стараясь подняться, но ноги его не держали.

Топор выпал из его руки и громко ударился об пол.

– А ты что скажешь? – этот вопрос относился

не ко мне – со мной никто не собирался разговаривать. Вопрос был обращен к моему чернявому соседу.

– Добрыня его учил, – сказал чернявый.

– Я до этого подлеца… я до него… ему здесь не жить… – хрипел Добрыня.

– Топором учил? – спросил Ахмет.

Чернявый улыбнулся, оценив шутку хозяина.

– Он бы на танке учил… Он сначала новенького измордовал, – сказал он, – а потом велел руку целовать.

– А новенький руки не целует? – заинтересованно спросил Ахмет.

– Не любит.

Кто-то засмеялся.

Я так устал, словно весь день таскал тяжести – вот-вот упаду.

– А ты садись на койку, – сказал Прупис. – В ногах правды нет.

Я с благодарностью сел на койку. Чернявый кинул мне тряпку. Я поймал ее – тряпка была влажная.

– Вытрись, – сказал он.

Добрыне помогли подняться, и тот, бормоча угрозы, ушел в другой конец помещения, где над его койкой висело несколько плакатов,

изображавших обнаженных женщин в соблазнительных позах.

Я вытер лицо.

– Он подло не делал? – спросил Прупис у чернявого.

– Нет, только укусил Добрыню за руку.

– Ладно, сойдет.

Господин Ахмет вышел на середину комнаты, подошел к краю стола и, опершись пальцами о него, сказал со значением:

– Я молчал – я думал, пускай новенький сам себя показывает. Если кто его забьет – сам виноват.

– Правильно, – крикнул кто-то. Весело, со смешком.

– Я Добрыню на него не натравлял. И никто не натравлял.

– Он из-за койки, – сказал чернявый. – Армянин на ней спал, его кореш.

– Я знаю это лучше тебя, – сказал Ахмет. – Но я Добрыню не натравлял. Никто не натравлял. Сам полез. Я думаю, новенький нам подходит, а?

Возгласы были скорее ободряющие, чем злые.

– Тогда разрешите представить, Тимофей… Как тебя по фамилии?

– Хозяевами были Яйблочко, – сказал я.

– Дурак, – сказал Ахмет. – Вот ты сейчас всем

ребятам сказал, что был любимцем у жаб, они же над тобой теперь смеяться будут, прохода не дадут.

Но я уже тоже был не тот, как час назад.

– Пускай попробуют, – сказал я.

– Не зазнавайся. Ты еще и не подозреваешь, сколько есть способов научить человека уму-разуму.

Господин Ахмет почесал в затылке.

– Какую мы ему фамилию дадим? – спросил он.

– Чапаев! – крикнул кто-то издали. – У нас Чапаева убили.

– Нет, Чапаева заслужить надо, это знаменитый богатырь…

– Пускай будет Ланселот, – сказал чернявый. – Ланселота у нас давно убили.

– Добро, – сказал Ахмет. – Так и запишем. Тимофей Ланселот. Славный рыцарь, защитник слабых, отважный парень! Фамилия ответственная. Оправдаешь?

– Оправдаю, – сказал я, хотя никогда раньше не слышал о Ланселоте. И не мечтал, что у меня когда-нибудь будет фамилия. Мне говорила когда-то Яйблочко, что у некоторых, самых почетных людей, бывают фамилии, но, честно говоря, я даже не очень представлял, что такое фамилия.

А теперь у меня есть. И красивая.

Я про себя повторял: Ланселот, Ланселот, Ланселот… будто конфетку перекатывал во рту языком. Тимофей Ланселот.

– И на афише будет неплохо звучать, – сказал Ахмет. – Тимофей Ланселот.

В первую ночь я спал плохо. Я боялся, что Добрыня, которого заклеили пластырем и забинтовали, поднимется и зарежет меня.

Когда кто-то из моих соседей – а их в комнате было более двадцати – просыпался, чтобы выйти по нужде, я начинал всматриваться в темноту, воображая, что ко мне приближается убийца. В руке я сжимал подобранный перед сном на дворе большой железный костыль. Но шаги удалялись, скрипела дверь – пронесло! Лишь к рассвету я догадался, что Добрыня решил меня не убивать.

Остальным до меня и дела не было.

Утром нас поднял гонг. Все было схоже с утром на кондитерской фабрике, лишь совсем иной была скорость и энергичность движений, разговора, мытья, завтрака – здесь, в отличие от фабрики, собрались сильные, молодые люди, которым хотелось двигаться. Потягиваясь на кровати, которая оказалась куда мягче, чем можно было ожидать, я понял вдруг, что так и не знаю, в чем

же заключается занятие этих молодых воинов, одним из которых, очевидно, я должен стать. И было неизвестно, лучше ли убежать или покорно ждать решений судьбы.

– Проснулся? – спросил смуглый чернявый сосед, который был на моей стороне во время драки с Добрыней. – Как спалось?

– Отлично, – сказал я.

Сосед легко соскочил с постели и принялся отжиматься от пола.

– Ты из любимцев, да? – спросил он.

Я на всякий случай не ответил. А краем глаза смотрел, как поднимается весь в пластырях Добрыня. Со мной он не встречался взглядом.

– Не хочешь, не говори – не все ли равно, под какой легендой помирать, а, Ланселот?

– Меня зовут Тимофеем, – сказал я. – Тимом.

– Странное имя. Никогда не слышал.

– Меня машина в инкубаторе так назвала. Ей все равно. А госпожа Яйблочко сказала, что так называли крестьянских детей.

– Крестьянские дети? – Он не знал, что это значит. Я тоже не знал.

– Значит, из инкубатора, – сказал сосед. – Значит, любимец. Или из идеальчика. Ну, признавайся?

Я увидел, что на спинке моей кровати висят новые штаны и куртка. Я знал, что среди одетых лучше быть одетым, потому оделся. Одежда была тесной.

Чернявый смотрел на меня с улыбкой.

– А меня зовут Батыем. Это такой покоритель был. Он полмира покорил. И всю Россию.

– Россию покорили спонсоры, – сказал я.

– Зови меня Батыем, – сказал мой сосед. – А вообще-то я – Вова. Вова Батый, добро?

– А почему у нас имена какие-то дикие?

– Потому что мы рыцари, а рыцарям нельзя без рыцарских имен.

Значит, мы рыцари? А что это значит?

Вова Батый провел меня в умывальню – очередей тут не было.

В столовой был накрыт белой скатертью длинный стол, на котором стояли блюда с кашей и мясом. Со мной некоторые здоровались, но никто не потешался. Я сел рядом с Батыем. Добрыня издали показал мне увесистый кулак, и я удивился, как же я вчера его одолел. Потом понял, что он не ожидал сопротивления от такого щенка, как я.

Мы только начали есть, как вошел господин Ахмет, за ним квадратный Прупис с нагайкой в руке. Оба были одеты в облегающие кожаные

костюмы. Они сели во главе стола. И ели ту же пищу, что и мы.

После завтрака господин Ахмет ушел, а мы последовали за Пруписом во двор. Солнце поднялось невысоко, двор был в синей тени, там было прохладно.

Рабы принесли оружие – кипы мечей и копий. Мы все по очереди подходили к куче оружия, и Прупис выдавал каждому по мечу или копью. И мне выдал тоже, будто я здесь всегда. Меч был очень тяжелый. Тяжелее копья.

Мы сели на длинную скамью, я поближе к смуглому Батыю – я его уже выбрал себе в приятели. Неизвестно было, согласится ли он быть моим приятелем?

Но Батый не возразил, когда я сел рядом. Он бруском точил свой меч.

– Что мы здесь делаем? – спросил я.

– Ничего, отдыхаем, – сказал Батый.

– Что мы должны будем делать?

– Сегодня?

– Сегодня и потом.

– Сегодня будем тренироваться. А потом – драться.

Он говорил со мной тихо, спокойно, но поглядывал на освещенную солнцем середину двора,

где стояли Ахмет с Пруписом.

– Мальчики! – крикнул Прупис. – Подтягивайтесь ко мне поближе.

Воины не спеша окружили Пруписа. Здесь не было обычного для меня страха, ведь человек должен всегда бояться – дрессировщика, спонсора, сильного. На кондитерской фабрике тоже был страх. А здесь – нет. И в этом был особый внутренний страх, более глубокий, чем обычный. Если там, где царствует простой страх, ты боишься боли, то здесь ты ощущаешь смерть. Наверное так, подумал я, чувствуют себя гусеницы-ползуны, когда их привозят на кондитерскую фабрику. Они, неразумные, не знают, что с ними сделают, но трепещут каждой ворсинкой.

– Сегодня, – сказал Прупис, видя, что все его слушают, – мы отрабатываем индивидуальный бой. Для новичков и юниоров тренировка обязательна. Для ветеранов – по желанию.

Добрыня засмеялся. Мне было страшно видеть наклейки на его лице. Такие, как он, не прощают обид.

– Увольнения будут? – спросил он.

– У тебя не будет, – сказал Прупис. – Посиди в казарме.

– За что такая немилость, господин?

– За то, что плохо учил новенького.

Тут все обернулись ко мне.

– Честно сказать, этот мерзавец меня застал врасплох, – Добрыня недобро улыбнулся. – Но я вам обещаю, господин, что я его с грязью по полу размажу. А вот когда – это большая тайна, хочу, чтобы он ждал. Хуже ждать порку, чем когда тебя порют.

Эта сентенция развеселила воинов.

– А я думаю, – сказал Батый, – что ты боишься прибавить себе пластырей.

Добрыня обернулся ко мне и подмигнул:

– Да я хоть сейчас!

Я внутренне сжался, но понимал при том, что если я покажу испуг, мне никогда уже не жить спокойно. Пускай он меня бьет, пускай будет больно, но главное – не бояться. Даже странно, что я тогда так подумал – ведь я привык подчиняться хозяевам.

– А я доволен, – сказал молчавший до того квадратный Прупис. – Новенький мне понравился. Если бы он дал себя исколотить – я бы его выгнал или сделал рабом. А у парня есть характер. Значит, господин Ахмет не зря за него платил. Теперь ты, Добрыня, с Тимом товарищи. Вам с ним рядом биться. Пошевели своими серыми

мозгами и сообрази – лучше жить нормально, чем устраивать свары. Ты ведь многим надоел – хочешь случайно спиной на копье напороться?

Добрыня продолжал улыбаться, и улыбка у него была нехорошая. Он ничего не ответил, хотя губы его чуть заметно шевелились, как у человека, который произносит про себя ругательства.

– Вот и отлично, – сказал Прупис. – Начинаем!

Ветераны – а их оказалось среди нас человек семь-восемь – медленно побрели прочь, а оставшиеся, в том числе и я, взяли тяжелые мечи и выстроились в две шеренги лицом друг к другу.

Я не задавал вопросов. Я уже понял – чем меньше вопросов, тем дольше проживешь.

Рукоять меча была удобной, видно кто-то не раз держал его в руках – даже обмотана изоляционной лентой, чтобы надежнее.

Против меня стоял плотный длинноволосый брюнет. Ноги он поставил широко, а меч направил концом к земле. Он был куда ниже меня, и ему не приходилось для этого нагибаться.

Прупис подошел ко мне и встал рядом.

– Гурген, – сказал он брюнету, – смотри, не задень новичка.

– Пускай защищается, – сказал тот без улыбки.

– Вспомни, каким ты в первый день был.

– Ладно, шучу, – сказал Гурген.

– Ты когда-нибудь меч в руках держал? – спросил Прупис.

Глаза у него были желтые, кошачьи, наверное, они страшны, если этот человек тебе враг.

– Только деревянный, – сказал я, неловко улыбнувшись, будто был виновен в том, что в век компьютеров и космических кораблей мне не пришлось держать меча. – Когда в питомнике был.

– Научишься, – сказал Прупис. – Ты сначала повторяй движения Гургена.

– Я в кино видел! – вспомнил я.

– Первым делом забудь обо всем, что видел в кино, – сказал Прупис.

Прупис прошел между двумя шеренгами, остановился в конце их и поднял громадную руку без двух пальцев, похожую на манипулятор промышленного робота.

Гурген поднял меч. Я тоже поднял меч.

Гурген взмахнул мечом и попытался ударить меня, я тут же отмахнулся мечом – лезвие моего меча с неприятным скрежетом ударилось о меч Гургена.

– Ты что? – спросил Гурген. – Меч разбить хочешь?

– Я защищался, – сказал я.

– Эй, Ланселот! – закричал Прупис. – Погоди драться. Смотри, как другие делают! Гурген, подожди!

И тут я понял, что мои соседи не дрались на мечах, а совершали ими некие законченные и округлые, почти танцевальные движения, лишь чуть дотрагиваясь мечами, все время меняясь ролями: то один делал выпад, и второй отражал его, то другой…

Посмотрев на эти действия несколько минут и послушав, как Прупис распекает учеников, которые были недостаточно точны и аккуратны в движениях, я крикнул Прупису:

– Можно я попробую?

– Давай, только не спеши.

Я понимал уже, в чем смысл этих движений. Главное – научиться останавливать свою руку в миллиметре от цели, а это труднее, чем рубануть по противнику.

Я немного освоил эти движения, но вскоре понял, что с непривычки моя рука с мечом так устала, что я вот-вот выроню меч. Я опустил руку с мечом, и Гурген, не ожидавший этого, чуть было не располосовал мне грудь.

– Ты что? – спросил он.

– Устал.

Прупис услышал мой ответ, и это взбеленило его.

Не обращая внимания на мечи, он кинулся сквозь строй учеников, поднял руку с хлыстом.

– Кто тебе разрешил останавливаться? – кричал он. – Я тебе покажу, как останавливаться без команды!

Я в страхе отступил назад, и когда он, добежав до меня, хотел стегнуть меня хлыстом, я отбил удар мечом, нечаянно задел острием хлыст, и его конец, как разрубленная змея, упал в пыль.

Все замерли от неожиданности и ждали, что он сделает со мной.

Прупис долго молчал – наверное, целую минуту. И все молчали.

Потом сказал:

– Дурак! За такой хлыст троих, как ты, дают.

– Простите, – сказал я. – Я не люблю, когда меня бьют.

– Втрое дурак, – сказал Прупис, – я в жизни ни одного человека хлыстом не ударил. Замахнуться я могу, изматерить – тоже. Но человека, настоящего, никогда…

– Я же не знал, – сказал я.

Все повторялось как в заколдованном сне: ведь

только вчера я сломал хлыст Хенрику, который был главнее меня. И вот – снова такое же преступление!

Прупис нагнулся, поднял конец хлыста и стал приставлять его, словно надеялся, что тот прирастет. Он был искренне расстроен.

– Я починю, – сказал я.

Прупис посмотрел на меня, как будто что-то в моей интонации его удивило и заинтересовало. Он был ниже меня на голову, и ладонь левой беспалой руки была расщеплена так, что получалась клешня.

– И как же ты намерен это сделать? – спросил он.

– Если мне дадут кожу, я нарежу полосок, – сказал я, – я раньше умел плести из кожи.

Я не лгал. И хоть любимцам строго запрещено что-нибудь изготовлять и таким образом уподоблять себя спонсорам, госпожа Яйблочко сама меня научила – она обожала плести. У нас дома было много плетеных вещей, особенно она любила таким образом утилизировать вышедшие из обихода предметы – сапоги господина Яйблочко, собственную сумку, старые шапки (теперь-то я знал, что они сшиты из шкур гусениц).

– Ладно, разберемся, – сказал Прупис. – А ну, по

местам! Работать, мальчики, работать.

Мы разошлись по парам, и сначала я фехтовал с Гургеном, стараясь не задеть его меч, а потом нас переставили, и моим соперником стал Вова Батый. Батый, в отличие от Гургена, подсказывал мне некоторые приемы и не издевался над моей неловкостью и неумением. Гурген тоже не издевался, но молчал с каким-то немым осуждением.

Я несколько раз уставал так, что опускал меч, но заметил, что и другие тоже устали. Часа через два Прупис велел всем разойтись и отдыхать. Мы уселись в тень стены, потому что стало припекать. И тут я впервые увидел, как люди открыто курят. Мне об этом рассказывали в комнате отдыха любимцев, и Вик даже уверял, что сам пробовал, но одно дело слышать, а другое увидеть, как у человека изо рта валит вонючий дым, а он совершенно спокойно продолжает разговаривать и не умирает, и никто не кричит от страха и возмущения, так как человек этот нарушил самый страшный экологический запрет.

– Чего уставился? – спросил Батый, который сидел рядом со мной, вытянув ноги. – Сам-то не курил никогда?

– Нет, – сказал я, и видно на моем лице отразилось такое отвращение, что Батый хмыкнул

и сказал:

– Ну и правильно – только здоровье свое губить.

Как будто речь шла только о здоровье! Нарушался великий принцип: самое страшное преступление – это преступление перед природой. Оно ужаснее даже преступления против спонсора. Курение относится к страшным преступлениям. А Батый делал вид, что ему это неизвестно.

Мне было трудно. Во мне накапливались сведения, наблюдения и события, немыслимые для моей старой жизни. И случилось это всего за три дня. Как будто я прожил всю жизнь, ни разу не увидев воды, а тут неожиданно мне пришлось нырнуть в воду и остаться под ее поверхностью навсегда.

Я узнал, что некоторые люди ходят в одежде, и более того – я сам уже начал ее носить. Я видел грамотных людей и людей вооруженных, я видел, как люди работают на фабриках, курят и даже обманывают спонсоров… Мир с такой скоростью рушился вокруг, словно все, что было раньше, оказалось сном. А, может быть, и я сейчас проснусь на своей подстилке?

– Я и сам не курю, – сказал Батый. – Мне нужно

в форме быть.

– Зачем? – спросил я.

– Живым остаться подольше, – сказал Батый. – Может, стану мастером, как Прупис, или даже хозяином, как господин Ахмет, – я жить хочу, такое у меня настроение.

Я тоже хотел жить и потому воспользовался моментом, чтобы порасспросить расположенного ко мне Батыя.

– А зачем мы тренируемся? – спросил я.

Батый лениво скосил на меня черный глаз и ответил вопросом:

– А ты как думаешь?

– Не знаю, ты сказал – рыцари, но не сказал, что они делают.

– Ты в самом деле так думаешь?

– А что бы ты на моем месте подумал?

– Откуда ты такой взялся! – в сердцах воскликнул Батый.

Гурген, сидевший неподалеку, обернулся к нам и улыбнулся. Перехватив мой взгляд, он отвел глаза и принялся не спеша перематывать изоляционную ленту на рукояти меча.

– Откуда все, – сказал я. – Из питомника.

– Ты меня не понимаешь, Тим, – сказал Батый. – Я тебя обидеть не хочу. Я тебя понять хочу. Ты

хороший парень и Добрыню не испугался. Но какой-то ты странный. Некоторые ребята даже думают, что ты, может, и не человек?

– А кто же?

– Жабы много опытов делали над людьми – это точно известно. И говорят, они специальных людей вывели, чтобы они были послушные, чистые и без всяких недостатков.

– А зачем? – спросил я. – Им что, нас мало?

– А нас, отсталых, они тогда ликвидируют. Были и не стало.

– Но зачем, зачем? – настаивал я, словно на самом деле был искусственным человеком и старался понять, зачем я нужен.

– Чтобы им не беспокоиться, чтобы мы им не мешали, чтобы они, наконец, вздохнули спокойно!

Мне было непонятно, жалеет он спонсоров или издевается.

– Но ты же видел, из меня кровь текла, когда я с Добрыней дрался, – сказал я.

– Это, считай, тебя и спасло – а то бы мы тебя обязательно ночью развинтили, чтобы посмотреть, как ты тикаешь.

Я не сразу ответил ему – то, о чем он говорил, мне было непонятно, но непонятность была

многослойной и тревожной, словно луковица: ты снимаешь слой, а там другой, похожий, но другой.

– Ты прости, – сказал я, решив, что лучше показаться глупым, чем рисковать жизнью. – Но мне не все понятно. Ведь спонсоры прилетели к нам, чтобы навести порядок. Раньше мы жили отвратительно: мы губили нашу природу, не осталось чистой воды и воздуха, люди воевали друг с другом, голодали, болели спидом и холерой. Мы были обречены на гибель, но тут, на наше счастье, к нам прилетели спонсоры, которые нас спасли.

– От чего? – спросил Батый.

– От гибели.

– Я это уже слышал, – сказал Батый. – Знаешь, где? В колонии, куда угодил мальчишкой. Там у нас был такой Проводник, он нас учил про спонсоров. Только никто ему не верил – мы все уже успели пожить и знали этим жабам цену.

– В колонии? Что это такое?

– Это тюрьма, тебя держат там, пока ты подрастешь, а потом распределяют – кого на фабрику, кого на живодерню, а меня вот – на шахту.

– Я всегда думал, что живодерня – это шутка. Это шутка?

Батый рассмеялся, показывая неровные зубы.

– Попадешь – узнаешь, какая шутка.

– Ты рассказывай, – попросил я. – Про колонию.

– Про колонию я забыл, – сказал Батый. – Про колонию нечего рассказывать.

– Расскажи про господ спонсоров. Ведь правда, что они наши братья по разуму?

– Ты и это выучил?

– Нет, ты скажи! Мне это очень важно знать!

– Это только пустая фраза! Братья по классу, братья по духу, братья по разуму. Я думаю, им у себя тесно, вот они к нам и забрались.

– Скажи, зачем они прилетели?

– Для искусственного человека ты слишком настырный, – сказал Батый и поднялся.

На площадку вышел Прупис и сказал:

– На позицию! Сейчас будем отрабатывать выпад с последующим колющим ударом в печень. Встали! Ланселот, ты что отстаешь? Я этого не люблю.

Вечером Прупис пришел к нам в комнату, сел на край кровати, на которой я лежал, вымотанный тренировкой так, что мог шевелить только языком, да и то с трудом.

Он протянул мне несколько разной формы кусков кожи.

– Такие подойдут? – спросил он.

Я сразу понял, что это значит, и стал рассматривать куски. Два вернул ему обратно, а про остальные сказал:

– Подойдут. Мне еще будет нужен острый нож.

– Сам наточишь, – сказал Прупис и добавил, обращаясь к лежавшему на соседней койке Батыю: – Покажешь ему, где взять нож.

Громко топая и разговаривая, в комнату вошли человек пять ветеранов, которые куда-то ходили, пока мы тренировались.

– Не так громко, – сказал Прупис. – И не надо песен.

Ветераны покорно замолкли и стали громко шептаться. Один из них упал, остальные шикали друг на друга.

– Напились, как скоты, – сказал Прупис. – Но я их не осуждаю – такая уж у нас сволочная жизнь. Никогда не знаешь, сколько тебе осталось.

Батый закрыл глаза и сделал вид, что спит. Но я чувствовал, что он не спит, ему интересно, о чем мы будем разговаривать. А я тоже понимал, что мы будем разговаривать, иначе бы Прупис не присаживался на кровать – дал бы мне кожу, и дело с концом.

– Мне Лысый намекнул, – сказал Прупис

негромко, – что ты – любимец.

От этого слова Батый открыл глаза.

– Что в этом страшного? – спросил я. – То меня обвиняют, что я искусственный, и грозятся разобрать на винтики, то вы говорите, что я любимец. Я ничего не понимаю.

– Я тебе задал простой вопрос, и мне нужен на него простой ответ. Ты любимец?

– Да, – сказал я не без колебаний. – А чего в этом плохого? Разве я виноват?

– Никто не виноват в том, что с нами делают жабы, – сказал тихо Прупис. – Но все-таки лучше, когда люди не знают, что ты любимец. Любимцев мало кто видел, про любимцев думают, что все они – жабьи собаки. Им нельзя верить, они… ну, как животные. Не люди, а животные, только домашние. Собак жабы потравили, и вместо них любимцы.

– Это все вранье! – сказал я громче, чем надо было – кто-то еще обернулся в нашу сторону. – Любимцы тоже разные бывают.

– А кто знает? – сказал Прупис. – Мы все живем по своим углам и не знаем. Теперь я гляжу на тебя и вижу, что ты – как человек. А почему ты сбежал?

– Надоело, – соврал я. – Надоело быть любим-

цем. Хочу, чтобы меня не любили.

– Шутишь, – сказал Прупис. – Ну шути, шути. Ты мне нравишься, но все же будь осторожен.

Он поднялся и ушел. Вова Батый повернулся ко мне и сказал:

– А мне говорили, что любимцев выводят в специальных лабораториях и мозги у них вынимают.

– Я сейчас у тебя мозги выну, – мрачно сказал я. Мне спорить не хотелось.

– Я думал, что любимцы хорошо живут, – продолжал Батый, не обратив внимания на мое предупреждение, – что у них жрать – от пуза! И чистые они.

– Жрать от пуза, – сказал я. – Сколько хозяйка даст, столько и съешь.

– И дом, и чисто, – сказал Батый, с непонятной мне завистью.

– А ты что, хотел бы?

– Кто не захочет? – спросил Батый. – Каждый человек хочет жрать и спать.

– А я бы ни за что туда не вернулся.

– Почему?

– Потому что жратва – не главное. Тебя любят – ты сытый, тебя разлюбили – то побьют плеткой, а то и отправят на живодерню.

– И ты с ними в одном доме жил? – спросил Батый, глядя в потолок.

– Конечно. В одной комнате.

– А правда, что у них когти ядовитые?

– Ну и глупый ты, Батый! Хозяйка же меня гладила! И мы с ней гуляли.

– А на каком вы языке разговаривали? – спросил Батый, и я понял: он не поверил ни единому моему слову. Видно то, что было для меня обыкновенно, в его небогатое воображение просто не вписывалось.

– На нашем, на русском.

– И она тебя не придавила? – спросил Батый наконец.

– Ну зачем же меня давить, если она меня любила?

– Лю-би-ла! – Он повторил иначе: – Лю-би-ла… Нет, я рехнусь от него! Лучший друг жабы!

Я отошел к столу и стал резать кожу на тонкие полоски. Я работал допоздна. Некоторые подходили ко мне, смотрели, но не мешали. Я думал, что Батый никогда не видел спонсоров вблизи – это странно, но, наверное, возможно – не могут же господа спонсоры находиться везде и наблюдать за всеми людьми. И для человека, близко не видавшего спонсора, он кажется холодным

чудовищем. Какое горькое заблуждение!

Прошло два дня в непрестанных тренировках, я уставал, как будто из меня к концу дня выпускали воздух. Но кое-чему я научился. Это легко объяснить: ведь я был выше ростом многих из воинов нашей школы и быстрее других двигался и думал. Меня хорошо кормили в детстве.

Господин Ахмет два раза при всех меня похвалил. А Прупис хоть и не хвалил, сказал мне спасибо, когда я отдал ему аккуратно и крепко сплетенный хлыст. Ко мне стали обращаться другие воины, я не отказывал – я люблю мастерить: шить, вырезать, плести…

Если бы не постоянная усталость, я был бы счастлив. Мне жилось не хуже, чем у Яйблочков. Нас хорошо кормили, и я спал на настоящей мягкой койке. Правда, я побаивался Добрыню, который помнил о нашей встрече и не давал забыть о грядущей мести.

Я больше не пытался выяснить, к чему нас так тщательно готовят. Потерплю – узнаю.

Я выбрал себе хозяином Пруписа. Я же был вчерашним любимцем. А любимец с детства приучен жить при хозяине. Может, другие обитатели нашей школы и не нуждались в хозяине, а мне было тяжко без существа, которому я мог

бы подчиняться. Понимая это, я думал тогда, что являюсь исключением среди людей, но потом-то я догадался, что подчинение – обязательное свойство человеческой натуры. Все люди ищут себе спонсора, и если нет настоящего, то находят ему заменитель. Я тогда еще не бывал в других странах и на других континентах, но что касается России, то она, оказалось, всегда была послушной – то начальнику, то революционеру, который этого начальника убил, то следующему начальнику.

Мое терпение было вознаграждено довольно скоро. Дней через пять, когда мы отдыхали после отвратительного упражнения – долгого бега вокруг нашей школы с мешком песка за плечами, – мрачный Гурген сказал:

– Кому это нужно? Судьба и без этого разберется.

– Ей помогать надо, – сказал Батый.

Мы смотрели, как Добрыня направлял оселком свой меч.

– Как девушку гладит, – сказал Гурген.

– Сколько раз он ему жизнь спасал, – заметил Батый.

Я навострил уши.

– Все это показуха, – сказал Гурген. – Ты же

знаешь, откуда кровь берется.

– Молчи, – сказал Батый. – Ты здесь только третий месяц, а я уже скоро год. Если все будет нормально, через два месяца перейду в ветераны. А сколько со мной начинали и гикнулись?

– Ничего, завтра встреча товарищеская, – сказал Гурген.

Собеседники замолчали, и тогда я понял, что могу кое-что узнать.

– А что такое товарищеская встреча? – спросил я у Гургена.

– Когда договариваемся, – ответил за него Батый. – Встречи бывают товарищеские, от которых ничего не зависит. На них придумывают всякие трюки – как в цирке. Там по-настоящему обычно не убивают. У нас завтра товарищеская встреча с «Черными Тиграми». Попросись, Прупис тебя возьмет – тебе же надо присматриваться.

Раз уж разговор начался и никто на меня не кричит, можно было спрашивать и дальше:

– А когда нетоварищеская?

– Когда календарная? Или на кубок? Тогда судьи строго смотрят – там труднее. Там погибают. Только кто? Зеленые салаги, вроде тебя. Ветераны решат, кому помереть – обязательно помрешь.

– Как помрешь?

– Ланселот не совсем понимает, зачем он здесь живет, – сказал Гурген.

– Он думает, что мы – спортивная команда. А мы гладиаторы.

– Гладиаторы? А Батый говорил – рыцари!

Я вспомнил старый фильм, который показывали по телеку, и спонсоры разрешили мне смотреть его, потому что было не очень поздно. Дело происходило в древней империи, которую, кажется, называли Римской. Там на стадионе сражались люди. Один из них был тяжело вооружен и снабжен сетью, которую он все норовил накинуть на голого юношу с коротким мечом. Тот крутился, прыгал вокруг и в конце концов победил неповоротливого тяжелого воина – госпожа Яйблочко расстроилась, что мне показали такое жестокое зрелище, а сам Яйблочко стал смеяться и говорил, что это такое же ископаемое, как животное мамонт. Помню, он сказал, что такие кровавые зрелища ушли в позорное прошлое.

– Это же запрещено! – сказал я. – Это же ушло в позорное прошлое, как мамонт и Римская империя.

Когда мои соседи отсмеялись, Батый спросил:

– Кто же это тебе рассказал? Может, ты в школе учился?

– Спонсор, – сказал я.

– Именно его и надо было слушаться, – сказал Батый, и в голосе его прозвучала ирония. – Они в этом понимают.

– А я ничего не понимаю! – взмолился я. – Честное слово – я как в лесу! Если есть гладиаторы, значит, кто-то должен на них смотреть и даже получать удовольствие от такого дикого зрелища. Но ведь не в подвале вы устраиваете так называемые «товарищеские встречи»?

– Нет, – Гурген редко улыбался, но за тот день он выполнил три годовых нормы по смеху. – Мы это делаем на больших стадионах. В Москве, в Люберцах, в Серпухове… где мы еще были, Вова?

– Везде были, где стоит жабий гарнизон, – сказал Батый.

– И они вас не арестовали? Не разогнали? Как вам удается от них скрываться?

– Поймешь ты наконец или нет, ископаемый ты человек, что твои любимые спонсоры жить не могут без наших зрелищ, потому что получают на них разрядку.

– Что?

– А то, что им очень трудно, очень нервно править нашей планетой. Они ужасно устают, и им надо развлекаться. И чтобы каждый из них

поодиночке не носился по улицам и не рвал на части прохожих, для них придумали милый интеллигентный отдых.

– Это аморально! – сказал я. – И вернее всего вы клевещете на спонсоров.

– Никому не нужны твои любимые жабы! – Батый рассердился на меня. – Если они уберутся обратно, мы будем только счастливы…

Я даже отвернулся, чтобы не слушать, но продолжал слушать.

Возмущаясь, я уже понимал, что не прав. Их слова укладывались в узор окружающего мира. И как ни трудно признаться себе в чем-то отвратительном, нарушающем принципы, в которых ты взращен, иногда приходится смириться даже с самым худшим!

И я покорно слушал моих новых товарищей.

Разумеется, я оставлял за собой право на сомнение – я же не какой-нибудь бродяга или свалочник – я из хорошего дома! Батый, рассказывая мне, все время повторял: «Можешь проверить», я и рассчитывал проверить. Но это не мешало мне выслушать неправдоподобную версию нашего существования.

Если верить Батыю и поддакивавшему ему Гургену, в России существует, по крайней мере,

два десятка гладиаторских школ, подобных нашей. Причем наша далеко не самая большая и богатая.

Возникли эти школы по той простой причине, что большинство спонсоров, обосновавшихся на Земле, были военнослужащими. Их трудно назвать солдатами, потому что они не пользовались оружием и никого никогда не убивали, но они дежурили на ракетных базах и сидели у экранов сетей всеобщего наблюдения – поддерживали порядок.

Спонсоры склонны к жестоким, даже кровавым зрелищам. Мои собеседники не знали, как и кому пришла в голову мысль удовлетворить страсть тоскующих в дальнем гарнизоне спонсоров человеческими боями…

– Я-то думаю, – сказал Батый, – это кто-то из людей придумал. Я так думаю, что все человеческие подлости за спонсоров придумывают люди.

– Зачем? – спросил я. – Кому это нужно?

– А тем нужно, кому выгодно, – туманно ответил Батый, а Гурген согласно кивнул головой, как человек, слушающий уже знакомый урок.

Есть спрос – появится и предложение. Спонсоры разрешили готовить специальных бойцов, бои гладиаторов превратились в регулярные

соревнования, ибо нет более организованных и склонных к порядку существ, чем спонсоры.

Создался слой населения, так или иначе связанный с гладиаторами. Это были оружейники и изготовители различных приспособлений для бойцов, кожевенники и портные, массажисты и тренеры…

Принадлежность к миру гладиаторов давала массу преимуществ, к примеру, наиболее сильным бойцам позволено было размножаться, чтобы выводить породы бойцовых гладиаторов. Они могли быть уверены, что при очередной кампании ликвидации они останутся живы.

Тут мне пришлось прервать Батыя и попросить пояснений.

– Ну как тебе сказать… – Батый не сразу нашел нужные слова. – На Земле живет сто миллионов человек. Может больше, может немного меньше. А когда-то было в десять или в сто раз больше. Тогда пришли «добрые» спонсоры и начали лишних людей понемножку ликвидировать…

И тут наш отдых кончился, из тени вышел Прупис, который, допивая из кувшина пиво, крикнул:

– Мальчики, на тренировку!

На следующий день наши ехали на товарище-

ские соревнования, и Прупис спросил меня:

– Поедешь с нами?

Как будто у меня был выбор.

Я был рад, наконец, увидеть, чем мы занимаемся.

Я ехал со всеми в общем автобусе. Сзади были сложены мечи, копья, доспехи – настоящие рыцарские доспехи. Я выдел, как ветераны на тренировках сражались в этих доспехах – они показались мне неуклюжими.

Я сидел на приставной скамеечке, напротив меня Фельдшер и раб, который должен был помогать нашим спортсменам одеваться. Трясло ужасно, потому что дорога давным-давно не ремонтировалась, да и автобус дышал на ладан.

– Новый автобус достать – надо выиграть кубок России! – сказал Фельдшер, когда нас подбросило к самому потолку. Он был пожилым добрым человеком, он щурился, потому что был близоруким.

Гладиаторы сидели спереди в креслах со спинками и всю дорогу дремали или обсуждали житейские проблемы.

За последние дни мне удалось узнать многое об их жизни и внезапной смерти, я даже побывал в дальнем конце нашего хозяйства, в госпитале, который в те дни, к счастью, пустовал, но в любой

момент мог пополниться. Там стояло шесть коек, застеленных белыми простынями, а еще была комната, в которой стоял стол, обитый оцинкованным железом – я догадался, что на нем делают операции.

В то же время узнанное мною заставило меня с удвоенной энергией заниматься фехтованием и метанием камней из пращи – я понял, что лишь собственная сила и ловкость могут защитить меня. Ветераны в школах гладиаторов заботятся друг о друге, их берегут и в опасные моменты стараются ими не жертвовать. Но порой смерть не щадит и их. В большинстве случаев погибают новички.

Наслушавшись неуважительных, а то и непристойных рассказов о спонсорах, я решил, что мои дорогие господа Яйблочки не подозревали о том, что творится в некоторых дальних гарнизонах. Ведь в моем присутствии они неоднократно подчеркивали свой гуманизм, и мне не хотелось заподозрить их в лицемерии.

Может быть, я и дальше предавался бы горьким размышлениям, но зрелище за окном – совершенно невероятное – заставило меня на время забыть о спонсорах.

Мы приближались к городу Москве!

Город возникал постепенно, по мере того, как мы в него углублялись. Некогда он был метрополией, то есть центром всех пороков и безобразий Российской державы. Именно отсюда исходили страшные приказы об отравлении рек и вырубке лесов. Именно в этом городе находились страшные монополии, названия некоторых из них я помнил с детства: «Гипроводхоз», «Главохота», «Главирригация», «Кремль»... Москва – это скопище сил, целью которых было уничтожение разумной жизни на Земле. Именно в Москве и в бункерах, окружавших город, скрывались и сражались до последнего отчаянные враги человечества. Это были трагические дни для всей планеты – спонсоры должны были принять суровое решение: поднять руку на разумных существ, которые оказались вовсе неразумными и стали врагами собственной планеты.

С тяжелым чувством, скрепя сердце, спонсоры приняли тогда решение, продиктованное заботой о людях: они начали уничтожать этих врагов, как диких крыс, беспощадно и окончательно, как свойственно существам с большим и щедрым сердцем. Спонсоры понимали, что человечеству не открыть дороги к счастью до тех пор, пока на пути к нему существует такое препятствие.

Сколько раз в детстве, свернувшись калачиком на круглых коленях госпожи Яйблочко, я слушал удивительные истории о героях-спонсорах, выходивших один на один против сотен коварных врагов, о том, как жертвовали собой лучшие из них, для того чтобы обеспечить людям в будущем достойное существование. Почему-то на мое детское воображение особенно подействовала картинка из старой видеокнижки – зеленый, закованный в сверкающую боевую форму спонсор, из последних сил, припав на колено, отбивается лазерным штыком от орды человечков. Они – все как один оскаленные, злобные и длинноносые. Я даже помнил имя этого спонсора – Выйчуко. Он пал смертью героя, освобождая Москву от ее жителей. И то, что жители Москвы, эти злобные силы, которые мешали светлому будущему, были, как и я, людьми, меня вовсе не смущало. И мне казался прекрасным умирающий за правое дело спонсор Выйчуко и были гадки черноглазенькие, носатенькие, когтистые человечки.

Я помнил, что, когда спонсорам, несмотря на всю их отвагу не удалось полностью ликвидировать население Москвы, им пришлось употребить в дело сонный газ – благородное и гуманное средство, умерщвляющее безболезненно

и мгновенно. И даже, говорят, после этого, пользуясь таинственной поддержкой зарубежных сил и международных организаций, в подвалах Москвы остались недобитки. И с тех пор для того, чтобы не заражать окружающую местность, Москва стала как бы заповедником, куда не ходят люди, над которым не пролетают птицы и насекомые – удручающая тишина царит над этим памятником человеческому варварству…

Я это помнил и потому, что, когда сидевший напротив меня раб сказал обыкновенно: «Мытищи проехали, скоро Москва», – у меня внутри все напряглось. Зачем мы едем через Москву? Как мы осмелились? У нас ведь даже нет антирадиационных костюмов.

– Нельзя! – воскликнул я.

Все в автобусе обернулись в мою сторону.

– В Москву нельзя! Там радиация. Туда запрещено! Даже одинокая птица не пролетит над центром Москвы!

Кто-то засмеялся. В школе гладиаторов уже привыкали к моим чудачествам.

– Помолчи! – крикнул Прупис. – Тебя высадить, что ли?

– Как одинокую курицу! – откликнулся Добрыня.

– Ты меньше бы слушал жабьи бредни, – сказал Батый, который сидел на одном из последних мест, рядом с Гургеном.

Я заставил себя смотреть в окно. Еще один бастион, выстроенный воспитанием и жизнью у спонсоров, рушился. Я достаточно умен, чтобы понимать, что гладиаторы не поехали бы так спокойно через радиоактивный город. Значит, лгали Яйблочки. Наверно, они лгали невинно, сами будучи введены в заблуждение плохими спонсорами.

Из леса и зарослей кустарника, что поднимался по обе стороны разбитой дороги, все чаще высовывались дома, некоторые совсем разрушенные – просто громадные груды кирпича или бетонных плит. Другие стояли, поднимаясь на несколько этажей. Меня поразил мост, под которым не было реки, а протекали какие-то полузаросшие дороги, затем справа показалась поднимающаяся над лесом странная металлическая, проржавевшая, но тем не менее величавая скульптура, которая изображала мужчину и женщину в странных нарядах, которые одновременно сделали большой шаг вперед и вскинули над головами некие предметы. Предмет в руке мужчины напоминал большой молоток, но что держала женщина, я не

догадался. Далее дорога провела нас мимо обрушившейся арки, за которой в глубине виднелись какие-то крупные здания.

Я крутил головой, стараясь увидеть как можно больше. Удивительно, что я прожил до двадцати лет в довольстве и неге, полагая, что весь мир ограничивается нашим городком, универмагом, стоянкой, комнатой отдыха для любимцев, несколькими залитыми бетоном улицами и серыми куполами наблюдательной базы спонсоров на горизонте.

Уже несколько дней внутри меня все кипело, голова раскалывалась от постоянного удивления. Но главное заключалось даже не в количестве и многообразии вопросов, а в том, что почти каждый шаг ставил под сомнение мою безграничную веру в спонсоров, преклонение перед ними – черту, свойственную всем без исключения домашним любимцам.

Улицы Москвы были почти пусты, сквозь трещины асфальта росли трава и кусты, порой глубокая колея огибала дерево, выросшее на мостовой, порой и асфальта не было – впереди оказывалась яма, и ее приходилось преодолевать по непрочному деревянному мосту. Но мосты существовали – значит, кто-то по городу ездил.

Но как пешеходы, так и машины встречались очень редко. Сначала у арки я увидел собранную из частей старых машин колымагу, в которой сидел курчавый голый человек и громко пел. Колымага была нагружена досками и бревнами. Потом, уже в той части города, где лес был реже, а дома выше, я увидел патрульную машину спонсоров. Это зрелище мне было знакомо – точно такие зеркальные машины обязательно ездили вечером и ночью и по нашему городку. Помню в детстве они меня поражали тем, что снаружи были отшлифованы до зеркального блеска. Когда такая машина едет по городу, в своих округлых боках она отражает все: и небо, и окружающие деревья, и дома. Но все в ней кажется искаженным, кривым; только поэтому и можно рассмотреть машину и угадать ее форму. Когда-то на мой детский вопрос, зачем они так делают, госпожа Яйблочко ответила, что, когда злые люди хотят стрелять в такую машину, они обязательно промахнутся.

Навстречу нам, чуть приподнимаясь над ямами в асфальте и оттого не шатаясь и не трясясь, медленно и даже торжественно пролетел патрульный мобиль спонсоров. Боковые окна были опущены, как они всегда делают в местах, где не

ожидают опасности, и за ними были видны равнодушные, но не страшные на расстоянии морды спонсоров. Спонсор увидел наш древний автобус, но ничем не показал, что удивлен или заинтересован нашим появлением, – как будто один кот встретил на улице другого – и разошлись.

И тут же в моем мозгу вспыхнуло очередное запрещение: людям, ради их блага, запрещается пользоваться любыми скоростными средствами транспорта, потому что они могут попасть в аварию и пострадать, а также представить опасность для других транспортных средств…

– А они разрешают? – спросил я.

– А почему не разрешать? – удивился раб.

– Но мы едем!

– Пешком мы бы до стадиона долго не дошли.

Автобус наш свернул направо, и мы оказались на площади, очищенной от кустов и деревьев, кое-где даже асфальт был подновлен – в ямы засыпана земля.

За этой площадкой располагалось здание, которое было более всего похоже на Римский Колизей – так назывался древний театр в Италии, где когда-то были представления и бои гладиаторов. Он был построен так крепко, что не разрушился за две тысячи лет, прошедшие между Римской

империей и счастливым прилетом спонсоров.

Огромное здание, к которому подъехал наш автобус, было в плачевном состоянии: крыша его давно обрушилась, так же, как и верхняя часть стен, но и в таком виде оно являло собой внушительное зрелище.

Перед ним площадь неожиданно для глаз была оживлена. По ней передвигались как тележки со спонсорами, пешие спонсоры, так и люди, которые жались к краям площади, но тем не менее вели себя спокойно, словно имели право здесь находиться.

Спонсоры были в мирной одежде – они отдыхали. Может быть, неопытному взгляду все спонсоры кажутся одинаковыми, и одежды их представляются схожими – ничего подобного! Спонсоры придают громадное значение тому, как одеваться, как подкрашивать морду и как двигать конечностями – это сложный и понятный лишь для своих язык, куда более выразительный и откровенный, чем слова, которые спонсоры произносят вслух. Как я уже понял, практически никто из людей в этом внутреннем потайном языке не разбирался – даже далеко не все любимцы его понимали. Но те из любимцев, кто хотел извлечь пользу из знаний хозяев, отлично

чувствовали все мелкие детали поведения и настроения своего спонсора.

Глядя на спонсоров на площади, я видел, что они были несколько взбудоражены, но без озлобления, потому что готовились к лицезрению интересного зрелища.

Люди, которых я увидел, были в большинстве своем одеты в различные, порой даже вызывающе яркие одежды, и, что удивительно, спонсоры на это не реагировали. Встречались среди людей и обнаженные, но это были рабы низкого уровня – носильщики паланкинов, водители повозок, уборщики, подметальщики и продавцы воды. Зато я увидел нескольких персонажей, схожих вызывающей клоунской одеждой с моим господином Ахметом.

Как много я еще не знал и не понимал! «Сколь много мне предстоит узнать! – думал я, – и как осторожно я должен двигаться по этому пути, чтобы меня не наказали».

При виде спонсоров мне захотелось спрятаться в автобусе, но проницательный Прупис, заметив мои колебания, сказал:

– Если ты боишься, что тебя узнают, забудь об этом! Жабы вообще людей если и различают, то только по цвету одежды. Потому наши власти

так разряжаются. А ты – любимец, раб, животное. Как только ты оделся, сразу перестал для них существовать. Понял?

– Понял, – неуверенно сказал я.

Прупис улыбнулся и хлопнул меня по спине – от этого хлопка я вылетел на мостовую. Отдышавшись, я стал принимать у раба оружие и доспехи, мы носили их в комнату под стадионом, которая была выделена для нашей школы.

Затем туда прошли наши ветераны, за ними – тесной толпой – первогодки. Батый подмигнул мне, Гурген только скользнул черным взглядом.

– Время есть, – сказал Прупис. – Одевайтесь не спеша. Сейчас придет господин Ахмет и изложит диспозицию.

От волнения я пожелал отлить и спросил раба, знает ли он, где здесь сортир. Тот объяснил, что надо пройти по коридору до поворота налево, а там спуститься в полуподвал.

В сортире было нечисто и плохо пахло.

Когда я выходил из сортира, то, подходя к углу, услышал голоса и остановился. Не потому, что хотел подслушать, а наоборот – не желал попадаться на глаза неизвестно кому.

– Почему я должен отдавать тебе десять процентов? – спросил голос пониже, басовитее. – И

не мечтай! Кто победит?

– Слушай, Жан, – ответил высокий, знакомый мне голос, – мои люди, если бы захотели, сделали из твоих котлету. Но уговор есть уговор: тебе надо набирать очки, а у меня и без того репутация высокая. Так что забудь о раскладе – пополам! А то я прикажу заняться тобой всерьез.

– Испугал! Видели мы одного такого пугальщика, – обиделся обладатель баса. – Я иду тебе навстречу только из уважения к нашей старой дружбе.

– Вот и уважай, – ответил голос Ахмета.

Продолжая говорить, они пошли прочь, и я осторожно выглянул из-за угла, а потом добежал до нашей комнаты.

Значит, они сговаривались о цене? О цене чего?

Ответ на этот вопрос я получил довольно быстро.

Когда я вошел в комнату, господин Ахмет в своем клоунском наряде стоял посреди комнаты, окруженный ветеранами в доспехах и несколькими юниорами в звериных шкурах с обтянутыми толстой кожей овальными щитами в руках.

Среди юниоров я увидел и Батыя с Гургеном. Батый поднял руку, приветствуя, господин Ахмет

заметил этот жест и крикнул:

– Тим, не отвлекай людей, голову оторву!

Я отступил назад.

– Значит так, – продолжал Ахмет речь, прерванную моим появлением, – среди ветеранов будет двое раненых и один убитый. Муромец, ты встретишь сегодня почетную смерть.

Вперед после некоторой паузы шагнул Илья Муромец. Я его знал только в лицо.

– Слушаюсь, господин, – мрачно произнес он.

У меня кровь застыла в жилах.

– Тебе, Добрыня… – Ахмет был деловит и краток, – придется пролить кровь.

– Меня в прошлый раз уже ранили, – сказал Добрыня, на котором остановился взгляд Ахмета, – еще не зажило толком.

Все почему-то засмеялись.

– Ничего, потерпишь, – сказал Ахмет. – И еще ранят Соловья.

Рыцарь по прозвищу Соловей молча склонил голову. Все трое выглядели удрученными, и мне понятна была их грусть. С особенным вниманием я наблюдал за Муромцем. Мне хотелось увидеть на его лице отблеск приближающейся смерти, но увидеть это было трудно, потому что рыцарь неожиданно резко, со звоном опустил забрало.

Но откуда мог знать об этом господин Ахмет? Это умение заглянуть в будущее или сговор с противником?

В низком помещении, стены которого, видно, уж сто лет никто не удосужился покрасить, стояла гнетущая тишина. Было лишь слышно тяжелое дыхание двух десятков человек, которые, как я теперь понимал, готовились выйти на смертный бой. Я знал, мне еще Батый говорил, что в гладиаторском деле есть немало хитростей и сговоров. Но где граница между театром и трагедией жизни? Мир, в котором я оказался, был жесток, и те, кто в нем прожили много лет, этого не замечали. Мне же, в сущности гостю, жестокость и несуразность мира были очевидны.

Над нашей головой где-то в утробе громадного здания ударил гонг.

– Ну, ребята, собирайтесь, – сказал Ахмет. – Желаю счастья.

Мы с рабом, имени которого я так и не узнал, взяли по ведру с водой, а Фельдшер – стопку тряпок и длинный рулон ситца, чтобы бойцам можно было умыться, напиться и, если надо, перевязать раны.

Затем раб, уже знавший дорогу, провел меня длинным коридором к выходу на арену.

Арена была велика, не менее ста шагов в ширину и вдвое больше в длину, засеяна травой. Но трава во многих местах была вытоптана.

Разумеется, мое внимание привлекло не столько поле, сколько трибуны стадиона. Они поднимались амфитеатром, окружая его. Правда, одна из трибун обвалилась, и на ней никто не сидел, зато та, под которой мы вышли к полю, и противоположная были заполнены народом.

Зрелище, представшее моим глазам, было настолько непривычным и необыкновенным, что я запомнил его в деталях.

Первый ряд трибун был заполнен людьми в одинаковых темно-синих одеждах. На головах у них были странного рода шапки с медным позолоченным украшением спереди, в руках – резиновые дубинки. Это были милиционеры особого назначения в парадной форме – так мне объяснил Фельдшер. За ними ряда два или три занимали люди, одетые ярко и вызывающе, подобно господину Ахмету. Затем, за широким проходом, по которому прогуливались милиционеры с дубинками, начинались ложи. Ложи были рассчитаны на существ, во много раз превышающих людей. В этих ложах, одинаковые для человеческого глаза, зеленые, в зеленых же обтягивающих костюмах,

в окулярах, предохраняющих глаза от яркого для спонсоров дневного света, сидели наши покровители – хозяева Земли.

Должен признаться, что первым моим желанием было убежать в глубь стадиона, спрятаться, затаиться – мне казалось, что своим острым взглядом, преодолев зеленое поле, кто-либо из спонсоров увидит меня, узнает и прикажет меня поймать и передать хозяевам для примерного наказания.

В то же время мой разум пытался бороться со страхом. Я понимал, что вряд ли кто-нибудь на этом стадионе увидит и узнает меня среди рабов и помощников гладиаторов, одетых как я, кое-как постриженных и не бритых.

Спонсоры сидели в два ряда – два ряда лож, два ряда зеленых чудовищ. Раньше я не задумывался о том, чудовища спонсоры или красавцы.

Сейчас я увидел их другими глазами. Они и на самом деле более всего были похожи на зеленых жаб ростом с бегемота. Рты у них узкие и большие: как откроет, может положить арбуз как вишенку – я сам видел. А глаза маленькие, спрятанные в мягкой складчатой ткани век. Почти все спонсоры были в темных очках – ничтожных на лице, но придающих ему еще большую непо-

движность.

Выше лож никто уже не сидел – только под самым верхом маячили, широко расставив ноги, особые милиционеры.

В центре трибуны, которая была с нашей стороны, располагался оркестр, состоящий из людей. Как раз когда мы вышли, оркестр начал играть. Играл он громко, но не очень стройно, стараясь изобразить популярную в последние месяцы среди спонсоров песню «Сдвоим ряды!», которую всегда мурлыкала на кухне госпожа Яйблочко, приготовляя нам с мужем ужин. При этом воспоминании у меня вздрогнуло сердце и на глаза навернулась слеза. Где же вы, – тихие мирные времена всеобщей любви и главное – надежности! Скажите, зачем человеку свобода, если взамен он теряет ежедневный кусок домашней колбасы?

Спонсоры зашевелились в своих ложах, некоторые стали подпевать оркестру, другие переговаривались, а так как голоса у спонсоров куда громче и резче, чем у людей, до меня доносились их слова, хоть я далеко не все мог разобрать.

– Чего они там тянут?

– Если они не начнут, я самого советника выгоню на поле!

– Всегдашняя их бестолковость!

– А что сегодня будет на вечернем разводе?

– Я ему ответил: не суйся в мои дела, я тебе не младший патрульный…

– Ты чего к нам не заходишь? Я скучаю…

Слова эти были обыкновенными, и я впитывал голоса со странной смесью неприязни и любви – язык спонсоров, родной для меня, казался благозвучным и мелодичным, хотя мне приходилось видеть людей, которые готовы были заткнуть уши при звуке их голосов.

На середину поля выехал небольшой открытый автокар, на платформе которого стоял человек с микрофоном. Человек был одет в полосатый, прилегающий к телу костюм, поверх которого – металлический жилет, на голове кольчужная шапочка.

– Начинаем! – закричал человек, поднося микрофон ко рту. – Начинаем товарищескую встречу между «Черными Тиграми» из Сокольников и «Богатырями» из Мытищ!

Зрители в первых рядах начали кричать и хлопать в ладоши, будто им объявили какую-то интересную новость, а спонсоры замолчали и замерли.

В проходе справа от нас открылись деревянные

ворота, и оттуда выехали мои новые товарищи – рыцари во главе с Муромцем. Их латы сверкали под ярким солнцем, копья были подняты к небу.

Следом за рыцарями на арену вышли пешие воины с мечами и щитами. Я узнал среди них Батыя и Гургена.

Кто же их противники?

И как бы в ответ на мой немой вопрос отворились ворота на другой стороне стадиона, и оттуда появились совсем другие рыцари.

Как я жалел в тот момент, что не захотел читать старую книгу с картинками, которую мы с Виком отыскали вместе с другими сокровищами в подвале разрушенного дома на окраине нашего городка! Я отлично помнил картинки в той книге. Они изображали рыцарей, несколько похожих на тех, что составляли войско господина Ахмета. А вот те, другие, были одеты совсем уж странно. На их головах красовались ведра с рогами. То есть предметы, заменявшие им шлемы, более всего походили на ведра. Впереди в ведрах были сделаны прорези для глаз. Их кольчуги прикрывались плащами, белыми и длинными, на которых были нашиты кресты, но из-под плащей высовывались ноги, обутые в железные чулки. Вот эти чудовища и вышли на состязание с моими товарищами,

которые мне казались куда более красивыми – шлемы на них были коническими, и лишь вертикальная железная полоса, предохраняющая нос, закрывала часть лица, тело было покрыто кольчужной рубашкой, и на груди к ней были прикреплены небольшие щитки. Плащи у наших были короткими, красными – я готов был любоваться нашими рыцарями.

Оба маленьких войска остановились, не доходя друг до друга, словно изучая противника.

С трибун донеслись крики – люди, собравшиеся там, приветствовали рыцарей.

Судья уверенно стоял на своей платформе, а ее водитель, видно опытный в делах такого рода, вывел машину в центр поля. Судья поднял руку, дал свисток, и его автокар быстро попятился.

Но никто из противников не сделал и шага вперед.

Они начали осыпать друг друга проклятиями и угрозами.

– Ты чего пришел? – кричал кому-то Добрыня. – Вали отсюда, пока цел!

– Поешь дерьма собачьего! – кричал в ответ человек в ведре с рогами.

Голос его из-под ведра доносился глухо. Его сосед, у которого тоже на голове было ведро, но

вместо бычьих рогов возвышался один – лосиный, бил железными ногами по бокам тяжелого коня и монотонно вопил:

– Забью, заколю, затопчу!

В перебранку вмешались пешие воины.

– Берегись, сокольничья шваль! – кричал Батый.

– Молчи, желтопузый! – откликнулся вражеский рыцарь, одетый похуже прочих, на ведро которого не хватило рогов, и потому он украсил шлем граблями. – А то заткну тебе халяву.

– Что? Желтопузый? – возмущенный Батый кинулся на обидчика, хоть имел лишь щит и копье, тогда как противник был вооружен мечом и закован в латы.

Остальные участники боя в дело пока не вступали, ждали, видно, исхода поединка и подбадривали участников его, присоединив свои крики к воплям, что неслись с трибун. Даже спонсоры, которые известны мне как крайне сдержанные существа, начали колотить жесткими слоновьими лапами по стальным загородкам своих лож.

Батый делал короткие выпады копьем и быстро отпрыгивал назад; более тяжелый его противник топал за ним, рассчитывая поразить мечом, и если это даже ему удавалось, Батый успевал под-

ставить щит. Мне уже казалось, что наш Батый сейчас вонзит копье в тело врага – и, что удивительно, мне уже этого хотелось, как из толпы врагов выбежал еще один воин в круглом, похожем на ночной горшок шлеме, и ударил Батыя сзади, Батыю пришел бы конец, если бы Гурген не заметил этого выпада, – а он, как я понимаю, ждал от врагов подобного коварства.

Гурген отбил удар, и стадион взревел – одни от радости, другие – от огорчения.

В то время я еще не знал, что под трибунами есть кассы тотализатора, и зрители делали ставки на всю команду или на некоторых ее воинов. Люди ходили туда сами или посылали своих слуг, а спонсоры, которые, оказывается, также участвовали в игре, но не могли ни по своему положению, ни по размеру отправиться к кассе, обслуживались специальными гонцами, которые дежурили за их ложами и по знаку того или иного спонсора бросались к нему за указаниями. Я видел этих людей, но не мог понять их функций – я принял их за консультантов, которые объясняют доверчивым и наивным спонсорам смысл происходящего на поле.

Теперь уже на помощь к вражескому воину кинулись все его товарищи. Лишь самые рослые

и тяжело вооруженные всадники оставались на месте, следя за происходящим и ожидая того момента, когда в бой вступят наши ветераны.

Вдруг я увидел, как конец меча коснулся обнаженной руки Батыя, и в это же мгновение, будто воздух из воздушного шарика, из руки полилась кровь. Батый выронил меч и пошатнулся. Один из рыцарей в ведре с орлиным когтем кинулся к нему, чтобы нанести удар, но в бой ворвался Добрыня и отвел удар, и сам стал сражаться с рыцарем. Оба тяжело дышали, и звон их мечей долетал до нашего укрытия.

– Сюда! – закричал Фельдшер, выбегая на край поля и размахивая тряпкой, чтобы привлечь внимание Батыя. Тот сообразил и побежал к нам. За ним кинулся было чужой воин, но Батый был резвее, а Гурген, увидев это, тоже вырвался из схватки и догнал воина, который был вынужден остановиться и защищаться.

Прерывисто дыша, Батый добежал до нас и скрылся за деревянным щитом.

Предплечье было в крови, Батый морщился.

– Черт, – повторял он, – больно!

Фельдшер велел мне налить воды в таз, а сам намочил чистую тряпку и начал вытирать кровь – к счастью, рана была длинная, но неглубокая,

раб натер ее квасцами и намочил йодом – Батый взвыл и чуть было не избил нас здоровой рукой. Фельдшер перевязал руку.

– Теперь меч не смогу держать! – Батый ругался, Фельдшер насильно посадил его на скамейку, откуда-то появился Прупис, спросил:

– Ты как?

Ответил раб:

– Ничего не задето. Через неделю заживет.

Прупис больше ничего не сказал и поспешил вокруг поля туда, куда переместился центр боя.

Отвлекшись на раненого Батыя, я упустил тот момент, когда все воины столпились, и затем каждый, найдя себе партнера, стал с ним сражаться. Стадион ревел, спонсоры колотили по барьерам, агенты по ставкам носились туда и сюда, а если прибавить к этому голоса продавцов мороженого и пива, которые сновали по стадиону – угощали людей пивом, вы представляете, пивом! – то можно представить, какой бедлам царил на стадионе.

Прозвучал свисток судьи.

Нехотя, с трудом переводя дух, бойцы прекратили бой. Оказалось, сцепившись мечами, нанесли друг другу раны Добрыня и рыцарь с орлиной лапой на шлеме. Обливаясь кровью, они упали друг

на друга, будто сплелись в любовном объятии, и когда судья остановил бой, он позволил Фельдшеру и Прупису осмотреть рану. С другой стороны к рыцарю с орлиной лапой, потерявшему шлем и оказавшемуся ярко-рыжим человеком, спешил врач или тренер.

Прупис выпрямился и закричал, чтобы принесли носилки. Я был свободен, так что подхватил носилки и побежал через поле.

Над полем висела тонкая светлая пыль. Мне пришлось пробегать совсем рядом с врагами, и я услышал, как тяжело они дышат. Они совсем не разговаривали – ни о победе, ни о раненых. Они ждали, когда можно будет продолжать бой и надеялись, что пауза будет достаточно длинной, чтобы отдохнуть.

Добрыня, видно, потерял сознание – он лежал в луже крови, и кровь продолжала течь. Судья на своем автокаре подъехал близко и смотрел на нас сверху. Прупис поднял голову и сказал судье:

– Не жилец!

Добрыня странно, тонко, по-детски простонал.

Я смотрел на его белое лицо и думал: тебе ведь была предсказана рана. Что это – умение заглянуть в будущее или принесение в жертву?

– Что стоишь? – прикрикнул на меня Прупис.

– Каждая секунда на счету!

Я тут же развернул носилки и поставил на землю.

– На мой взгляд, его рана не смертельная, – сказал подъехавший судья.

– Я тоже так думаю, – согласился Прупис.

– Тогда убирайте скорее вашего рыцаря, – сказал судья. – Пора продолжать. Время идет.

– Ничего, продлите время.

– Публика сердится.

Только в этот момент я вновь услышал гул стадиона – он был иной: раздраженный, нетерпеливый.

Квадратный, невероятно сильный Прупис подхватил Добрыню под мышки. Голова его бессильно склонилась. Я взял Добрыню за ноги. Ноги были холодными. Мы положили его на носилки.

Нести носилки было тяжело.

Я видел, что рыцаря, сраженного Добрыней, тоже унесли на носилках.

Мы еще не успели скрыться за деревянной стенкой, как на поле вновь начался бой. Задрожала земля от тяжелой поступи рыцарей, взвыл стадион.

Добрыня приоткрыл один глаз.

– Как наши? – спросил он слабым голосом.

– Не вертись, – сказал Прупис. – И так тяжело тебя тащить.

– Уж тебе-то тяжело! – проворчал Добрыня, но закрыл глаза и замолчал.

Мы втащили Добрыню за деревянную загородку. Батый сидел там на земле, прислонившись к бетонной стенке, и пил из кувшина, который раб держал у его рта.

Поставив носилки на пол, Прупис тут же повернулся к полю, его куда более интересовала судьба боя, чем жизнь Добрыни и Батыя, и мне было неприятно, что он так бессердечен.

Но, проследив за его взглядом, я невольно вперился в картину боя – да и как же иначе, если ты видишь, что твоих товарищей прижали к краю поля и теснят эти ничтожные рыцари в ведрах.

Прупис выбежал на край поля и побежал по кромке, не смея ступить на газон, потому что судья внимательно следил за такими нарушениями. Прупис кричал, давал советы, и неизвестно, чем бы закончился этот бой, вернее всего, позорным поражением и полным избиением наших черными тиграми, если бы Илья Муромец не услышал Пруписа и не рванулся вперед в самую гущу вражеских рыцарей.

Ужасные удары обрушились на него с двух сто-

рон – он пытался уклоняться от них, но некоторые все же достигали цели. Он обливался кровью, но продолжал отчаянно махать мечом, и, воодушевленные его примером, остальные рыцари тоже двинулись вперед, и вскоре битва уже кипела в центре поля.

Но Муромец не увидел конца этой схватки. Пораженный неисчислимым количеством ударов, он, наконец, упал и остался недвижим.

– Как там? – слабым голосом спросил сзади Добрыня.

– Муромца ранили, – сказал я, не в силах скрыть печаль.

– Не ранили – убили, – сказал Добрыня.

В этот момент раздался долгий прерывистый свист.

Подчиняясь ему, уставшие, запыхавшиеся воины с обеих сторон расходились, словно сразу забыв о существовании противника, а судья выехал на центр поля и в микрофон объявил ничью.

Объявление судьи, не вызвавшее у меня возражений, вызвало почему-то дополнительную суету посредников и слуг, которые бегали к кассам и разносили выигрыши.

– А чего они? – спросил я Батыя, который уже

подошел ко мне и вместе со мной наблюдал за завершением боя. Рука у него была перевязана, но в остальном, как я понял, рана его не беспокоила.

– Выигрыши и проигрыши. Люди и жабы ставят не только на победу – нашу или ихнюю. Тут важно, сколько убитых и раненых. Все в счет идет.

– Рука не болит? – спросил я.

– Ночью будет болеть, – сказал Батый.

С поля кричал Прупис, чтобы принесли носилки забрать Муромца.

Мы с рабом понесли их туда. Бойцы уже расходились, тащили за собой оружие, словно косари уже ненужные косы. Носилки были измараны кровью Добрыни, и мне вдруг показалось, что я снова на кондитерской фабрике, и это не люди, а гусеницы, а носилки – это транспортер, который выплевывает ползунов.

Я с трудом отогнал от себя воспоминания о запахе их крови.

Прупис помог нам положить Муромца. Тот был недвижим. Когда мы шли, его рука волочилась по пыли, Прупис обогнал носилки, поднял руку и положил ее на грудь погибшему воину.

С трибун доносились крики.

– Нами недовольны, – сказал Прупис, – кто-то проиграл… И после паузы он добавил: – А кто-то

выиграл.

– Может, его в больницу? – спросил я.

– Откуда здесь больница, мы же не жабы, – сказал Прупис.

Наше возвращение к автобусу было медленным и печальным. Добрыне помогли добраться до него товарищи. Хотя мне показалось жестоким заставлять его идти после таких ран. Муромца мы отнесли на носилках.

За нами наблюдала толпа зрителей, которые не расходились – им интересно было увидеть раненых и убитых. Из толпы кто-то крикнул:

– Вы их бросьте, чего падаль таскать!

– Заткнись, – зарычал Прупис.

Мы отнесли Муромца в автобус.

Меня удивило, что среди толпы пьяных от запаха крови зрителей я увидел двух или трех спонсоров – они стояли чуть сзади и пожирали глазами нашу скорбную процессию.

В автобусе сзади открывались двери, и я догадался, что специально для таких случаев. Мы поставили носилки, забрались в автобус.

Зрители расходились.

– Все на месте? – спросил Прупис.

– Господина Ахмета нет, – сказал я.

– И не будет, – ответил Прупис, – он делит

бабки.

Раздался смех – прямо у меня из-под ног.

Я вздрогнул и чуть не свалился со стула – мертвый Муромец поднялся и сел на носилках.

– У кого-нибудь найдется закурить? – спросил он. – Я думал – подохну без курева.

Все стали смеяться, но больше не над словами Муромца, а глядя на мою пораженную физиономию.

Добрыня достал серебряный портсигар и раскрыл его.

Муромец оторвал кусок бумаги от старой книжки, лежавшей на полу, и свернул самокрутку. Потом закурил от бензиновой зажигалки.

Я понял, что все, кроме Батыя, здоровы и невредимы.

– Как же так? – спросил я.

– Так встреча же была товарищеская, – смеялся Прупис.

– Главное, – сказал Добрыня, – чтобы зритель видел, что все без обмана.

– Я всегда боюсь людей, – сказал Прупис. – Жабы доверчивые. Для них бой – всегда бой. И смерть – всегда смерть. Они как древние викинги – над смертью не смеются, с ней не шутят. Им даже в голову не приходит, что люди такие лживые.

Все засмеялись. Приятно было думать, что мы лживые. Нет, не вообще лживые, а лживые специально, чтобы провести этих жаб.

– Сколько мы заработали? – спросил, глядя в потолок автобуса, Муромец.

– Сколько дадут, столько получишь.

– Ты, мастер, давно не выходишь на поле, – сказал Муромец, – ты думаешь как в старые времена. Наверное, твой кладенец затупился.

Опять все засмеялись. И опять я понял, насколько я здесь чужой.

– Не заступился, – сказал Прупис. Он тоже улыбался.

Оказывается, ветераны получали свою долю с денег, заработанных школой. Школы сговаривались заранее – каким будет бой, сколько будет раненых и убитых. Причем на эти роли брали только ветеранов, профессионалов – их бой и их смерть должны были быть убедительными. Бывали случаи, что жульничество раскрывалось, но это плохо кончалось для школы и гладиаторов. В автобусе я узнал, что обреченные жертвы привязывали к себе грелки с краской, и умение нападающего заключалось в том, чтобы распороть копьем или мечом эту грелку, не поранив противника, но и тот должен был подставить

нужное место – а в горячке боя это нелегко сделать. А вот юниоры – такие, как Батый или Гурген, которым пока не положено было настоящего вооружения и которые первыми заводили бой, – рисковали куда больше. Тут уж ничего не предугадаешь – можно было получить синяк, а то и копье под ребро. Путь к мастерству был нелегким, и никто не намеревался тебе его облегчать.

Вечером у Батыя рана разболелась – у него поднялась температура. Он стонал, ветераны спали, не обращая на него внимания, но Прупис пришел, привел с собой Фельдшера. Батыю дали аспирину, вкатили успокаивающий укол, и тот вскоре заснул. Фельдшер и Прупис тихо разговаривали. Прупис сказал, чтобы Фельдшер взял какие-то лекарства, но я не знал их названий – у нас дома были другие лекарства.

Я быстро привык к жизни в школе гладиаторов. Потому что всегда был занят. Беглый любимец спонсоров, домашнее животное пришельцев – мог ли я убежать? Конечно, мог бы. Но я уже понимал, что слишком мало знаю об окружающем мире, да и могла ли быть у меня цель? Если она и была, то я сам ее не осознавал. Я должен был попасть к Маркизе. Зачем? Может быть, мне повезло, что Лысый продал меня в школу гладиа-

торов? И здесь я буду жить дальше и стану таким же сильным и умелым бойцом, как Муромец? Или Добрыня?

Мне хотелось бы наладить добрые отношения с Добрыней, может быть, даже подружиться с ним, но он держал меня на расстоянии. Наверное, не мог простить мне нечаянного унижения, а может быть, я просто ему не нравился.

Зато с другими бойцами, даже ветеранами, я сблизился. Не сразу, конечно, но я никому не делал подлостей, не воровал, не подлизывался к Прупису, всегда готов был помочь, если надо что-нибудь зашить или починить. К тому же я оказался хорошим фехтовальщиком – я мог вышибить меч у настоящего мастера и мог защитить товарища, если тому пришлось плохо.

Я доказал это в первом же бою, когда меня в числе других юниоров поставили в основной состав. Встреча была договорная, народу на маленьком стадионе в Люберцах было немного, спонсоров всего трое – там поблизости нет баз, а спонсоры не любят далеко отъезжать от своих городков.

Против нас выступали татары – «Пантеры Пресни», команда слабая, но опасная, потому что у них были острые кинжалы и кривые сабли, которыми можно исполосовать человека.

В разгар боя человек пять навалились на Гургена, наверное бы зарезали, если бы не мешали друг другу и не спешили – дикие люди! Я первым успел на помощь. Я бил их плашмя широким лезвием меча и старался вышибить сабли из рук.

Троих я, кажется, обезоружил. Но помнил все время, что нельзя убивать и даже ранить в договорном матче – иначе будут большие неприятности и тебе и школе.

Но татары, видно, в борьбе забыли, что дерутся не по-настоящему.

Один из них успел все же распороть мне щеку – я даже боль почувствовал не сразу – таким острым был его кинжал, а второй вонзил кинжал под лопатку Гургену.

Тут на помощь пришли наши ветераны – они конями оттеснили взбесившихся татар на край арены и били их плетьми.

Фельдшер выбежал прямо на поле и кинул мне белый платок.

– Прижми! – крикнул он. – Прижми и терпи.

А сам он бросился к лежавшему на земле Гургену.

Я еще не чувствовал боли и тоже поспешил к Гургену, чтобы помочь вытащить его с арены – ведь время матча еще не истекло, и татарская

кавалерия, пришедшая на защиту пехотинцев, еще сражалась с нашими всадниками.

Гурген лежал скорчившись, словно замерз. Глаза его были чуть приоткрыты. Фельдшер стал переворачивать его на грудь.

Спина была залита кровью, и кровь лилась обильно из разреза на кожаной куртке.

Я смотрел на него, прижимая к щеке платок, и не очень переживал, потому что полагал, что у Гургена на спине была грелка или пузырь с куриной кровью. Но тело Гургена повернулось так послушно и расслабленно, что в мое сердце закралась тревога.

– Все, – сказал Фельдшер.

Раб с Пруписом притащили носилки.

Прупис хотел спросить, но Фельдшер сам повторил:

– Все.

Прупис выругался, и мы все вместе положили Гургена на носилки.

Я все еще не понимал, что Гурген умер – я никогда еще не видел мертвых людей, тем более тех, кого я знал и с кем только что разговаривал.

Когда мы оттащили тяжелые носилки в раздевалку под трибуной и Гургена положили на широкую скамью, Фельдшер велел мне раздеть

Гургена.

Я подчинился, но забылся и отнял платок от щеки. Моя кровь начала быстро капать на Гургена, и Прупис, увидев это, закричал:

– Еще чего не хватало! Что, кроме Ланселота некому покойника раздеть?

Слово «покойник» прозвучало отвратительно и лживо. Кто покойник? Гурген? Прупис шутит? Ведь наверняка это был договор, Гурген, такой рассудительный, тихий, сейчас откроет глаза и подмигнет мне… Но в то же время я уже знал, что Гурген умер и никогда не откроет глаз.

Я начал плакать и отошел к стене. Кровь лилась из разрезанной щеки, и вся правая сторона куртки была мокрой и липкой. Прупис подошел ко мне, взяв за плечи, повернул к себе лицом и сказал:

– Придется зашивать. Фельдшер, иди сюда. Гургену теперь некуда спешить.

Щека болела, голова болела, тошнило… Раб принес мне стакан водки. Прупис велел мне пить до дна.

– Да глотай ты! А то через порез наружу выльется.

Кто-то глупо засмеялся. Я поспешил проглотить жгучий напиток, потому что в самом деле испу-

гался, что он польется из меня.

Потом мне велели лечь на скамью, и Фельдшер, промыв мне щеку водкой, стал ее сшивать.

Добрыня подошел ко мне – в глазах у меня было мутно, и я не сразу узнал его.

– Так и надо, – сказал он. – Не суйся, салага.

– Он Гургена спасал, – сказал Батый, который стоял рядом, и когда я хотел вырваться, держал меня за руки.

– Лучше бы подождали, пока мы придем.

Добрыня был надут от сознания собственной исключительности. Почти все ветераны такие.

– Пока вы шли, – сказал Прупис, – всех юниоров у меня бы перебили. Вы хороши, когда вас вдвое больше, а так – отсиживаетесь.

– Мы? Отсиживаемся?

– Пошел отсюда, – сказала Прупис, и Добрыня, ворча, ушел.

На следующий день щека моя распухла, Фельдшер даже боялся, что я помру от заражения крови, но заражения не случилось, хотя поднялась температура, я не спал ночь, мне было совсем плохо. И на похороны Гургена я не попал. Да и что такое похороны юниора? Закопают в землю, начальник школы или тренер скажет, чтобы земля была ему пухом, а потом всей школой выпьют водки на его

могиле. Вот и все дела.

Когда делили имущество Гургена, ветераны не вмешивались – все досталось новичкам и юниорам. Мне дали его нож. Небольшой нож, ножны кожаные, потертые, клинок от долгой заточки стал маленьким, в две ладони длиной. Я носил его под курткой, за поясом, на всякий случай, и был благодарен Гургену за такой хороший подарок.

Нож Гургена мне пригодился в бою, в настоящем, календарном бою, который оказался для меня последним боем в нашей школе.

Было это осенью, началось официальное первенство Москвы, а наша школа оказалась в невыгодном положении – у нас пало три коня, в том числе любимый боевой конь Добрыни. Коней кто-то отравил, и неизвестно – то ли соперники, то ли букмекеры, которые ставили чужие деньги на команды.

Боевого коня сразу не выучишь. Таких коней отбирают жеребятами. Специально выкармливают, тренируют. Когда наши кони пали, на носу была календарная встреча. У господина Ахмета, не говоря уж о ветеранах, настроение испортилось. Проигрывать – значит скатиться вниз таблицы, а может, даже вылететь из первой лиги. А из второй лиги редко кто возвращается

в первую – желающих много, а набрать денег и людей на команду высокого класса во второй лиге без спонсоров невозможно. Но спонсоры не ставят на неудачников.

Добрыня был сам не свой, лучше к нему не подходить. Он был уверен, что коней отравили наши противники «Белые Негры» с Пушкинской. Для меня все эти слова ничего не значили – я не знал, кто такие негры и почему они белые, не знал, что такое Пушкинская. А когда спросил у Пруписа, тот пожал плечами – тоже не задумывался. Только Фельдшер сказал мне, что Пушкин был поэтом, он жил давно и писал стихи. У спонсоров тоже есть поэты и стихи, хотя в это трудно поверить. Поэты сидят на какой-то горе не на нашей планете и хором воют про погоду и курчавые облака. Господин Яйблочко в таких случаях хохочет до слез, а госпожа Яйблочко любит их слушать и включает, когда супруга нет дома.

В тот день я выступал вместе с юниорами. Так же, как они, я был в куртке из толстой бычьей кожи, в круглой железной каске, у меня был меч и нож Гургена. Батый и другие юниоры были одеты схоже со мной. Добрыне, Соловью и Микуле, лишившимся коней, достали подмену – только новые кони, взятые из плохих конюшен, мало на

что годились.

Но ставки были велики, выиграем – сможем купить целую конюшню, проиграем – и конец школе. Так что в автобусе, который вез нас на стадион, расположенный совсем в другом конце города, на излучине широкой реки, все молчали, каждый как мог готовился к бою.

В раздевалку к нам господин Ахмет привел колдуна, чтобы он нас заколдовал. Битва предстояла настоящая, без договоренностей: если судьям или букмекерам станет известно о сговоре, нас вышибут из первой лиги.

Колдун был в черном костюме, оранжевом жилете и в синем цилиндре.

Мне его одежда показалась некрасивой – наверное, так ходили люди еще до спонсоров, но я не люблю слишком ярких красок и диких сочетаний цветов, хотя другие гладиаторы об этом не задумываются.

Колдун вытащил из перевязанного веревкой портфеля графин и несколько небольших стаканчиков. В графине была розовая жидкость. Колдун сначала прыгал вокруг графина, выкрикивая колдовские слова, а потом, когда господин Ахмет велел ему закругляться, потому что нам пора выходить, он разлил розовую жидкость

по стаканчикам, и ветераны выпили, а потом недопитое оставили нам. Это был спирт, но в него было что-то добавлено.

– Надеюсь, не допинг? – спросил Прупис, пригубливая.

– Я знаю, чем рискую, – сказал колдун.

У него было длинное желтое лицо и выщипанные в ниточку брови.

Он собрал стаканчики в портфель, Ахмет дал ему двенадцать рублей, и колдун, пересчитав деньги, сказал, что мы обязательно победим.

Выйдя перед началом боя в коридор, я увидел колдуна снова – он шел рядом с другим колдуном. Они мирно разговаривали, и Фельдшер, который был со мной рядом, сказал:

– А второй был у негров. Они братья.

– Интересно, что он сказал неграм, – сказал я.

– Почему ты спрашиваешь?

– А то ведь наш нам сказал, что мы победим. Значит, второй сказал неграм, что они не победят?

Мои рассуждения развеселили Фельдшера.

– Чего смеешься? – спросил я.

– Кто бы ему заплатил деньги за плохое предсказание?

Я подумал немного и сообразил, что Фельдшер

прав, и это меня расстроило.

– А я ему поверил, – сказал я.

– Ну и продолжай верить, – сказал Фельдшер.

Тут мы расстались – он пошел с тренерами и рабами к кромке поля, чтобы наблюдать за боем из-за деревянного барьера, а я поспешил за гладиаторами.

Мы выстроились у широкого прохода под трибунами. Впереди, как положено для торжественного выхода, стояли конные ветераны – в латах, кольчугах, с красными щитами и копьями, затем мы – пехотинцы, мелкота.

Шум стадиона давил на барабанные перепонки. Я никогда еще не видел столько народа сразу. Может быть, здесь было тысяч пятьдесят. Как и везде, спонсоры занимали два ряда лож, опоясывающих стадион. Ниже сидели милиционеры, выше, за широким проходом, по которому носились букмекеры и агенты, шумела разноцветная человеческая публика.

Я понял, что за прошедшие месяцы я уже привык к подобным, правда, не столь масштабным зрелищам. Более того, по манерам и уверенности в себе некоторых богатых и знатных людей я заподозрил даже, что на самом-то деле правят нашей планетой не спонсоры, как полагают все

любимцы, а эти вот разноцветные господа.

Впрочем, именно в этот день мне предстояло глубоко разочароваться в собственной наблюдательности и поставить под сомнение рассказы, которыми меня потчевали в школе как сами гладиаторы, так и господин Прупис.

…Судья в полосатом костюме выехал на автокаре в центр поля, и над стадионом пронесся удар гонга.

– С Богом! – крикнул Прупис, поднятой рукой провожая нас на бой.

Первыми двинулись тяжелые всадники, я чуть было не замешкался, все еще подавленный шумом стадиона, но меня дернул за рукав Батый. Мы зашагали следом за всадниками.

Выйдя на поле, наше маленькое войско остановилось у его края и стало поджидать противников.

Когда они появились, я чуть было не убежал от страха – ничего подобного я в жизни не видел.

Это называлось слон.

Слон был покрыт красной попоной, к его спине была прикреплена небольшая платформа, на которой сидело три или четыре лучника.

Еще один человек сидел спереди прямо за ушами слона и управлял им, постукивая тростью

по голове.

За слоном и по обе его стороны выезжали всадники в железных наплечниках и открытых шлемах. Сами всадники и их кони были обмазаны белой краской, так что алые губы и черные кружки зрачков ярко выделялись и словно были нарисованы на белой бумаге. Вся одежда всадников состояла из черных набедренных повязок. Всадники потрясали короткими копьями с плоскими широкими лезвиями, похожими на рыбин, и нестройно вопили.

В ответ на их вопли стадион также завопил – та команда была очень популярна, и за нее болели многие спонсоры. А где спонсоры, там и богачи – об этом мне уже не раз рассказывали в школе. Некоторые люди смогли стать настолько полезными спонсорам, что тем трудно было без них обойтись. Они пользовались тем, что спонсоры не могли залезть в щель или войти в дом, и им приходилось полагаться на верных людей. Было неважно, знали об этом спонсоры, или догадывались, или были настолько тупыми и наивными, что верили в бескорыстие людей. Но именно этим людям разрешалось одеваться и жить в городе, даже иметь свои машины или коней. Официально такие люди были объявлены

экологически безвредными, пропагандистами чистого образа жизни, охраны природы и любви к спонсорам.

…Слон меня испугал. Арена была не столь велика, и если это чудовище быстро бегает, то оно может затоптать любого из нас.

– А чем его убивают? – спросил я.

Стоявший рядом Батый ответил:

– Его не трогают. Он – талисман, чтобы пугать таких, как ты, недоумков.

– А те, кто на нем сидят?

– Они слезут, когда надо, – сказал Батый. – Судья им оттуда стрелять не разрешит.

Мне все равно было страшновато. Может быть, Батый ошибается, может, его обманули, и это чудовище сейчас кинется на нас и вонзит в меня свои гигантские клыки?

Слон простоял на арене недолго. Наши воины кричали на него, презрительно называли свиньей рогатой, белые негры ругались в ответ, но когда раздался свисток судьи, лучники, выпустив стрелы в небо, спрыгнули со слона, и тот, потоптавшись, опустился на колени, обернув голову в сторону ложи, в которой сидели два крупных спонсора в дорогих одеждах начальников баз. Те обрадовались, застучали кулачищами о желез-

ную балюстраду, и весь стадион принялся топать, кричать, стучать кулаками и бить в ладоши. Все хотели нашего поражения. Слон покинул арену и ушел на беговую дорожку.

Потом начался бой.

Он начался обыкновенно. Мы, юниоры, выходили вперед и ругали противника, смеялись над ним, наши шутки или ругательства подхватывались висевшими над полем микрофонами и многократно усиливались к радости зрителей. И чем скабрезней и грязней было ругательство, тем веселее вел себя стадион. За исключением, конечно, спонсоров, которые тем временем делали ставки и договаривались с букмекерами – занимались делом.

Мы сцепились с пехотой белых негров, и мне достался для схватки несильный противник: он был молод, может, даже моложе меня, мышцы у него еще не окрепли, ноги были как палки, а плечи узкие, как у девушки. Он отчаянно махал саблей, старался пронзить меня своим копьем, но мне хватило двух минут, чтобы перебить мечом древко его копья, а затем вышибить из его руки кинжал, который он выхватил из-за пояса.

Белый негр испугался. Мне показалось даже, что известка на его щеках и лбу стала белее, чем

прежде, зрачки его метались в орбитах, словно он хотел перепрыгнуть через меня. Но бежать ему было некуда. И я занес меч над его головой.

Мой противник увидел свою смерть в моих глазах и избрал единственный разумный выход – упал на колени и сдался мне в плен.

Не надо думать, будто календарные встречи гладиаторов – это сплошные убийства. Это, хоть и кровавая, но игра, имеющая свои правила. На то и судья на поле. Если ты потерпел поражение в схватке, но даже не ранен, ты всегда имеешь право сдаться – только брось оружие и стань на колени. И тебя нельзя трогать, как нельзя трогать раненого. Правда, для твоей команды это – потеря очков, а для тех, кто ставил на тебя или команду, – потеря денег. Но правила нарушать не следует – могут дисквалифицировать всю школу. Среди гладиаторов куда выше ценится умение обезоружить и пленить врага, чем ранить. А убивать мало кто любит, смерть чаще всего бывает случайной.

Я убийцей не был, так что вывел пленного за кромку поля, и к нему подбежал помощник судьи, а я вернулся в бой, чувствуя гордость за то, что помог моей команде, и радость, что получу полсотни премии.

Правда, больше мне сражаться не пришлось, потому что стычка юниоров закончилась, и в дело вступили всадники. Поднялась пыль, слышны были крики, ржание коней и стоны, звенели мечи, и ударялись о щиты копья. Я знал уже, что ярость боя и стремительность движений – свидетельство лишь хорошей подготовки команд. Вернее всего, в первом тайме убит никто не будет. А во втором тайме, в общем бою, затопчут или искалечат кого-нибудь из нас, юниоров. Так что я даже кинул исподтишка завистливый взгляд на плененного мною белого негра – тот сидел на корточках на беговой дорожке, и вид у него был расстроенный. Еще бы, подумал я, в школе тебя жестоко накажут – не подводи команду!

Для него этот бой кончился.

Я тогда вдруг понял то, о чем ранее не задумывался, – оказывается, я не люблю сражаться, махать мечом и убивать других людей. Глупое, звериное занятие! Никогда мне не стать настоящим гладиатором и ветераном – как бы я ни старался. С каждым днем мне отвратительнее срубать на учениях мечом соломенные головы чучел или часами фехтовать «с тенью».

Но долго раздумывать мне не пришлось, потому что прибежал Фельдшер с ведром воды, надо

было напоить воинов – я должен был прикрывать безоружного Фельдшера от случайного удара.

Увидев нас, ветераны выходили из боя, протягивали, не вылезая из седла, руки – Фельдшер наливал в кружку воды с солью, всадники пили, я же смотрел, чтобы на них кто-нибудь неожиданно не напал.

Обошлось. Белым неграм тоже хотелось пить, и получился, как это часто бывает в трудном бою, незапланированный тайм-аут. Никто из зрителей не рассердился – там, на трибунах, тоже разносили квас, а также напитки для спонсоров.

До перерыва бой шел с переменным успехом. Добрыне удалось ранить негритянского вождя, и того унесли на носилках, зато, к сожалению, в плен попал Соловей. Два противника повалили его с коня и прижали к горлу копье. Никто не успел к нему на помощь, и Соловей сдался. Это было тяжелым ударом для школы. Ведь сдавшийся в плен должен месяц отработать на конюшне у противника, и лишь потом его можно выкупить. Но бывает, что школа и не пожелает выкупать пленного – тогда он становится рабом. Но Соловья мы выкупим, это я знал. Соловей – один из главных ветеранов школы.

Основные события должны были развернуться

во втором тайме. Пока что встреча шла с небольшим перевесом в пользу наших соперников, но, как я понимал, они тоже выдохлись, и если бы не слабые лошади у наших ветеранов, мы бы сломили негров и раньше. А так исход встречи был неясен.

Начался дождь. Трибуны разукрасились разноцветными зонтиками, раскрылись тенты и над ложами спонсоров. Нам же предстояло мокнуть и биться на скользкой траве по колено в грязи. Сражение обученных бойцов могло превратиться в обыкновенную отвратительную свалку.

Слон стоял неподалеку от меня, ему тоже было холодно и неуютно. Он мерно раскачивал головой, словно напевал про себя, приподнимал и опускал хобот… Его погонщик спустился на землю и присел, прячась от дождя, под брюхом слона.

Я не пошел в раздевалку, потому что знал, что там Прупис предложит всем по чарке разведенного спирта. Я же не любил этого, не успел полюбить. Мне лучше было мокнуть под дождем, чем пить эту жидкость – да и ощущение после нее мне не нравилось. Я предпочитал мерзнуть, но сохранить мозги свежими.

Может быть, в иной раз надо мной снова стали

бы смеяться, как смеялись всегда, но сегодня всем было не до меня, да и пленного-то взял я, а не Муромец или Добрыня.

…Мой взгляд упал на трибуну в той стороне, где стоял слон.

Бывает так – ты еще не понял, что видишь, а в тебе уже все напряглось.

Я, может, и не заметил бы Мадамку с кондитерской фабрики, если бы в тот самый момент она не поднялась и не пошла в сопровождении Лысого к выходу.

Оба были одеты ярко, в золотистых плащах с вышитыми на них черными и красными цветами. Такой плащ должен был стоить целое состояние – я уже разбирался в одеждах.

Мадамка остановилась у выхода и обернулась. Она встретилась со мной взглядом. Хоть нас разделяло не менее ста метров, я был уверен, что Мадамка меня узнала. Узнав – равнодушно отвернулась. И я понял: Лысый, нарушив договоренность с Хенриком, продал меня в гладиаторы с согласия своей хозяйки. Возможно, и деньги ей пошли.

Подошел наш добрый Фельдшер и принес мне кружку горячего мятного чая. Я не успел допить ее, как раздалась сирена, и пришлось снова выхо-

дить на мокрое поле строиться. Мне вдруг стало странно, что люди готовятся убивать друг друга. Оделись специально для этого, заточили оружие и вышли на поле, чтобы убивать. Это была почти война – только война, на которую ходят любоваться. А ведь госпожа Яйблочко сколько раз говорила мне, что любая война – экологическое бедствие, и именно поэтому первое, что сделали спонсоры, прибыв на Землю, они запретили все войны. Конечно же, война, которую мы ведем, – не совсем настоящая, и, наверное, к экологическому бедствию ее не приравняешь. И все же в нашей игре была неправильность, нарушение каких-то принципов. Мы убиваем друг друга, а остальные люди и спонсоры на стадионе делают ставки на наши жизни. А ведь над трибунами натянуты привычные лозунги: «Чистым помыслам – чистые реки!», «Хрустальный воздух – легким!», «Помни – Земля одна, так береги ее, не пей до дна!»

Эти лозунги с рождения сопровождали меня. Они были протянуты поперек улиц, по крышам домов, они составлялись из матерчатых, металлических, голографических букв; я знал их наизусть и никогда не замечал.

В таком удрученном состоянии я вышел на

мокрую арену. На этот раз должно было начаться сражение ветеранов, и только когда оно закончится, в общую схватку должны вступить юниоры.

Я помню, что долго не мог сосредоточиться на суете боя – мысли убегали в сторону, глаза отыскивали в ложах спонсоров, которые переживали за события на арене, и мне неприятны были их лапы, что находились в беспрестанном движении. Желтые когти то прятались под кожей, то вылезали наружу, цепляясь в барьеры. Я понимал уже, что если даже госпожа Яйблочко соскочит, узнав меня, с трибуны и побежит, размахивая поводком или миской с мясом, ко мне через всю арену, чтобы вернуть меня на привычную кухонную подстилку, я на это не соглашусь. Месяцы, проведенные вне дома, в значительной степени разрушили ореол, которым были окружены в моих глазах спонсоры.

Звенели, сталкиваясь, мечи, щиты тупым звоном отзывались на удары, эти звуки были мне уже привычны.

И вдруг что-то нарушилось в этой симфонии – вмешался крик проклятия… Чужая лошадь, выданная Добрыне, неудачно ринулась в сторону, упала на колени, и белый негр, сражавшийся с

Добрыней, тут же вонзил копье в спину рыцаря.

Этот удар послужил как бы сигналом к нашему поражению – наши всадники попытались прикрыть Добрыню, пока Прупис с Фельдшером, рискуя быть растоптанными, бежали к нему; судья свистел, стараясь вклиниться своим автокаром между сражавшимися, но белые негры, ощутив приближение победы, ничего не слышали и рвались к лежащему на земле Добрыне.

Но они не успели – Добрыню не так легко было убить. Он поднялся, сжимая в руке меч. На секунду он повернулся ко мне спиной, и я увидел, что его спина была красной – кровь лилась из глубокой дыры в кольчуге.

С радостным воплем победителя белый негр вновь занес копье – казалось, что положение Добрыни безнадежно. На стадионе наступила неожиданная тишина. Это был уже настоящий бой!

Добрыня, хоть и был оглушен ударом, смог уклониться от копья белого негра и, рванув копье за древко, дернул его к себе так, что не догадавшийся выпустить копье из рук белый негр вылетел из седла и тяжело упал на землю, застряв при том ногой в стремени.

Другие белые негры бросились на выручку

своему рыцарю, слон, подняв хобот, громко затрубил, но на пути их встал Илья Муромец, который принял на себя натиск полдюжины всадников и задержал их на секунду или две – этого было достаточно Добрыне, чтобы взмахнуть мечом и опустить его на шею белому негру.

И тут я увидел – а увидев, не поверил, как отлетает от тела человеческая голова, отлетает и катится по траве, становясь темной и бесформенной.

Добрыня, обессиленный, опустился на землю рядом с обезглавленным врагом, судья уже был рядом – он пытался разъединить своим автокаром воинов. Наши старались прикрыть раненого Добрыню, пока не подоспеют носилки. Это им удавалось с трудом, потому что белые негры были взбешены гибелью – и такой страшной – своего товарища.

И тут затихнувший было стадион разразился единым криком. Поглядев на трибуны, я увидел, как один из спонсоров перебирается через барьер. Спонсор ревел так, что перекрывал шум всех остальных зрителей. Но никто из людей, кроме меня, не понимал, что же он кричит.

– Разорил! – кричал спонсор. – Обесчестил! Все мои деньги! Такого рыцаря убил! Тебе не жить!

Я не могу точно поручиться, что я правильно перевел все его слова, тем более что он так яростно дышал и хрипел, выкрикивал свои угрозы на столь примитивном и грубом диалекте, но было ясно: этот спонсор поставил свои деньги именно на убитого негра и теперь намеревался навести справедливость как считал нужным.

Никто из людей не понял намерений спонсора, все стояли как вкопанные и смотрели на гигантское чудовище. Другие спонсоры и не старались его остановить – наоборот, независимо от того, на какую команду они ставили, спонсоры колотили по барьерам кулаками, выпускали когти и издавали радостный рев, словно все происходящее им доставляло удовольствие.

Я закричал:

– Добрыня, беги!

Я не думал, что мой крик долетит до ветерана, и поэтому сделал шаг в его сторону, потом еще шаг. Что-то удерживало меня от того, чтобы кинуться вперед. Впрочем, я и не смог бы этого сделать сразу, потому что был отделен от Добрыни белыми неграми, которые тоже остановились, глядя на бешеного спонсора и не понимая, что ему нужно.

Добрыня был единственным, кто услышал мой

крик. Может, и не сам крик, он уловил мое отчаяние и страх за него.

Он постарался подняться и даже успел сделать несколько шагов в сторону носилок, которые несли Прупис и Фельдшер, но в это время спонсор уже ворвался на поле и, разбрасывая в разные стороны мощными лапами встречавшихся на пути людей, кинулся к Добрыне.

Добрыня попытался уклониться, но он не посмел поднять меч на спонсора – их абсолютное превосходство было впитано всеми людьми с молоком матери. Добрыня мог только отступать, выставив перед собой меч.

Под восторженный гул стадиона спонсор настиг Добрыню и несколько секунд они боролись, потому что спонсор пытался выкрутить руку Добрыни, чтобы отнять меч, но рыцарь отчаянно вцепился в его рукоять.

Никто из наших не посмел придти к нему на помощь – все словно превратились в камни.

Еще секунда – и Добрыня был вынужден расстаться с мечом; отбросив его в сторону, спонсор вцепился когтями в шею Добрыни.

Я не знаю, почему я оказался рядом – видно, я бежал к ним все время, пока продолжалась короткая схватка за меч, не замечая, что бегу.

Только так я мог оказаться рядом с ними… И все равно опоздал – Добрыня далеко откинулся назад, словно стараясь оторвать от горла когти, но когти вошли в его плоть, и из шеи уже хлестала кровь, а спонсор валил Добрыню на землю, и тот упал на спину, а спонсор рухнул на него, полностью перекрыв своей тушей его фигуру. Я видел лишь, как пальцы рук Добрыни конвульсивно и бессильно сжимаются и разжимаются…

И в этот момент я всадил свой меч в спину спонсору.

Возможно, я хотел отрубить ему голову, а может быть, хотел лишь отогнать его – я сам не знаю, чего я хотел, потому что я не соображал – иначе бы никогда этого не сделал. Ведь Добрыню я уже не мог спасти…

Спонсор почувствовал мой удар – хоть он был и не столь силен, как я того хотел. Мой меч глубоко вонзился в его покатое плечо, и, обливаясь такой же красной, как у людей, кровью, спонсор тяжело поднялся, не понимая, что же случилось.

Я успел увидеть, что Добрыня лежит плашмя, неловко и неестественно отклонив расплющенную голову – он был мертв и похож на детскую куклу, попавшую под автомобиль.

Я не слышал шума стадиона, но, думаю, что

еще никогда он так не кричал… но только до того мгновения, когда я ударил мечом спонсора.

А после этого наступила зловещая тишина, до звона в ушах, словно люди увидели, как небо падает на Землю.

Я видел, как лапа спонсора медленно опустилась к поясу (на поясе у спонсора всегда есть пистолет – господин Яйблочко только в доме его снимал). Я увидел, как спонсор вынимает пистолет – и в этот момент никто на стадионе не сомневался, что я сейчас буду убит, и, пожалуй, для всех, кроме меня, это был бы лучший выход. Был хулиган, который посмел поднять руку на благородного спонсора, был хулиган, но господин спонсор испепелил его собственной рукой.

Но среди многих тысяч, желавших такого финала этой истории и убежденных, что иного и быть не может, было исключение – я.

И потому, увидев, как спонсор выхватил пистолет и как пистолет поднимается, чтобы я успел перед смертью заглянуть в его дуло, я коротко поднял меч и быстрым, отработанным на тренировках ударом рубанул спонсора по шее – я знал, что грудь, прикрытую бронежилетом, мне не проткнуть, но место, где голова спонсора переходит в плечо, – самое уязвимое. Только так можно

убить спонсора.

А в тот момент я хотел одного – я хотел убить спонсора, потому что в ином случае он убил бы меня.

Спонсор икнул, медленно опрокинулся назад и упал на несчастного Добрыню.

Я стоял и смотрел на него, и в голове вяло крутилась мысль: как бы сдвинуть его с Добрыни, чтобы поглядеть – а вдруг Добрыня живой? Так я простоял несколько секунд, а потом раздался спасший мне жизнь крик:

– Беги! Беги, Ланселот!

Потом уж, вспоминая это мгновение, я сообразил, что кричал наш тренер Прупис – они с Фельдшером были недалеко от меня, прибежали с носилками, но опоздали.

Крик Пруписа вернул меня к жизни и в одно мгновение превратил меня снова в животное – домашнего любимца, который удирает от преследующих его таких же драчунов!

Я кинулся бежать к проходу, туда, где стоял, загораживая мне дорогу, трубящий слон.

И мое бегство как бы разбудило весь стадион.

Волнами, все яростнее поднимался шум и подгонял меня.

Уже выскочив с поля и стремясь к темному

квадрату выхода, я увидел бегущих мне навстречу милиционеров с дубинками в руках. На мое счастье рядовые милиционеры на стадионе не были вооружены ничем более решительным чем резиновые дубинки.

Не опуская меча, я пронесся сквозь цепочку милиционеров, и они прыснули в стороны.

Слон стоял неподвижно, я миновал его и на мгновение скрылся за его тушей от взглядов спонсоров – а когда я уже был в проходе под трибунами, то обернулся и увидел, как слон, прикрывший меня, медленно падает на бок, а с противоположной трибуны в мою сторону тянутся зеленые лучи – спонсоры открыли стрельбу.

Выскочив из-под трибун, я оказался в зарослях, близко подступавших к стадиону. Это были кусты лещины, на которых уже созрели орехи. Ветви стегали меня по лицу и рукам, я не выпускал меча и уже понимал, что погоня за мной, конечно же, бросится в кусты, и множество милиционеров, чьи нестройные крики догоняли меня, скоро меня отыщут.

Я пробился сквозь кущу орешника и оказался на пустом пространстве – справа и слева возвышались развалины, мимо них протянулась широкая дорога, что вела от стадиона.

Я остановился. Мне было все равно куда бежать – опасность подстерегала меня со всех сторон.

И тут справа от меня в руинах я увидел человеческую фигурку. Фигурка стояла в расщелине и манила меня.

Я привык доверяться жестам. Впрочем, у меня не было выбора.

Я побежал к руинам, до которых было метров сто, не больше.

Я вбежал в расщелину. После яркого дневного света глаза ничего не видели.

Я замер. Знакомый женский голос произнес:

– Иди за мной, только осторожно – здесь камней насыпано. Дай руку.

– А ты где?

– Здесь, здесь, иди!

За спиной, приглушенные стеной, перекликались голоса.

Я протянул вперед руку и встретил тонкие пальцы.

Ирка влекла меня в глубь гулкого помещения.

– Сейчас будет лестница, – сказала Ирка. – Иди, не бойся.

– Погоди, – сказал я, – я меч пристегну, а то мешает.

– Да брось его!

– Нельзя, – сказал я. – Это хороший меч.

Ирка не стала спорить.

Она не отпускала мою руку, мы спустились по лестнице. Я не помню подробностей этого долгого путешествия по каким-то туннелям, трубам, железным лестницам. Мы увязали в грязи, проваливаясь в ямы с вонючей жижей и распугивали крыс.

Ирка была рождена в таких подземельях. Она ничего там не боялась и могла передвигаться в полной темноте.

В те минуты, когда мы шли по широким туннелям, и Ирка была уверена, что я не врежусь головой в какую-нибудь балку, она говорила. Ее монолог был сбивчив, но очень интересен.

– Я под Москвой каждый туннель знаю, – говорила она. Голос ее мне был так приятен, что я готов был расцеловать эту маленькую девушку. Но я был гладиатором, я убил спонсора и отомстил за смерть Добрыни.

В тот момент я еще не понимал, что́ натворил, и думал, что мой проступок обойдется – хотя, конечно же, на спонсора нельзя поднимать руку. У меня было оправдание – по крайней мере, убедительное для меня: я только защищался. И если бы еще секунду промедлил, спонсор испепелил

бы меня. Может быть, от неосознании масштабов моего преступления я ничего не сказал о бое Ирке. Я не сомневался, что она все знает. На самом же деле Ирка увидела меня лишь в тот момент, когда я выбежал из кустов. На стадионе она не была и моих подвигов не видала.

– Я же выросла тут – какая облава или уничтожение, мы туннелями уходили. Даже когда нас газами травили, спасались в метро.

– Где?

– Скоро увидишь, – сказала Ирка.

– Я ничего не увижу.

– У меня фонарик есть, – сказала Ирка.

– Так зажги его!

– Опасно – мало ли кто может быть под землей?

– Но спонсору сюда не пролезть.

– У спонсоров есть друзья.

Я почувствовал, что мы вышли в обширный зал. Голос Ирки зазвучал иначе, как бы раскатился по пустому пространству. В лицо потянуло свежим холодным воздухом.

– Мы тебя не сразу хватились, – говорила Ирка. – Думали, что ты уже у Маркизы. Как договаривались. Я приехала к ней через два дня – где мой любимец? Нет любимца. Мы послали человека

к Машке-мадамке, а она говорит: «По докладу Лысого любимец сбежал по дороге в лесу».

– И вы поверили?

– Нет, конечно, но где тебя найдешь?

– Я погибнуть мог, пока искали!

– Но ведь не погиб? – Ирка засмеялась, эхо подхватило ее смех.

– А теперь фонарик можно зажечь? – спросил я.

– Хочешь посмотреть? – Ирка включила фонарь и повела его лучом по стенам и потолку зала, в который мы попали. Может быть, на иного человека, который видел много дворцов, этот зал не произвел бы впечатления, но я даже рот раскрыл от удивления – длинный зал подземного дворца был обшит белым и светлым мрамором, там стояли колонны, на стенах и потолке была пышная лепнина.

– Почему здесь жили? – спросил я. – От кого прятались?

– Глупый, – сказала Ирка, – это станция метро. Сюда приходил поезд, люди садились в него и ехали до следующей станции.

– Подземный поезд?

– Неужели тебе твои жабы не рассказывали? – Ирка выключила фонарик, и только тут я сооб-

разил, что не успел взглянуть на нее.

– Ничего мне не рассказывали! А почему под землей?

– Потому что на земле было много машин, и они ездили медленно.

В голосе Ирки я уловил раздражение учителя, возникающее от глупых вопросов тупого ученика. Поэтому замолчал.

Ирка снова включила фонарик. Выключила. Как будто давала сигнал.

– Спускайся сюда, – сказала Ирка. – Осторожно, ногу не сломай. Дай-ка я тебе снова посвечу.

Внизу вдоль платформы тянулись рельсы. Я прыгнул, выронил меч и он звонко ударился о рельс.

– Потише, – сказала Ирка.

Она направила луч фонарика в темный круг туннеля. Мигнула – раз, два. Выключила фонарик.

– Нет их пока, – сказала она.

– Кого?

– Наших. Они должны за нами приехать.

Она насторожилась. Вскочила. Где-то наверху послышался скребущий звук. Далеко-далеко хлопнуло, словно ветром закрыло дверь.

– Спускаются, – сказала Ирка.

– Кто?

– Менты. Видно, ты им насолил! Насолил, что ли?

– А может, случайно? – спросил я. – Кто-нибудь случайно идет.

Удивительно, но в тот момент я не вспомнил об убитом спонсоре.

Шум сверху приближался.

– Им легче, – сказала Ирка. – Они через главный вход.

Отсвет фонаря ударил в стену над нами. Слышны были голоса.

– Побежали, – сказала Ирка.

Наши преследователи появились в противоположном от нас конце платформы. Пригибаясь, мы побежали прочь.

– Стой! – раскатился по туннелю крик. – Стой, стрелять буду!

Ирка теперь бежала, светя вперед фонариком. Было трудно бежать по шпалам – если не видишь, сломаешь ногу. Мой длинный меч порой путался в ногах, норовя повалить меня. Сзади слышался шум погони: голоса, какие-то металлические удары, постукивания.

– Плохо, – сказала Ирка, остановившись перевести дух. – Они дрезину заводят – в две минуты

догонят! А наших все нет!

Мы побежали по шпалам. Туннель бесконечно уходил вперед. Дыхание у меня срывалось. Сзади слышался мерный шум работающего станка.

В стене туннеля Ирка углядела нишу.

– Сюда! – приказала она.

Ниша была неглубокой, около метра, к ней вели ступеньки, внутри была запертая дверь.

– Теперь молчи.

Мы вжались в нишу, надеясь, что нас не увидят.

Дрезина с преследователями приближалась. Я не знал, что такое дрезина, но мог догадаться, что это какой-то автомобиль для поездок под землей.

Яркий свет прожектора конусом тянулся вперед, освещая туннель, ржавые рельсы, шпалы, скрытые водой, скользкие стены, потеки воды, тонкие струйки, льющиеся кое-где сверху…

– Заметят, черт возьми! – прошептала Ирка. – Они эти туннели не хуже нас знают. И наши опоздали!

Как бы в ответ на ее жалобу с противоположной стороны туннеля тоже донесся постук колес, и встречный прожектор, не такой, правда, яркий, добавил света в туннеле. Лучи прожекторов столкнулись, и обе дрезины начали тормозить

– визг тормозов был так ужасен, что я постарался еще глубже забраться в нишу. Ирка высунула нос наружу и тихо ругалась. Я даже не подозревал, что девушка может знать такие слова.

Я понимал, что пассажиры обеих дрезин были ослеплены встречными прожекторами и обе стороны не готовы к стычке.

Дрезины столкнулись, так и не успев окончательно затормозить.

Практически перед самой нишей.

Раздались крики, ругательства, зазвенели мечи, раздался выстрел, еще один – вспышки выстрелов на мгновения освещали туннель, столкнувшиеся платформы, которые, оказывается, и звались дрезинами, и людей, прятавшихся за дрезины от пуль.

– Эх, пушки нет! – сказала Ирка.

– Я пойду? – сказал я. Хотя и не представлял, что могу сделать в мокром туннеле.

– Дурак, – сказала Ирка. – Тебя сразу пристрелят. Это же не бой гладиаторов. Без тебя обойдутся.

Бой у наших ног продолжался – порой пули ударялись в край ниши, и тогда я пытался затащить Ирку поглубже. Она была права – человек с мечом, оказавшийся между двух огней, будет подстрелен, как индюк.

Выстрелы гулко звучали в туннеле. Кого-то ранило – и он принялся завывать, кто-то охнул, слышно было, как, расплескав воду, скопившуюся между рельсами, туда рухнуло тело. Все это заняло секунды – пули стучали по металлу дрезин…

И неожиданно для меня от дрезины с ментами послышался голос:

– Хватит! Расходимся.

– Добро, – ответил человек от другой дрезины. – Откатывай назад.

– А стрелять не будете?

– А вы не будете?

– Мы не будем.

– Ну, смотрите!

– Давай, давай, поспешай.

Стрельба прекратилась. В свете прожекторов было видно, как обе враждующие группы взбираются на свои дрезины.

Заревели моторы дрезин, и обе, все еще соединенные лучами прожекторов, покатились назад. Казалось, они старались разделиться, оборвать светящуюся нить.

– Ну вот и обошлось, – сказала Ирка. – А я думала, что не обойдется. Счастливый ты, Тим.

Я удивился – меня давно уже никто не звал Тимом. Я был Ланселотом.

– Меня Ланселотом в школе зовут, – сказал я. – Я под этим именем в боях выступал.

– Ланселот?

– Это был древний отважный рыцарь, – сказал я. – Он защищал обиженных и боролся со злыми волшебниками.

– Хорошо, пускай будет Ланселот, – согласилась Ирка.

Стук колес обеих дрезин затихал в глубине.

– Подождем, – сказала Ирка. – Сейчас наши вернутся. Чего менты тебя искали?

– Наверное, потому что я убил спонсора.

Ирка ответила не сразу. Видно, решила, что ослышалась.

– Ты? Жабу убил?

– Он раздавил моего товарища, – сказал я, оправдываясь.

– А о других ты подумал?

– Так я виноват, а не другие.

– Не знаю, – сказала Ирка, спрыгивая на рельсы, – спонсоры жутко злые. Они могут заложников взять. Был такой случай, еще до тебя одного спонсора нашли мертвым. Это не в Москве было, а в Твери. Тогда они набрали заложников – человек двести и всех расстреляли.

– Он хотел меня убить, – сказал я. – Что же было

делать?

– Бежать, – сказала Ирка. – Мы должны бежать и прятаться. Мы пока слабые, и нас мало.

– Я не люблю бегать, – сказал я.

– Но пока что только этим и занимаешься! – Ирка безжалостно засмеялась.

Стук колес приближался.

За нами возвращалась дрезина.

5. ЛЮБИМЕЦ ПОД ЗЕМЛЕЙ

Путешествие на дрезине показалось мне очень долгим. Может, потому, что меня подавляла и удручала бесконечность этих туннелей, страшная гулкая темнота редких, едва освещенных мраморных станций и сознание того, что все виденное мной – лишь малая часть подземного города, частично затопленного, частично разрушенного, но в большей своей части сохранившегося.

Этого я, конечно, тогда не знал, но масштабы подземного города мог ощутить, не подозревая еще, что эти подземелья не раз еще дадут мне приют.

У дрезины был бензиновый мотор, но так как с топливом было плохо, большую часть пути мы ехали, пользуясь мускульной силой, качая рычаги, соединенные с колесами, – как бы тащили сами себя за уши.

В основном в этой части подземного мира рельсы сохранились прилично – только в одном месте пришлось остановиться перед уходящим вперед озером, на краю которого рельсы обрывались.

Два человека спрыгнули с дрезины и вытащили из воды отрезок рельса – оказывается, его нарочно убирали, чтобы остановить милиционеров, ловивших жителей подземелья.

Разговаривали на дрезине мало – спешили доставить раненого к своим. Ирка кое-как перевязала его в темноте, на ходу, но рана, видно, была серьезной, и раненый стонал.

От темноты и однообразной тряски я задремал.

Меня растолкала Ирка.

– Пора, – сказала она. – Приехали.

Замедляя ход, дрезина выехала из туннеля в невероятных размеров дворец, освещенный слабо и таинственно.

Непонятным для меня образом туда поступало электричество.

Дрезина затормозила у платформы, раненого понесли на руках к низкой двери у начала платформы, а я вышел в зал, о подобном которому мог лишь мечтать какой-нибудь древний король. Могучие, но легкие колонны, расширяясь, вливались в своды потолка, и они были подобны могучим дубам в лесу – лишь вместо неба я увидел мозаичные картины, очевидно, изображавшие исторические сцены.

В одном конце зала начиналась и вела наверх

широкая дворцовая лестница – по ней Ирка и повела меня. Через тридцать ступеней мы оказались в другом зале – меньшего размера. Здесь Ирка оставила меня, велев ее дожидаться.

Я присел на корточки у стены и положил свой меч на каменный отшлифованный пол, стараясь не шуметь – такая торжественная тишина царила в том дворце.

Ждал я недолго. Нельзя сказать, что дворец был совершенно пустынным. Я слышал, как подъехала еще одна дрезина, и по лестнице взбежали три тепло одетых человека, не обратившие на меня внимания. Затем по крутой узкой тройной лестнице вниз сбежал милиционер без фуражки, прижимавший ко лбу окровавленный платок.

Меня клонило в сон, но, как назло, стоило мне смежить веки, как сразу перед глазами вставала громада спонсора, достающего пистолет, чтобы меня убить. Я снова кидался на него с мечом и просыпался…

Я не знаю, сколько прошло времени, прежде чем меня растолкала перепуганная Ирка.

– Вставай! – закричала она. – Ты что, с ума сошел? Ты что наделал?

– Я? Я ничего…

– Ты столько людей подставил!

– Да ты скажи толком!

– Сейчас скажу, сейчас скажу, сейчас узнаешь! – голос ее звучал угрожающе.

Она втащила меня в дверь, за которой был белый коридор. В конце его стоял вооруженный автоматом человек в кожаном костюме. Ирка не стала отвечать на его вопрос, оттолкнула его и мы оказались в комнате.

В креслах вокруг низкого овального стола, на котором стояли бутылки и стаканы, расположились Маркиза, надсмотрщик Хенрик и незнакомый мне клоун, похожий на Ахмета. Ирка остановилась в дверях, не отпуская моей руки.

– Он ничего не понимает, – сказала она решительно. – Он совершенный и законченный идиот.

– Погоди, не все сразу, – Маркиза, не вставая с кресла – в кресле она была куда больше похожа на красивую женщину, – протянула мне руку с очень длинными пальцами. – Положи на пол свой меч. Садись, любимец. И расскажи сначала, что ты натворил на стадионе.

– Все же видели, – сказал я. – Это был честный бой. Он раздавил Добрыню и хотел меня убить. А я не люблю, когда меня убивают.

– Как ты заговорил, – ухмыльнулась Маркиза.

– Еще недавно был щенок-щенком.

– Прошло почти полгода, госпожа, – сказал я, – полгода как я – гладиатор.

– И ты убил спонсора?

– Я защищался.

– А потом?

– Он убежал, а я его увидела, – сказала Ирка.

– Значит, ты не знаешь, что было дальше на стадионе? – спросила Маркиза.

– А что?

– К счастью, я сидел у самого выхода, – сказал Хенрик. – Иначе бы не уйти. Спонсоры приказали милиции оцепить стадион, чтобы никто не убежал.

– Значит, вы видели, как они по мне стреляли! И слона убили!

– Мента перевязали? – спросила Маркиза.

Хенрик открыл дверь во внутреннее помещение. Вошел виденный мною милиционер, голова его была обмотана бинтом.

– Где кассета? – спросила Маркиза.

– Кассета здесь.

Он вытащил из-за пазухи кассету и протянул поднявшемуся Хенрику.

– Болит голова? – спросила Маркиза.

– Плохо, – сказал человек.

– Тебя не засекли?

– Им было не до меня.

Хенрик подошел к телевизору с большим экраном, стоявшему в угу. Вложил кассету в плейер.

Все молчали.

Хоть никто об этом не говорил, я уже понял, что каким-то образом эти люди записали то, что произошло на стадионе.

Хенрик включил телевизор.

Мы смотрели на стадион сверху.

– Мы включили только в конце, раньше не было нужды, – сказал милиционер.

– Вижу, – сказала Маркиза.

Камера быстро спускалась вниз. И я увидел лежащего на земле мертвого спонсора. И себя – только маленького. И слона, стоявшего у кромки.

Звука не было, только чуть-чуть шуршала пленка.

Я увидел себя: вот я бегу с поля; спонсоры рвутся с трибун, вытаскивая пистолеты. Я увидел, как зеленые нити протянулись от пистолетов на трибунах к разбегающимся с арены гладиаторам.

Некоторые падали. Мне показалось, что я вижу, как упал Батый.

Несколько лучей вонзились в слона. Слон по-

качнулся и упал на колени, он старался поднять хобот, но тот его не слушался. Слон медленно лег набок и замер.

В комнате все молчали, не отрывая взгляда от экрана.

Видно было, как зрители – ярко одетые люди, пригибаясь, бегут к выходам, толпятся там, но милиционеры не пускают их, блокируя выходы. Ворота с арены и выходы медленно закрываются толстыми решетками.

– Чего они хотят? – спросила вслух Маркиза.

Никто ей не ответил.

Люди на стадионе устремились к решеткам; видно было, как они размахивают какими-то книжками и пропусками, видно, подтверждающими их особый статус или высокую должность. Милиционеры тоже остались внутри стадиона, и некоторые из них, сообразив, что попались в ловушку, приготовленную для зрителей, также принялись трясти решетки.

Выходы были открыты лишь в ярусе лож, где сидели спонсоры.

По сигналу они как один поднялись и направились к выходам. Некоторые, наиболее сообразительные из людей, перелезая через барьеры, устремились к ложам, но спонсоры были

к этому готовы. У каждого из выходов до последнего момента оставался один из них который хладнокровно расстреливал тех, кто приближался к барьеру. Тех, кто все же смог достичь лож, спонсоры добивали кулаками.

Немота картины никак не уменьшала ужас, овладевший нами, когда мы видели, как люди давили друг друга об решетку.

– Но зачем, зачем? – крикнула Ирка.

– Молчи, – сказал Хенрик.

Одна за другой опустились решетки на ярусе лож. Теперь на стадионе оставались только люди.

Они еще старались выбраться – кто-то взобрался на самый последний ряд, но прыжок оттуда означал безусловную смерть – пятьдесят метров до асфальта.

И тут я увидел небольшой вертолет странного лилового цвета с яркой желтой полосой вдоль фюзеляжа.

Он опустился над стадионом.

Из-под него к земле устремились конусы какого-то пара или газа, пар был бесцветен, но не совсем прозрачен, и через минуту вся чаша стадиона была уже заполнена белесым киселем.

Кисель медленно оседал, как будто превращал-

ся в жидкость, и по мере того как обнажались ярусы стадиона, мы видели неподвижные тела людей – какие разноцветные одежды!

Потом газ собрался в лужицы на зеленой траве арены. И там лежал слон, рядом – его погонщик, далее лежали все мои товарищи по школе гладиаторов: и добрый Фельдшер, и Прупис, и раб, который приносил напиться холодной воды. И там же лежали тела белых негров. И на всем стадионе не осталось ни одного живого существа…

Мы молчали.

Потом Хенрик сказал мне:

– Сколько же ты людей погубил!

– Я никого не убивал!

– Достаточно было одного спонсора.

– Они мстили за него? – Я только в тот момент связал свой поступок с трагедией на стадионе. Как ни странно – я раньше об этом не подумал.

– Нет, дурачок, – сказала Маркиза. – Они никому никогда не мстят.

– Тогда я не понимаю!

– Ни один живой свидетель не должен знать и даже подозревать, что человек может, имеет право и возможность убить спонсора. Никому они не мстили. Они без всяких особых чувств, без ненависти и коварства, расчетливо и спокойно

ликвидировали всех свидетелей – до последнего, – сказала Ирка.

– Теперь они будут искать тебя, пока не перероют всю землю, – сказал Хенрик.

– Пленку надо будет размножить, – сказала Маркиза. – И разослать по всем ячейкам.

– Не спеши, – сказала Ирка. – Мы подумаем, как сделать лучше. Пусти еще раз пленку. Я боюсь, что среди них были знакомые.

– Сейчас, только перемотаю назад, – сказал раненый милиционер.

– Какие сволочи! – сказала Ирка. – Я бы их всех своими руками растерзала!

– Успеешь, – сказал Хенрик, – всему свое время.

– Пусти пленку вдвое медленней, – попросила Маркиза.

Загорелся экран.

– Тим, – сказала мне Маркиза. – Подвинь мое кресло к экрану.

Я подчинился. Кресло было тяжелое, но на колесиках. Как только я его сдвинул с места, оно рыскнуло в сторону. Маркиза схватила меня за руку длинными холодными пальцами.

– Не так шустро!

Она смотрела на меня смеющимися глазами, а

я старался не видеть ее маленького туловища и ссохшихся ножек.

Маркиза отвернулась от меня и словно забыла.

Мы снова смотрели, как люди стараются убежать со стадиона, как они бьются о решетки.

– Стой! – приказал Хенрик. – Останови изображение.

Картинка на экране замерла.

– Видишь? – спросил он.

– Это Шептицкие, – сказала Маркиза. – Они с собой взяли на стадион девочку.

Маркиза дотронулась длинным пальцем до экрана.

– А кто справа? Это Ванда Ли?

– Не может быть!

– Конечно же Ванда, у нее помолвка в декабре.

– Не будет помолвки.

– Сволочи! – повторила Ирка. Она стояла рядом со мной. А я так устал, что смотрел на дергающееся изображение на экране, уже не понимая, что там происходит. У меня глаза смыкались. И если бы не голод, я бы уселся здесь в уголке и заснул.

Вдруг Маркиза резко обернулась ко мне.

– Уведи его, – приказала она Ирке. – И ты тоже поспи. На тебе, Ирка, лица нет.

– Пошли, – сказала Ирка.

Я был благодарен Маркизе. Я сказал:

– Спасибо.

Но меня никто не слышал, потому что Хенрик вдруг воскликнул:

– Смотрите, смотрите!

– Не может быть! – ахнула Маркиза.

Они столпились у экрана, увидев кого-то близкого им.

Ирка потянула меня за руку.

Мы вышли из двери и прошли по коридору. Ирка толкнула дверь слева, и за ней обнаружилась небольшая комната, в которой стояло несколько коек, покрытых серыми одеялами.

– Здесь отдыхает караул, – сказала Ирка. – Но сейчас их нет. Выбирай любую постель.

Я не стал выбирать. Я положил меч на пол возле ближайшей койки, рухнул на нее, закрыл глаза и вместо того, чтобы заснуть, начал вновь мысленно прокручивать перед глазами сцену моего боя со спонсором. Я слышал, как Ирка присела на соседнюю койку.

– Ты спи, – сказала она, – не ворочайся. Ты лучше посчитай до ста. Ты считать умеешь? А то я тебе посчитаю.

– Я умею.

– Тогда считай.

– Не хочу.

– Надо обязательно поспать. Мы же не знаем, когда будем спать в следующий раз.

– Как ты меня нашла?

– Искала вот и нашла! Спи!

– А что ты на кондитерской фабрике делала?

– Воровала.

– А что воровала?

– Много будешь знать, скоро состаришься.

– Дай руку, – сказал я.

Не открывая глаз, я протянул в ее сторону руку ладонью кверху, и она положила на ладонь свои пальцы. Я знал, что у Ирки обломанные короткие ногти, и руки все в ссадинах и царапинах, а мизинца на левой руке нет.

– Спи, – сказала Ирка.

– Жалко спать.

– Хочешь, я тебя поцелую? – спросила Ирка.

– Хочу.

Я открыл глаза. Ее глаза были совсем близко от моего лица. Она склонилась, и я, подняв другую руку, схватил пальцами ее горячий затылок, чтобы сильнее ее поцеловать.

Ирка вырвалась, она сделала вид, что рассердилась.

– Раздавить меня хотел, да? Нельзя так сильно,

– сказала она. – Это не любовь, а больно. Тоже мне, любимец!

– А что любимец?

– Я раньше думала, что любимцы все такие нежные, завитые, мытые, у меня была подруга, ты ее не знаешь, она была знакома с одним любимцем, не здесь, а на болшевской базе спонсоров. Она с ним встречалась. Она говорила, что он такой нежный, она так переживала, когда хозяева его увезли.

Сон подкрадывался ко мне. Мне было уютно и тепло. Ирка была такая глупая, но очень хорошая. Она погладила меня по голове.

– Ты не завитой, – сказала она.

Мне хотелось спросить, был ли у нее кто-нибудь раньше, до меня. И мне даже показалось, что я спрашиваю. Но на самом деле я уже спал. Правда, догадался я об этом только, когда Ирка начала расталкивать меня, тормошить:

– Просыпайся, надо идти. Ты слышишь, что надо идти?

Маркиза ждала нас в длинном роскошном зале подземного дворца – станции метро. И люди когда-то ходили по этому дворцу, не замечая окружающей роскоши. «Кто же правил нашей страной, если только для того, чтобы проехать

на поезде, воздвигались такие дворцы?» – спрашивал я себя.

Маркиза сидела в кресле на колесиках.

Пока мы спускались к ней в зал, я успел спросить Ирку:

– А почему она не ходит?

– У нее ноги слабенькие, – сказала Ирка.

– А почему она такая?

– А кто не урод? – ответила вопросом Ирка.

– Я! – Это прозвучало самоуверенно, по-мальчишески.

Ирка засмеялась.

Мы подошли к Маркизе. Возле кресла стояли два охранника в кожаных костюмах.

– Чего вас так развеселило? – спросила Маркиза.

– Тим считает, что он красавец! – сказала Ирка.

– Ты в самом деле так думаешь? – спросила Маркиза, смеясь глазами. Но почему-то я почувствовал, что ей эта ситуация не нравится. И я даже понял, почему: нелегко женщине обсуждать чужую красоту, если ты горбунья-сухоножка.

– Я так не думаю, – сказал я. – Я только думаю, что я не урод.

– Это одно и то же, – сказала Маркиза и обернулась к Хенрику, который быстро приближался.

Его каблуки отбивали ровный четкий ритм.

– Все, – сказал он, подойдя к нам. – Он будет ждать у входа в «Сокольники».

– Один?

– Обещал.

– Я не хочу рисковать.

– Я думаю, что мы не рискуем, – сказал Хенрик. – Я думаю, что он взбешен и перепуган.

– За один день я потеряла дюжину друзей. Этого я ему не прощу.

– Послушаем, что он скажет. Пора!

Хенрик посмотрел на наручные часы. Я никогда раньше не видел таких часов.

По его знаку охранники покатили кресло с Маркизой к дрезине. Вкатив на нее кресло, они встали по бокам. Водитель дрезины включил мотор. Мы заняли места сзади. Весело постукивая на стыках рельс, дрезина покатила вперед.

Некоторое время все молчали. И когда Маркиза заговорила, ее первые слова оказались для меня неожиданными.

– Когда выйдем, оставишь меч здесь. Мы тебе потом дадим оружие получше этой железки.

– Это не железка, – сказал я. – Это боевой меч. Я убил им спонсора.

– Об этом ты лучше бы молчал, – раздраженно

сказала Маркиза. – Из-за твоей глупости мы потеряли людей, куда более достойных, чем ты.

Я промолчал. Я не хотел спорить. Я знал, что если бы все повторилось, я бы поступил точно так же.

– Пускай он ходит с мечом, – сказал Хенрик. – Скорее попадется.

– Я бы не хотела его лишиться, – сказала Ирка.

Дрезина постепенно набирала скорость, туннели расходились, пересекались, раза два приходилось останавливаться, тогда водитель слезал и переводил стрелки. После второй стрелки дрезина стала набирать скорость, и тогда стук колес превратился в ровный гул. Ветер бил в лицо. Говорить было трудно.

– Надо сделать щиток! – крикнула Маркиза.

– Никак не можем достать такой кусок стекла, – сказал водитель.

– А куда мы едем? – спросил я. – А то меня везут, а никто ничего не объясняет.

Маркиза засмеялась.

Потом крикнула:

– Много будешь знать, скоро состаришься!

Хенрик наклонился ко мне и сказал почти в ухо:

– Мы должны встретиться с тем, кто знает о

событиях на стадионе больше, чем мы с тобой.

Дрезина чуть замедлила ход. Мы миновали еще один дворец, правда, скромнее, чем первый, и освещенный еле-еле – одной или двумя лампочками.

Еще один перегон по черному туннелю – он показался мне бесконечно долгим, и дрезина остановилась у перрона следующей станции. Она была так же скудно освещена, как и предыдущая. Не помню, как она выглядела, – в любом случае скромнее и меньше первых из увиденных мной дворцов, – но название ее я запомнил – по стенке туннеля напротив платформы были выложены буквы, которые складывались в слово «Сокольники». Из этих мест, наверное, происходила команда гладиаторов, с которой сражались мои богатыри! И тут мне стало грустно, так что заныло в груди: я никогда больше не увижу своих товарищей, не буду опасаться грубого Добрыню, не смогу поговорить со скромным, тихим Батыем, не сделаю новой плетки Прупису…

– Не задерживайтесь, – обернулась к нам с Иркой Маркиза, ее коляску уже выкатили на платформу, подкатили к лестнице, охранники подхватили кресло с двух сторон и быстро стали подниматься. Я был налегке, не считая меча, и то

с трудом догнал этих здоровяков.

Когда я совсем запыхался, впереди показался дневной свет. Мы быстро прошли еще одним коридором, затем – два пролета лестницы и сразу оказались наверху.

Я за последние часы так отвык от дневного света, что пришлось зажмуриться.

Потом я открыл глаза и осмотрелся.

Мы стояли на широкой площади, по сторонам которой возвышались руины некогда высоких строений. Слева была видна почти целая церковь, а впереди – густая зелень больших деревьев. Туда вела частично расчищенная прямая дорожка.

Вокруг – ни души.

Охранники покатили кресло с Маркизой по дорожке к высоким деревьям. Мы шли сзади. Я больше не задавал вопросов. Придет время, мне ответят. Ирка протянула мне руку, она не понимала, почему я отстаю. А мне интересно.

Я ведь никогда в жизни не ходил по Москве. Прупис не отпускал в город юниоров, а на соревнования нас возили на автобусе.

Я понимал, что Москва когда-то была гигантским городом – ты едешь по ней целый час или больше, и из зарослей все так же вылезают зубы многоэтажных домов…

В кустах справа от нас что-то зашевелилось.

Охранники тут же отпустили поручни кресла и схватились за пистолеты. Темное тело ломилось сквозь кусты.

– Не стрелять! – приказала Маркиза. – Нельзя привлекать внимание.

– Уйдет, – с сожалением произнес Хенрик.

– А кто там? – спросил я.

Мне никто не успел ответить, потому что из кустов на открытое пространство вывалился облезший, вовсе нестрашный на вид небольшой бурый медведь. Чем-то он бы разозлен, потому что не побежал прочь, а остановился на нашем пути – и заурчал, медленно поводя головой.

Все замерли – медведь перекрывал дорогу. А стрелять охранники не смели.

– Черт возьми, был бы я помоложе, – сказал Хенрик у моего плеча.

– Тим! – ахнула Ирка. – Ты куда? Стой!

Но я уже шел вперед, потому что кроме меня некому было прогнать медведя. И у меня был настоящий боевой меч, которым я свалил спонсора. Мне было не страшно, и я не чувствовал себя героем – медведь был невелик, а я неплохо владею мечом.

Медведь словно ждал боя – он вызывал меня на

поединок. При моем приближении он поднялся на задние лапы и страшно зарычал.

Я пошел медленно вперед, приподняв меч и отыскивая глазом место на груди медведя, куда следовало вонзить конец меча, – его сердце. Сердце мое билось спокойно – я ощущал холодное счастье охотника, который идет против достойного соперника.

Я чувствовал, как замерли, стараются не дышать люди сзади меня.

Вот оно место – под левой лапой!

Мы сближались – сейчас надо будет сделать выпад, не ожидая, пока медведь бросится первым…

Но тут медведь повел себя совсем не так, как следовало вести себя могучему хищнику.

Он снова опустился на передние лапы, но шустро повернулся и, подбрасывая облезлый зад, кинулся в чащу.

Я с сожалением опустил меч. Словно это я струсил, а не медведь.

Мне показалось, что я выгляжу смешно.

Сзади зашевелились, заговорили:

– Спасибо, Ланселот, – сказала Маркиза.

Я обернулся и пошел к креслу.

– Славно ты его шуганул, – сказал Хенрик.

При свете дня было видно, какое у него бледное,

нездоровое лицо, все изборожденное тонкими морщинками. И волосы редкие, серые. Здесь, при безжалостном блеске дня, все выглядело иначе, чем в подземелье при неярком свете ламп. Не изменилась лишь Ирка – ее-то я уже видал и днем и ночью. Она была бледной, через веко по щеке – шрам, губы разошлись, и видно, что выбиты передние зубы… Но Ирка мне нравилась такой, и перемен в ней не было. А вот Маркиза, королева полумрака, многое потеряла при свете дня. Кожа ее была землистой, губы потрескались, словно она их искусала, под глазами темные пятна, а на висках – голубые жилки.

Только глаза не изменились – они так же смеялись, хоть я мог дать голову на отсечение, что Маркиза прочла в моих глазах разочарование, и это ей было неприятно.

– Подойди ко мне! – приказала Маркиза.

Я подошел, волоча за собой меч.

– Ты мой герой, – сказала Маркиза. – Я благодарна тебе. Наклонись.

Я наклонился.

– Еще ниже! – В голосе прозвенел металл. – На колено!

Она схватила тонкими пальцами мою голову, привлекла к себе и поцеловала меня в лоб.

– Ты молодец, – сказал Хенрик, когда я поднялся с колен. – Если бы я был помоложе, я бы тоже постарался.

– Не выдумывай! Ты бы сбежал, – сказала Маркиза.

– У меня был боевой меч, – сказал я, чтобы защитить Хенрика. Он мне нравился, а Маркиза несправедливо обижала его.

Ирка молчала.

– А теперь быстро вперед! – приказала Маркиза. – Мы опаздываем.

Мы без приключений добрались до больших деревьев.

– Это парк «Сокольники», – сказал Хенрик, будто я спросил у него, куда мы пришли.

– Парк? – спросил я.

– Это место, куда ходили гулять.

Я с трудом сдержал улыбку – представьте себе человека, который добровольно пойдет гулять в темный лес, где таятся звери, русалки, вампиры и всякая нечисть.

Справа была открытая площадка, и я увидел на ней малый спонсорский вертолет. На таких спонсоры отправляются по делам.

Мы прошли мимо вертолета и оказались под высоким, кое-где обрушившимся навесом. Со

всех сторон к нему подходили деревья, потому под навесом было полутемно, и я не сразу увидел, что нас ждет спонсор.

Я замер от мгновенно охватившего меня ужаса. Событие, случившееся на стадионе, уже полностью выветрилось из моей головы – ведь там я действовал в горячке боя, в страхе за себя и в гневе за Добрыню. Сейчас же все вернулось на круги своя, и я сразу вновь почувствовал себя любимцем, которого можно наказать или оставить без обеда. Я остановился раньше, чем кресло Маркизы. И мне страшно хотелось, чтобы спонсор не увидел меня, а увидев, не узнал. И мне захотелось выкинуть меч как страшную улику.

Они сейчас выдадут меня! – возникло во мне страшное понимание. Я попал в ловушку! Они выдадут меня, и спонсор меня растерзает, а их за это наградят.

Я стоял рядом с Иркой. У меня ослабли колени.

Хенрик шагнул вперед:

– За нами не было слежки, – сказал он.

– Я верю, – сказал спонсор. – Сегодня плохой день.

– Куда уж хуже, – сказала Маркиза.

Спонсор медленно вел головой, рассматривая нас. Как и все спонсоры, вне дома он был в малень-

ких черных очках, и это выглядело комично.

Это был высокопоставленный спонсор. С тремя полосами на лбу и оранжевым кругом на груди. С двумя полосами я видел один раз – он приезжал в гости к соседу, и все спонсоры говорили об этом несколько дней. А с тремя полосами – таких не бывает! Это все равно что увидеть младенца с двумя головами. Оранжевый круг указывал на то, что спонсор принадлежит к Управлению экологической защиты. Госпожа Яйблочко много раз мечтала вслух, чтобы господина Яйблочко перевели в Управление. Там совершенно другие условия!

– Сийнико, кто приказал убить людей? – спросила Маркиза резко, словно имела право спрашивать. Маленький человек, говорящий таким тоном со спонсором, казался мне щенком, лающим на тигра. Щенок глуп, а Маркиза умная. Но вопрос ее был нагл, невыносим, недопустим, потому что все мы знали, что убить людей приказали спонсоры. И вопрос об этом был задан спонсору. Я невольно схватился за рукоять меча, ожидая, что спонсор растерзает Маркизу. Но спонсор был совершенно спокоен. Более того, прежде чем ответить, он медленно осел на землю, так что теперь его голова была на одном уровне с

моей, и Маркизе не надо было так закидывать голову, говоря с ним. Если вы никогда не встречали спонсора, вы можете удивиться, глядя на такое поведение. Но я знаю, что для спонсоров не существуют такие понятия, как «стыд», «неловкость». Спонсор не может сказать: «Так не принято». Принято все, что удобно.

– Ты догадываешься, – сказал спонсор.

– Неужели нельзя было остановить?

– Меня не было там. И никого из моих людей там не было. Удар был неожиданным. Формально они правы: закон превыше всего. Спонсора убить нельзя. Если кто-то видел это – он наказывается смертью. Для блага других. Потому что если люди увидят, как убили спонсора, они захотят убить других спонсоров.

– И ты в это веришь? – спросила Маркиза.

– Разумеется. Любое господство может держаться только на законе. С другой стороны, я отлично понимаю, что произошла роковая ошибка. Погибли не те люди. Поэтому будем надеяться, что никто об этом не узнает.

– А как ты это себе представляешь? Люди ушли из дома на стадион. А со стадиона приносят их трупы. Как ты себе это представляешь?

– Нечастный случай, – сказал спонсор. – Никто

не знает причины.

– Ты так наивен?

– Ни один свидетель нападения на спонсора не ушел.

– И ты в это веришь?

– Да, – твердо ответил спонсор, но очки его уперлись в меня, и по тому, как вздрагивает вена на шее у спонсора, я понимал, насколько он взволнован и неуверен в себе. Интересно, понимают ли это мои спутники?

По знаку Маркизы Хенрик сделал два шага вперед и протянул спонсору видеокассету.

Тот взял кассету, и она исчезла в его лапе.

– Что это? – спросил он.

– На этой кассете записано все – с первого до последнего момента.

– Вы запустили летающий глаз? Почему? И его не заметили?

– Твоим друзьям было не до того. Ты знаешь, что заодно уничтожена половина московской милиции?

– Это ужасно, – сказал спонсор. Он приоткрыл кулак и поглядел на кассету.

– Как ты понимаешь, это не последняя копия, – сказала Маркиза.

– Понимаю, – сказал спонсор. Он был удручен.

Под навесом воцарилось молчание. Все ждали, что еще скажет спонсор.

– Как ты понимаешь, – сказал он наконец, обращаясь к Маркизе, – те, кто сделал это, – сделали это сознательно, потому что они враги нашего сближения с людьми.

– Знаю, – сказала Маркиза. – И была удивлена тем, что ты защищаешь их.

– Я один из них, – спонсор Сийнико улыбнулся – кожа на лбу собралась в ком. – Мои интеллектуальные соображения, мой разум, моя убежденность в том, что мы сможем удержать Землю, только если будем сотрудничать с лояльными людьми – все это отступает на второй план, если возникла угроза моей расе.

Под навесом воцарилось молчание. Его нарушила Маркиза.

– Мне важно знать, – сказала она, – было ли это действием взбешенного идиота или бессердечного законника? А может, за этим стоит Айлетико, то есть это сознательная акция, и отныне ваша политика изменилась?

– Я не могу ответить на этот вопрос, – сказал спонсор Сийнико. – У меня нет доказательств.

– Ты должен узнать. В зависимости от решения этой задачи мы будем вести себя различно.

– Не спешите.

– В наших руках есть козыри.

– Ты уверена, что это козыри?

– Вы хотели, чтобы погибли все, кто видел смерть спонсора. Вы пошли даже на то, чтобы отравить половину московской милиции…

– Ты знаешь, что я не имею к этому отношения!

– Но несешь ответственность!

– У нас разные принципы морали, – сказал спонсор, – поэтому нам трудно разговаривать.

– Случившееся невыгодно для вас, независимо от ваших принципов. Существует пленка с записью преступления.

– Продолжай, – Сийнико насторожился.

– У нас есть и другой аргумент.

– Знаю. – Спонсор Сийнико погладил лапой гребень, он был доволен своей сообразительностью. – Знаю, что за твоей спиной стоит гладиатор, который и совершил преступление. К моему удивлению, тебе удалось его заполучить. Поэтому у меня есть подозрение, что все произошедшее на стадионе задумано и исполнено тобой, Маркиза!

– Не говори глупостей, Сийнико.

Меня буквально поражал тон, в котором шла беседа. Собеседники разговаривали, словно

приятели. Я никак не мог понять, каковы же в действительности отношения между немощной Маркизой и гигантским спонсором. По крайней мере, я был уверен в том, что Маркиза его не боится или умело делает вид, что не боится.

– Гладиатор, подойди ко мне, – сказал господин Сийнико.

Я взглянул на Маркизу.

– Иди, не бойся, – сказала она.

– Я не боюсь, – сказал я, но я боялся, потому что был любимцем и знал, что, когда хозяин зовет тебя, ты должен покорно идти, даже если тебе предстоит трепка.

– Скажи мне, – сказал спонсор, упершись мне в глаза непрозрачными черными очками, – ты знал Маркизу раньше, до того как стал гладиатором?

– Я видел ее, – признался я.

– Ты сделал все по ее приказу? – черные очки скрывали глаза. Это было неприятно. Я не мог удержаться от ответа, хотя и не хотел ему отвечать.

– У меня не было приказа. Я защищал Добрыню.

– Прекрати допрос, Сийнико, – услышал я голос Маркизы. – Мы ничего от тебя не скрывали. Ланселот может стать главным козырем в игре.

– Я понимаю, – согласился спонсор, – но я бы на твоем месте не стал его укрывать.

– Почему?

– Он как горячая картошка. Схватишь – обожжешься. Его сейчас ищет вся милиция.

– То, что от нее осталось?

– Не надо недооценивать. Его фотографии есть у всех милиционеров и тайных агентов. Подозревают, что он укрылся в метро.

– Успели!

– Я тебе советую – расстанься с Ланселотом.

– А ты думаешь, почему я взяла его с собой?

– Чтобы показать мне. Может быть, чтобы шантажировать меня.

– Глупый, – Маркиза улыбалась ему. – Я хотела, чтобы ты взял Ланселота с собой и скрыл его. Пока.

– Ты с ума сошла! Это преступление!

– Не первое и не последнее преступление. За дружбу со мной надо платить. Мы с тобой в одной лодке, спонсор.

– Но мне некуда его деть!

– Именно ты можешь это сделать. Ты знаешь, кем был Ланселот до того, как попал в гладиаторы?

– Как я могу знать, если он не из хорошей се-

мьи?

– Он совсем не из семьи.

– Из питомника? – Спонсор сразу насторожился.

– Он сбежавший любимец.

– Полгода назад? – Спонсор повернул ко мне черные очки. – Ты был любимцем у господина Яйблочко?

– Да, – сказал я. – В Пушкино.

– Странный молодой человек, – сказал спонсор, склонив голову набок. – Мне хотелось бы разобрать тебя на винтики и поглядеть, что же отличает тебя от остальных людей. Знаешь ли ты, что ты – первый удачно сбежавший любимец за всю историю нашей дружбы?

– Это не важно, – сказал я.

– А потом стал гладиатором… и даже убил господина! Я обязательно просмотрю твою генетическую карту.

– Вот именно, – сказала Маркиза. – В своем питомнике.

– Это опасно!

– Это самое безопасное место!

– Я не могу так рисковать.

– Кому придет в голову искать любимца в питомнике любимцев? – сказал давно молчавший

Хенрик.

– А когда суматоха уляжется, я возьму его к себе, – сказала Маркиза, – мне он тоже пригодится.

– Может быть, в твоем предложении что-то есть.

– Это не предложение. Это просьба, в которой ты не можешь мне отказать… А теперь за дело.

– С глазу на глаз!

– Согласна, – сказала Маркиза. – Хенрик, посмотри, чтобы мои мальчики и Ланселот отошли подальше от навеса. Потом вернешься.

Хенрик поманил меня за собой. Мы с Иркой вышли из-под навеса. За мной шли охранники в кожаных костюмах, которые возили кресло Маркизы.

– Я позову вас, – сказал Хенрик. – Никуда не отходите.

Последние слова относились к охранникам.

Я был взволнован, я боялся. Я опасался подвоха, ловушки. Если я покажусь им опасным, они меня убьют, это было понятно. Но непонятно, насколько я им нужен сегодня.

– Питомник? Это смешно, – произнесла Ирка. – Ты оттуда вышел. И туда вернешься. Ты помнишь питомник любимцев?

– Нет. Я был маленький, мне было два года, ко-

гда меня оттуда взяли. А что я там буду делать?

– Тебя будут снова учить на любимца, – засмеялась Ирка.

– А кто этот спонсор? Я знаю, что он из Управления экологической защиты. Он большой начальник.

– Я знаю то же самое. И знаю еще, что он тесно связан с Маркизой. У них общие дела.

– Какие дела?

– Не будем об этом разговаривать.

– А надолго меня… в питомник?

– Пока не пройдет суматоха.

– Я не хочу туда.

– Хочешь, я к тебе приеду?

– А тебе можно?

– Я не последний человек в подземельях, – сказала Ирка не без гордости.

– Тогда бы ты не вкалывала на кондитерской фабрике, – сказал я.

– Я делаю то, что нужно. Ты думаешь, нам легко?

– Кому нам?

– Тем, кто хочет, чтобы спонсоров больше не было.

– Разве это возможно?.

– Не сегодня, но в конце концов мы их выго-

ним.

– Смешно!

– Маркиза торгуется с Сийнико. Есть спонсоры, которые понимают, что без людей им на Земле не обойтись.

– А есть другие?

– Ты задаешь вопрос, на который уже знаешь ответ. Конечно, есть. И они хотят, чтобы людей вообще не осталось. Только они боятся Галактического центра.

Так я впервые услышал это слово. И сразу подумал, что существует сила, перед которой склоняются спонсоры.

Ирка поглядывала в сторону навеса. Переговоры там затягивались. Охранники сидели на траве. Ирка была бледной. Я посмотрел на нее.

– Мы редко бываем наверху, – сказала Ирка. – Совсем солнца не видим.

– А почему?

– Если поймают, увезут на рудники.

Я уже понял, что не всегда имеет смысл расспрашивать. Если я чего не понимаю, то объяснения также непонятны. Разбираться надо самому.

Солнце пробивалось сквозь густую желтеющую листву старых деревьев.

– А что спонсоры здесь делают?

– Они спасают, – сказала Ирка.

– Что спасают?

– Спасают природу. Это их знамя.

– И убивают людей? – спросил я.

– Для них природа важнее, чем враги природы. Тебе этого не понять.

– Я об этом слышал каждый день. Спонсоры идут от планеты к планете, спасая природу от варваров!

– Вот именно, – Ирка криво усмехнулась. – Спасают от нас.

Ирка улеглась на траву и смотрела в синее, яркое сентябрьское небо.

– А может, мы с Маркизой полетим к спонсорам, – сказала она. – Сийнико обещал.

– Зачем?

– Там Маркизе сделают новое тело… меня тоже починят.

– Зачем тебе это? – спросил я.

– Тогда ты меня не узнаешь. Закачаешься от моей красоты.

Ирка рассмеялась. От того, что передние зубы у нее были выбиты, она была похожа на молоденькую старуху.

– Эй! – закричала из-под навеса Маркиза. – Мальчики, возьмите меня!

Охранники вскочили и побежали под навес.

Первым вышел спонсор, за ним охранники катили коляску, рядом с которой шел Хенрик, худенький, прямой и упрямый.

– Тим, подойди ко мне, – сказала Маркиза.

Я подошел. Она взяла меня за руку.

– Я надеюсь на тебя, – сказала она. – И буду ждать. Как только опасность пройдет, ты придешь ко мне. Хорошо?

– Хорошо, – сказал я.

– Тебе будет нелегко – ты будешь совсем один. Но помни, что мы тебя ждем.

– Я привык быть один, – сказал я.

Хенрик пожал мне руку. Ирка вдруг шмыгнула носом.

– Не влюбись в Ланселота, – сказала Маркиза, смеясь одними глазами.

– Еще чего не хватало! – отмахнулась Ирка.

Спонсор легонько щелкнул меня по затылку указательным пальцем. Он показывал этим, что разговоры кончились и пора идти.

Я пошел к его вертолету.

Неожиданно спонсор выхватил из моей руки меч и кинул его охранникам.

– Вы что!

– Сохраните его до возвращения вашего любим-

ца, – сказал Сийнико.

Он первым влез в вертолет и отодвинул толстые колени, чтобы я мог уместиться у его ног. И мы взлетели.

6. ЛЮБИМЕЦ В ПИТОМНИКЕ

Мне не приходилось еще летать в личных вертолетах спонсоров. Со стороны видел, но не летал. Я разместился в узком пространстве между ногой господина Сийнико и дверцей. Нога периодически приходила в движение, нажимая на педали, и мне приходилось прижиматься к двери, чтобы меня не придавило. К тому же я не переставал опасаться, что дверца откроется, и тогда я кулем вывалюсь наружу.

Нижний край бокового окна находился на уровне моих глаз, так что, чуть приподнимаясь, я мог посмотреть вниз. Впрочем, ничего особенно интересного там я не увидел – под нами тянулся густой лес, из которого кое-где высовывались руины зданий. Потом лес кончился, и на широком открытом пространстве я увидел серые купола базы пришельцев. Далее начинался их поселок, правильно устроенный, отмеренный по линейке и залитый бетоном. Мне показалось, что я узнаю свой дом, но конечно же мы пролетали над другой базой и другим поселком – мало ли их на Земле?

От тела спонсора исходил особый, присущий

лишь спонсорам, острый запах, вызывающий у некоторых людей отвращение, но для меня привычный и обыкновенный, как запах лимона или перца.

– Как тебя зовут, любимец? – спросил спонсор. Голос его прозвучал над головой, как гром надвигающейся грозы.

– Когда я был любимцем, меня называли Тимом, – сказал я. – А когда я стал гладиатором, меня называли Ланселотом.

– Ланселот – это некий исторический персонаж? – спросил спонсор.

– Ланселот – это смелый рыцарь, – сказал я. – Он защищал бедных и убивал негодяев.

– Ты сильно изменился в школе гладиаторов.

Скорее это был не вопрос, а утверждение. Так что я мог не отвечать.

– Любопытно, – продолжал спонсор, не глядя на меня – съежившееся у его ног существо в рваной рубашке и коротких кожаных штанах. – Тебя следует изучить как феномен. Ведь столько сил и времени было потрачено на то, чтобы сделать из тебя достойное и цивилизованное существо, представителя наиболее приближенной к нам разновидности людей – любимца. И все – как корова языком слизала! Я правильно произнес

пословицу?

– Правильно, – сказал я. – Еще можно сказать – как коту под хвост.

Спонсор обдумал мои слова, потом заухал – засмеялся и сообщил мне:

– Так говорить нельзя, это неприлично.

Спонсор наклонил вертолет, и я увидел в окно большое открытое пространство на берегу реки. Посреди него возвышался старинный каменный дом с колоннами, вокруг тянулись рядами современные бетонные кубики жилищ.

– Здесь ты будешь жить, – сказал спонсор. – Никому не говори, что ты – гладиатор.

– А кто я?

– Если будут сильно спрашивать, ты – любимец, которого по просьбе хозяев взяли на проверку. Тебя надо лечить, но сначала тебя будут исследовать. Лично я буду тебя исследовать.

– А вы кто?

– Помимо всего прочего, я руковожу этим комплексом – питомником любимцев. Это очень интересное место. Раньше я полагал, что именно здесь будет создана порода будущих жителей Земли, но теперь я в этом сомневаюсь.

– Люди не хотят? – спросил я.

– Людей мы, молодой человек, не спрашиваем.

Я заметил, что спонсор господин Сийнико говорит по-русски куда богаче, образней, чем другие знакомые мне спонсоры. И вообще он мне понравился. Наверное, из-за того, что я сейчас полностью зависел от него. Он мог меня убить, он мог отдать меня на живодерню – и, наверное, никто бы за меня не смог вступиться. Ведь если Маркиза спросит, он скажет, что я умер от простуды. Как докажешь, что меня убили? Во мне вновь ожил любимец, и ему так хотелось прижаться щекой к жесткой, покрытой чешуей, ноге спонсора, и пускай он почешет меня за ушами.

Я поймал в себе такое желание и постарался его задушить – для этого оказалось достаточным вспомнить, как смотрел на меня взбесившийся спонсор на стадионе. Которого я убил.

Я убил и потому никогда уже не стану снова любимцем.

Спонсор Сийнико как будто угадал мои мысли.

– Любимцем ты больше не станешь, – сказал он. – Потому что ты убийца. И умрешь как убийца.

Я не понял, что он хотел сказать, но промолчал, чтобы он не открыл дверцу и не выкинул меня из вертолета. Для него это просто.

Из вертолета он меня не выкинул, но, когда мы садились, так сильно прижал меня ногой к

дверце, что я думал – раздавит. Не знаю, нечаянно или нарочно.

Вертолет опустился на бетонной площадке между серыми корпусами.

– Выходи, – приказал Сийнико, – и сразу иди в правый дом. Дверь туда открыта. Не задерживайся.

Я подчинился спонсору. Как только дверца отошла в сторону, я выпрыгнул из вертолета и быстро пошел к открытой двери в сером кубе спонсорского жилища.

Я вошел внутрь. Я знал, как расположены комнаты в спонсорском доме – все спонсорские дома похожи.

Правда, кое в чем дом спонсора Сийнико отличался от дома спонсоров Яйблочко. В нашем доме был лишь большой экран телека и ковры, которые вязала госпожа. И всяческие мелочи – сувениры из поездок или прошлой жизни, которые служащие спонсоры возят с собой из городка в городок. В доме же Сийнико господствовали книги – и маленькие – человеческие, и гигантские, иногда неподъемные – спонсорские. Впрочем, они не были книгами в нашем понимании – это были книжки-гармошки. Я знал по своей прошлой жизни, что такие книги теперь спонсоры

не делают – обходятся кассетами.

Сийнико догадался, о чем я подумал.

– Я люблю старину, – сказал он. – Мне специально привозят старые книги из дома.

Он задумчиво взял одну из книг, развернул ее в длинную полосу. Это была видовая книга – изображение на ней двигалось: волны набегали на берег, поросший похожими на кувшины деревьями. Все это мелькнуло и исчезло. Сийнико собрал книгу и захлопнул.

– Я бы оставил тебя жить в моем доме, – сказал он. – Ты мне интересен. Но могут возникнуть сплетни и подозрения. Никто не застрахован от них. Тем более здесь.

Я ждал.

– Я отведу тебя в помещение, где ты будешь один. Как особо ценное существо. Но если ты себя выдашь и этим представишь для меня опасность, я буду вынужден тебя ликвидировать.

Спонсор подошел к коммуникатору. На экране возникло лицо женщины. Она была в белой шапочке.

– Людмила, – сказал спонсор, – зайди ко мне, возьми молодого человека.

– Молодого человека?

– Я потом объясню. – Спонсор отключил связь

и сказал мне: – Раздевайся, рыцарь Ланселот.

– Не понял.

– Снимай с себя одежду. Ты вернулся в первоначальное положение и снова стал любимцем. А любимцам, как тебе известно, одежды не положено.

– Это невозможно!

– У тебя нет выбора. Сейчас придет сотрудница питомника, и я не хочу, чтобы она увидела гладиатора Ланселота в питомнике для любимцев.

Сийнико снял черные очки. Черные глазки, как мне казалось, издевались надо мной.

Я разделся. Но ощущение было дикое – оказывается, я так привык к одежде, что без нее чувствовал себя беззащитным. К тому же мне было жалко моего ножика.

Вошла молодая женщина в белом халате.

– Это несправедливо! – вырвалось у меня.

Спонсор на меня не смотрел:

– Поместите объект в восьмой бокс. Никого к нему не подселять. Я сам буду им заниматься.

У девушки было скуластое мужское лицо, очень светлые глаза и тонкие губы. Волосы причесаны на прямой пробор и стянуты назад. Я подумал, что она не умеет улыбаться.

– Он не кусается? – спросила Людмила.

Серьезный вопрос развеселил спонсора.

– Ты не будешь кусаться, Тим? – спросил он, и его голос дрогнул от смеха. Его маленькие медвежьи глазки сверкнули.

– Я насильник, – сообщил я девушке.

Я заметил, что спонсор, как бы спохватившись, прячет за спину мою одежду.

– И не мечтайте, – сообщила мне девушка. – Я вооружена.

– У вас есть чувство юмора? – спросил я.

Девушка посмотрела на меня как на сумасшедшего. Чувство юмора, которое бывает даже у спонсоров, здесь не котировалось.

Людмила повела меня через широкий асфальтовый двор, на котором в порядке, столь любимом спонсорами, были расставлены качели, турники и прочие приспособления, предназначенные для укрепления тела будущих любимцев. Я шел рядом с ней, стараясь чуть отставать, потому что меня смущала собственная нагота, которой Людмила вовсе не замечала. Людмила время от времени быстро и как бы мельком оглядывалась, проверяя, не намерен ли я совершить на нее нападение. Я скалился в ответ, и в глазах ее вспыхивал страх.

С облегчением она провела меня в бетонный

дом, открыла дверь в комнату, не спуская с меня настороженного взгляда, зажгла под потолком тусклую лампу. На полу лежал тонкий матрас.

– Тут будешь жить, – сказала она.

– А где постель? – спросил я, хотя отлично знал, что любимцам, к каковым я теперь вновь принадлежал, постели не положено.

– Обойдешься, – сказала Людмила, отступая от меня.

– Я привык на ночь читать.

– Заходи внутрь! Мне некогда! – Ее рука потянулась к поясу. Я знал, что ее пистолет не убьет, но парализует. Этого мне тоже не хотелось. И подчинился. Дверь за мной со стуком закрылась, в ней повернулся ключ. Надо было понимать это как пожелание спокойной ночи.

Ночь я провел беспокойно. Матрас был жестким, и я чувствовал сквозь него бетонный холод пола. Узкое окно было приоткрыто, и к утру стало так холодно, что я постарался завернуться в матрас, но из этого ничего не вышло.

Остаток ночи я провел сидя на матрасе.

В восемь питомник стал просыпаться – я услышал снаружи детские голоса, плач, кто-то пробежал по коридору. Я подошел к двери и попробовал ее открыть. Дверь была заперта. Я

постучал. Никто не думал меня выпускать. Я начал прыгать, чтобы согреться, потом сто раз отжался от пола. За этим занятием меня и застала Людмила, приоткрывшая дверь.

– Пошли, – сказала она, вместо того чтобы поздороваться, – я покажу, где ты будешь есть.

– Надеюсь, у собачьей будки, – сказал я.

Людмила пожала плечами. Я понял, что она считает меня психически неустойчивым животным и не понимает, почему я попал сюда, а не на живодерню.

Преодолев в очередной раз стыд от собственной наготы, я последовал за Людмилой.

Перейдя снова двор, мы оказались перед широкой лестницей, которая вела к особняку с колоннами. Поднявшись по лестнице и войдя в широкие двери, мы попали в холл, из которого две лестницы полукольцами вели на второй этаж. Но мы туда не пошли, а повернули направо, к двери, из-за которой доносились гул голосов и звон посуды.

Войдя туда, мы оказались в столовой – обширной комнате, облицованной темными деревянными панелями и залитой утренним солнцем, вливающимся в многочисленные высокие окна. Там стояло десятка три столов и столиков, за

которыми и сидели обитатели питомника.

Ближе к окнам стояли столики для малышей. Несколько женщин, одетых в белые халаты подобно Людмиле, ходили между столиками и при необходимости помогали малышам управляться с ложками и хлебом. Чем дальше от окон, тем выше становились столы и стулья. Неподалеку от дверей за столами сидели любимцы восьми-десяти лет, явные переростки. Как потом оказалось, это были невостребованные любимцы. Если на них еще некоторое время не будет заявок, их, вернее всего, отправят на какие-нибудь работы.

Но большинство столиков было занято любимцами в возрасте от трех до пяти лет, именно таких обычно и разбирали по семьям.

Я не успел как следует рассмотреть эту галдящую толпу, потому что Людмила отвела меня в угол, возле раздачи, за взрослый стол, за которым сидел мрачного вида усатый брюнет в белом халате, видно, из местных работников. Она велела мне сидеть, а сама принесла из-за загородки две миски с кашей, а мрачный мужчина указал мне на нарезанный хлеб в миске посреди стола, как будто сомневался в моей способности догадаться о назначении хлеба.

Я молча взял ложку и принялся за кашу. Каша

была недосолена. Я спросил Людмилу:

– А где у вас соль?

Людмила переглянулась с мрачным типом в халате. Тот сказал:

– Соль в каше уже есть.

– Вот именно, – сказала Людмила. – Мне нравится.

– Я не спрашивал вашего мнения, – сказал я.

Я поднялся и пошел за загородку. Там была кухня. На раздаче стояла толстая женщина в некогда белом, а теперь засаленном халате.

– Дайте соль, – сказал я.

– А ты кто будешь? – спросила она.

– Я контролер, – сказал я.

– Господи! – воскликнула женщина. – А мне не сказали!

– Дайте соль, наконец! – рассердился я.

Толстая повариха принесла тарелку соли и протянула мне.

Я вернулся к столу с тарелкой соли, чем вызвал недоуменные взгляды моих соседей, которые, видимо, ожидали, что я начну черпать соль ложкой. Оба прекратили есть и уставились на меня.

Я же посолил кашу и принялся есть ее так быстро, что она в мгновение ока исчезла из миски.

– Что еще будет? – спросил я.

– Чай, – сказала Людмила послушно. Гонора в ней чуть поубавилось.

Как бы услышав это слово, из-за загородки появилась засаленная повариха, которая принесла для меня большую кружку с чаем. Соседям же моим пришлось ходить за чаем самим.

– Вы с какой целью? – спросил мрачный усач, отпивая чай, который вовсе не был чаем, а лишь унаследовал название у настоящего напитка.

– Проездом, – сказал я нагло. – Должен все осмотреть, а потом поеду дальше.

– Можете рассчитывать на мою помощь, – сообщил мрачный усач и представился: – Автандил Церетели.

Желая, видно, произвести на меня благоприятное впечатление, он продолжал:

– Я заведую лабораторией.

– А я генетик-воспитатель, – сообщила Людмила. – Готовлю детенышей к будущей жизни.

– Понятно, – сказал я. Хоть еще несколько часов назад я ничего не помнил о своем детстве в питомнике, в котором я провел первые два года жизни. Теперь память начала постепенно возвращать мне воспоминания о нем.

Не дожидаясь, пока мои соседи закончат завтрак, и Людмила сообщит, куда мне отправиться,

я встал из-за стола и поднялся на второй этаж особняка, потому что мне представилась длинная комната, в которой в два ряда стоят детские кроватки, и крайняя в дальнем ряду – моя.

Лестница, коридор и сама спальня были пусты – все еще завтракали.

Под ногами была вытертая тысячами шагов ковровая дорожка, я толкнул высокую дверь. Дверь знакомо заскрипела. Вот и комната – я мгновенно узнал ее и направился к моей кровати.

Я стоял над кроватью и не узнавал ее – вернее всего, моя кроватка уже развалилась, и они поставили там новую, но зато я мог себе представить, что лежу там и смотрю, как передвигается тень от листвы могучего дерева, растущего за высоким узким окном…

– Здравствуй, – произнес детский голос.

У моих ног стоял малыш лет трех-четырех, курчавое, рыжее существо с веселыми озорными глазками.

Малыш протянул мне ручку.

Я пожал ее. Мои пальцы ощутили что-то странное, я пригляделся: пальцы мальчика были соединены перепонками, на босых ногах – то же самое. И сами пальцы на ногах куда длиннее,

чем у меня.

– Я здесь сплю, – сообщил мне малыш.

– А я здесь спал раньше, – сказал я. – Только это было очень давно.

– А я испугался, – сказал малыш. – Мне сказали, что приехал злой дядя, который проверяет, как застелены постельки. А моя застелена плохо.

– Не бойся, – сказал я. – Твоя постелька отлично застелена.

Но малыш не слышал меня – он старательно разглаживал одеяльце.

Когда он нагнулся над кроваткой, я увидел на его спине два глубоких разреза, в которых пульсировала темная плоть.

Мне хотелось спросить у малыша, что это такое, но я испугался его обидеть.

– А теперь? – спросил малыш.

– Теперь совсем замечательно.

– А вы и есть злой дядя?

– Я добрый дядя, – сказал я. – Если хочешь, я буду с тобой дружить.

– Хочу, – сказал малыш. Он снова протянул мне ручку и представился: – Арсений. А можно звать меня Сеней.

Я пошел вниз, Сеня за мной. Он обогнал меня на лестнице, на бегу разрезы на спине разошлись.

Людмила ждала меня внизу лестницы.

– Я не знала, куда вы пошли, – сказала она.

– Я хотел познакомиться с домом, – ответил я.

– Это уникальное предприятие, – сказала Людмила, глядя на меня и упор светлыми глазами, словно хотела проникнуть мне в сердце и выведать мои мысли. – Мы поставляем любимцев на всю Россию. У нас сотни заявок.

Малыш отошел на шаг – он ее остерегался.

– А ты чего здесь стоишь? – удивилась Людмила. – А ну немедленно на процедуры!

Арсений не смог скрыть разочарованного вздоха и побрел прочь. Сначала я хотел остановить его, но тут же вспомнил, что у меня есть вопрос, который я не хотел задавать при малыше.

– Почему у него перепонки? – спросил я.

– У Арсения? – По крайней мере, она знает их по именам. – Такой заказ.

– Извините, я вас не понял. Какой заказ?

– Мы выпускаем из нашего питомника любимцев различного рода, – сказала Людмила. Мы с ней стояли неподалеку от входа в особняк и мимо нас пробегали малыши, которые уже позавтракали. Некоторые спешили к гимнастическим снарядам, стоявшим на обширной лужайке, другие расходились по бетонным домам. – Обычно от

нас не требуется ничего особенного – мы должны гарантировать, что малыш здоров, лишен генетических изъянов, что он знает, как себя вести в доме спонсора, не будет там гадить или шалить. Так что когда приезжает заказчик, он берет себе детеныша из основной группы.

– Но перепонки?

– Это специальный заказ. Семья, которая заказала нам любимца, работает на морской станции в Черном море. Муж и жена. Они проводят в основном подводные исследования. Им удобнее иметь двоякодышащего любимца. Вы, надеюсь, заметили, что на спине у него жабры?

– Бедный мальчик, – сказал я.

– Ничего подобного. Это очень перспективное направление исследований. Под руководством спонсора господина Сийнико мы разрабатываем сейчас программу «нужные дети». Вы, может быть, не знаете, но в связи с трудностями материального характера спрос на обыкновенных любимцев падает. Мы должны соблазнить заказчика чем-то особенным. Мы должны пойти навстречу вкусам – потребитель решает все!

Мне было неприятно слушать Людмилу, потому что она говорила, словно внутри нее лежала страница квартального отчета, и она считывала

ее абзац за абзацем. В школе гладиаторов Прупис рассказывал мне, что раньше человеческие дети учились в школах. Тогда все умели читать. Картина невероятная, трудно поверить, но у меня не было оснований не доверять Прупису. А когда были школы для людей, в них были отличники. Такие вот, как Людмила.

– Вы умеете читать? – спросил я.

– Что?

– Вы умеете читать буквы и слова?

Людмила вдруг покраснела, и я догадался, что она умеет читать, но боится в этом признаться.

– У меня хорошая память, – сказала она после паузы.

Я стал внимательно присматриваться к малышам. Людмила уловила мой ищущий взгляд и сказала, чуть улыбнувшись одними губами:

– Спецдетей у нас немного, и большей частью они в лабораториях под наблюдением. Но есть забавные… Ксюша, Ксюшенька, подойди к нам!

Маленькая девочка лет трех подбежала к нам.

И только тогда я сообразил, что вместо волос на голове у ребенка мягкая шерсть, которая переходит на спину.

– Погладьте девочку, – сказала Людмила.

– Погладить?

– Это незабываемое наслаждение, – сказала Людмила. – Я должна признаться, что если бы у меня была возможность, я сама взяла бы себе такую любимицу.

Но мне не хотелось гладить пушистую девочку, которая не испытывала никакого неудобства от своего уродства, да и не считала себя уродливой.

– Теперь, когда спонсоры знают, что мы можем изменить любимчика по заказу, к нам приходят такие забавные заказы, вы будете смеяться! Но конечно же это стоит громадных денег, и лишь самые высокопоставленные спонсоры могут себе это позволить.

Людмила направилась к группе детей, игравших на траве, и сказала, подходя к ним:

– А вот наше новейшее последнее достижение. И мы с господином Сийнико почти убеждены, что эта модель завоюет рынок.

Когда мы подошли к качелям, и малыш, который раскачивал их, повернулся к нам, я еле удержался от непроизвольного вскрика. И в самом деле, экспериментаторы придумали необычное существо: это был обыкновенный земной ребенок, однако его головка и руки принадлежали махонькому спонсору, как бы спонсорской куколке.

Я не мог оторваться от маленького чудовища – на меня смотрела зеленая жабья морда с маленькими медвежьими глазками, но грудь этого существа была розовенькой, и пухлые ножки ничем не отличались от ножек иных детишек.

– И много вы их… сделали?

– Секрет фирмы, – Людмила растянула в улыбке тонкие губы. – Вы можете спросить у господина Сийнико. Он вам, наверно, не откажется ответить.

Уродец подошел к нам и сказал, шлепая жабьим ртом:

– Конфетка есть?

– Нет, – сказал я.

– Он жутко избалованный, – сказала Людмила. – Когда к нам приезжает какая-нибудь группа или проверка, все спонсоры бегут смотреть на наших креольчиков. Их буквально закармливают сластями… И знаете – даже случился инцидент: двое обыкновенных любимцев как-то накинулись на креольчика – еле мы его отбили.

– А тех? – спросил я. – Тех пришлось пристрелить?

– Ах, как жестоко вы говорите! – расстроилась Людмила. – Их только выпороли. Как положено.

Мы стояли на газоне, и я все смотрел по сторо-

нам, надеясь угадать, какую еще форму приняли генетические и пластические упражнения под руководством моего покровителя Сийнико. И как бы в ответ на мои мысли Людмила спросила:

– Вы не хотите заглянуть в проектную?

У меня не было оснований отказываться.

Мы ушли с газона и по длинной дорожке достигли бетонного куба.

Вросший в землю серый куб лаборатории был внутри куда просторнее, чем казался снаружи. Высокий коридор, способный вместить спонсора, разделял лабораторию пополам. Слева, как я увидел, располагались экспериментальные инкубаторы (основные располагались в другом здании), справа – собственно лаборатория, где по заказам и пожеланиям спонсоров, а то и по инициативе самих ученых конструировались перспективные варианты любимцев. Спонсоров постоянно здесь было двое – сам господин Сийнико, который осуществлял общее руководство питомником, и неизвестная мне спонсорша по имени Фуйке, которая умудрилась как раз в те дни заболеть и попала в госпиталь. Спонсорша занималась снабжением питомника, денежными делами и общением с заказчиками, потому что для спонсора с военной экологической базы

контакт с людьми почти немыслим и, по крайней мере, неприятен.

Все остальное в питомнике делали люди с помощью приборов, которые привезли с собой, установили и разработали спонсоры. Люди не должны были изобретать.

Свыкнувшись уже с тем, что я не просто залетный гость в питомнике, а выполняю здесь некое задание тайного свойства, Людмила изменила ко мне отношение и стала откровенной. Я даже подумал, что ей не с кем здесь поговорить, что, несмотря на суровую внешность, она весьма ранимый и одинокий человек, одолеваемый сомнениями. Ведь ей ни в коем случае не разрешалось покидать территорию питомника, и, вернее всего, она была здесь узницей до конца своих дней. Никогда для нее не откроются ворота, и никогда Людмила не увидит других городов и других людей.

– Когда я вас увидела, – призналась она, – то решила, что вы – производитель. К нам иногда привозят производителей для улучшения семенного фонда.

– Почему вы так решили?

– Потому что вы… потому что обнаженный.

Теперь, признав во мне равного ей или выше-

стоящего мужчину, она ощущала рядом со мной чувство стыда – производителя или любимца она за мужчину не считала.

– К сожалению, – сказал я, – мне пришлось оставить одежду в доме господина Сийнико. Иначе бы на меня стали обращать внимание.

– Правильно, – сказала Людмила с облегчением. Наличие одежды, пускай даже не рядом, примиряло ее со мной…

В большой светлой комнате слева от коридора мы застали Автандила Церетели и еще одного доктора.

На стенах проектной лаборатории висели двух– и трехмерные изображения младенцев – желательный конечный результат эксперимента. Путь к нему разрабатывали компьютеры, что стояли в помещении, а затем генные инженеры (они располагались в соседних комнатах по ту сторону коридора) создавали тела по заказу.

Картинки будущих изысканных любимцев впечатляли, но в то же время в них была нежизненность, и они куда меньше ужасали и впечатляли, чем менее изуродованные, но живые малыши.

Автандил с удовольствием объяснял мне особенности зародышей и их предназначение. Оказывается, здесь создавали не только любим-

цев, но и тайно – людей будущего, нужных в той или иной области хозяйства. Так, на картинках я увидел крылатых младенцев, покрытых белым пухом. Их, как объяснил Автандил, можно использовать двояко: и как любимцев – некоторым спонсорам любопытно было обзавестись крылатым малышом, и как разведчиков-спасателей, могущих проникнуть, и быстро, туда, куда трудно забраться человеку, не говоря уже о спонсоре.

Затем Автандил с гордостью провел меня в комнату по ту сторону коридора, где в ваннах с питательным раствором, уже готовые родиться, формировались люди-черви. Вряд ли они годились в любимцы, но для горных работ они были бы незаменимы.

Через час оживленных рассказов моих новых знакомых я понял, что во мне поднимается тошнота. То, что казалось биологам ужасно интересным и достойным похвалы, во мне вызывало все растущее отвращение.

За месяцы, прошедшие со дня бегства от господ Яйблочко, я все более убеждался в том, что я – раб в своем собственном доме. И все вокруг рабы, которых можно продать, купить и убить и, как я сегодня узнал, лишить детства и человеческого облика потому, что это нужно зеленым жабам с

блестящими медвежьими глазками. И я не знаю, почему царит такая несправедливость, и никто не смог мне пока ответить на этот вопрос, потому что людей, лишенных знаний, лишили и памяти о своем прошлом.

Но слушая восторженную речь Автандила о том, что они приступили к созданию аммиакодышащего человека, я понял, что постараюсь как можно больше узнать правды от Сийнико. Правда, для этого надо, чтобы он захотел что-то рассказать. Но я подозревал, что он мне расскажет больше, чем любому другому человеку, потому что я отличаюсь от прочих людей. Я убил спонсора! И я знал язык спонсоров…

Я сказал, что мне нужно погулять, и покинул лабораторию. Меня не задерживали. Я вышел на газон и стал медленно прогуливаться по дорожкам, поглядывая на многочисленных детей, которые в большинстве были самыми обыкновенными здоровыми малышами, правда, как мне уже сказала Людмила, в последние годы в них стали имплантировать парализующее устройство – если такой любимец вдруг взбесился и набросится на хозяина, тот может его немедленно обезвредить.

К счастью, когда я покидал питомник, эта идея

еще не пришла в умную рабскую голову какого-нибудь Автандила или Людмилы.

Арсений увидел меня издали и, бросив возиться в песочнице, побежал ко мне.

– Дядя! – кричал он. – Дядя! Что я вам скажу!

Когда он подбежал ко мне, я сказал:

– Меня зовут Ланселотом, рыцарем Ланселотом.

– Лотом, – сказал мальчик. Ему, видно, трудно было запомнить такое длинное имя.

– Ну и что ты хотел мне рассказать?

– Я слышал, дядя Лот, как поварихи на кухне говорили, что ты ревизор. Что ты можешь кого хочешь ликвидировать или отправить на живодерню. Это так?

Я решил не развеивать слухов, выгодных в первую очередь мне самому.

– Ну, поварихи, конечно, преувеличивают…

Арсений неожиданно зарыдал.

– Что с тобой? – Я присел перед ним на корточки. Он закрыл лицо перепончатыми ручками, как двумя маленькими веерами.

– Ты меня отправишь на живодерню? – спросил он сквозь рыдания.

– С чего ты решил?

– Мне уже говорили – я переросток!

– Ты? А сколько тебе лет?

– Мне девять лет, – сказал Арсений.

– Не может быть! – Я видел перед собой трехлетнего малыша.

– Меня придумали, – сказал он. – Меня придумали, чтобы я не менялся. Но госпожа Ливийко сказала, что ей не нужен вечный младенец. Она хотела, чтобы я рос и нырял… как настоящий!

Он еще долго говорил, стараясь донести до моего разумения, что он не виноват, что он хороший, что он сам хотел бы расти, но ничего не получается, даже когда он много кушает. И вот теперь, когда выяснилось, что его никто не хочет брать, Сеня решил, что не сегодня-завтра его уберут. Как убирали других уродцев, которые никому не пригодились.

Я погладил его по мягким волосам и постарался утешить, уверить в том, что никаких злобных умыслов я против него не таю и буду с ним дружить.

Успокоившись, малыш убежал, я отправился в свою конуру. Я понял, что намерен одеться и что одежда станет для меня знаменем независимости. Если спонсор захочет меня убить, – он волен это сделать. Но я умру одетым. И как ни смешным и наивным это выглядит, я утешился

таким решением.

Но одеться мне не удалось, потому что перед дверью в тени меня поджидали две поварихи. Одну я уже встречал – это была толстая засаленная женщина, вторая, худая и малохольная, была мне незнакома.

– Мы вам хотим сказать, – драматическим шепотом сообщила засаленная повариха, – что закладку мяса производит завпроизводством. Так что если выход заниженный, то с него и спрашивайте.

– Какое еще мясо?

Перебивая друг дружку, они начали сбивчиво и трусливо обвинять в воровстве своего начальника, надеясь с моей помощью восстановить справедливость. Я потерял еще минут десять, прежде чем отделался от визитеров, сохранив в них убеждение в моей тайной значимости.

Когда поварихи с их пустыми жалобами громко ушли, я понял, что не знаю, как войти в дом Сийнико. Для любимца, разумеется, не бывает ключей и закрытых дверей. Он входит куда хочет и когда хочет. Если хозяину это не нравится, он волен выпороть любимца. Но любимец в отличие от человека никогда ничего не украдет – хотя бы потому, что он голый.

Дверь в дом спонсора была заперта. Мне не оставалось ничего, как ждать его возвращения. По старой любимцевой привычке я свернулся колечком на половике у двери и задремал. И никого этим в питомнике не удивил – любимцы всегда спят, где хотят и когда хотят. Так что, засыпая, я понял, как приятно вернуться в шкуру домашнего животного, не звучит сирена, не звенит колокольчик, никто не зовет тебя строиться, соревноваться, биться на мечах или разгружать ползунов.

Я спал, но, как положено, держал одно ухо востро, чтобы на меня не наступили. Поэтому, когда нечто крупное закрыло свет солнца, я решил, что вернулся спонсор, и вскочил. Но это был не спонсор. Это был мальчик Арсений, но на этот раз он стоял не один – он держал за руку странное существо – обнаженную девушку ростом под два метра, коротко остриженную и, если бы не преувеличенные размеры и страшная худоба, – привлекательную.

– Мы тебя разбудили, – сказал Арсений, констатируя факт, но не чувствуя в том вины. – Ты вставай. Я Леонору привел.

Громадная девица поклонилась мне – видно, Сеня уже наговорил ей с три короба о моей зна-

чимости.

– Очень рад, – сказал я раздраженно, потому что не люблю, когда меня будят. – Что у вас случилось?

– Ланселот, – сказал Сеня, – надо помочь Леоноре. Она скоро помрет.

– Помру, – согласилась Леонора. – Наверное, скоро.

– На живодерню грозятся отправить? – спросил я.

Я сразу догадался, что она – плод неудачного эксперимента господ проектантов. Теперь, когда она выросла и оказалась никому не нужна…

– Зачем на живодерню? – удивился Арсений. – Она еще пригодится. Только кормят ее по общим нормам, а Леонора растет. Вот и голодает. Я ей вчера половину своей каши отдал.

– Так скажите, попросите добавки, – сказал я.

Девица покраснела. Я не осмеливался подняться – потому что, когда разговариваешь с гигантом лежа, остается надежда, что и ты немного гигант. Как только встанешь, – иллюзии развеются.

– Они не дают. Они все себе берут, – пожаловалась она. – И они сказали, что если я пожалуюсь госпоже Людмиле или господину спонсору, меня вообще кормить перестанут.

– Но здесь же есть воспитатели, врачи…

– Они тоже воруют, – сообщил Арсений. – Тут все воруют. Но нам, маленьким, не страшно, а некоторым страшно. А Леоноре совсем плохо. Ты пригрози им, чтобы давали кушать.

– Поговорю, – сказал я.

Леонора ушла первой. У нее была такая худая спина, что лопатки норовили продрать кожу.

Я вышел на лужайку и поглядел на солнце. Пятый час.

– Эй! – крикнул я вслед Арсению. – А когда обед?

– Позвонят, – сказал Арсений.

Я уселся на лужайку – никого близко не было, над питомником царили мир и благодать. Тишина нарушалась лишь курлыканьем улетающих к югу журавлей, порывом ветра, закачавшим вершины старых дубов, да отдаленным детским смехом.

Я понимал, что ничего не знаю. Пока я был любимцем, это меня не беспокоило – рядом существовала госпожа Яйблочко, которая все знала и за себя и за меня. Когда я убежал, судьба моя двигалась такими зигзагами, что мне некогда было задуматься – только бы выжить. А задумываться я начал в школе гладиаторов, хотя и там

я был очень занят. Когда добирался до койки, сразу засыпал, да и собеседники мои были не очень умными людьми и мало знали о том, что происходит за пределами комнаты, школы или стадиона. Все они принимали существующий порядок вещей как обязательный, и никто не намеревался его изменить. А каков этот порядок? – размышлял я.

Наш мир управляется мудрыми и всесильными спонсорами. Они пришли когда-то, видно, очень давно, сюда, к нам, чтобы спасти Землю от экологического бедствия.

Спонсорам пришлось очищать наш воздух и воду, восстанавливать планету в первозданное состояние. И когда эта грандиозная задача будет выполнена, спонсоры улетят обратно, потому что им тоже несладко жить так далеко от дома.

Это объяснение вполне удовлетворяло меня, пока я был любимцем. Очевидно, в него верила и добрая госпожа Яйблочко.

В это объяснение не вписывались бродяжки, дикие любимцы, подонки со свалки, но госпожа Яйблочко объясняла мне, что это – несчастные существа, не имеющие крова и постоянной пищи, что их периодически отлавливают и отвозят на перевоспитание. Но ведь Земля так велика,

а спонсоров так немного – руки до всего не доходят.

В поразившем меня городе Москве я видел многих людей. Почти все они нарушали главное правило жизни – не одеваться!

Кстати, а почему нельзя одеваться? Такого вопроса раньше я бы себе не задал – понятно: гигиена. А теперь задал, и ответ показался мне очевидным, хоть и неожиданным: чтобы нельзя было утаить что-нибудь от спонсора. Чтобы нельзя было иметь при себе оружие.

А почему в городе можно одеваться? На это ответила Маркиза: потому что на самом деле спонсоры не могут обходиться без людей. Они согласны даже позволить людям многое из того, что категорически запрещено. Если им, спонсорам, это выгодно.

Оказалось, что пищу для спонсоров на кондитерской фабрике готовят люди, что развлекают спонсоров тоже люди и даже охраняют порядок милиционеры-люди.

Без людей обойтись нельзя. А без спонсоров?

Уж без них-то точно обойдемся, – сказал я себе, но эта моя уверенность, к сожалению, ничего не меняла. Потому что, несмотря ни на что, господами оставались спонсоры. И я был свиде-

телем тому, как они, не моргнув глазом, убили несколько сот, если не тысяч, очевидно, нужных и полезных себе людей.

Я ненавижу спонсоров? – спросил я сам себя.

Я ненавижу спонсоров, – ответил я сам себе. Они убили Добрыню, Батыя и Пруписа. Они превращают детей в животных. И я правильно сделал, что убил спонсора.

Эта мысль мне понравилась. Я хотел было повторить ее вслух, но мимо прошел Автандил, который нес какой-то большой сосуд с человеческим зародышем внутри. Так что я промолчал. Меня посетила странная мысль: а встречал ли я человека, который хотел бы, чтобы спонсоры исчезли, погибли, ушли навсегда? И вдруг понял, что я не встречал такого человека. Люди не знают иной жизни, как жизнь под началом спонсоров, они не хотят иной жизни. Они все удовлетворены и довольны. Любимцы – тем, что их кормят и ласкают, гладиаторы гордятся своей силой и умением и рады показать его спонсорам. Маркиза, повелительница подземелий, также до последнего момента была вполне довольна жизнью… Неужели я остался один? А что если спонсоры не лгут? А что если они на самом деле спасли Землю от гибели? А что если люди готовы были

окончательно вымереть? А разве спасителям не прощается многое? Ведь они живут среди нас, далеко от дома, им скучно трудиться, им нужны развлечения…

Но тут я вспомнил глаза получеловека-полужабы… и опять не поверил спонсорам.

Пребывая в таком странном состоянии, я увидел, как на поляну опускается вертолет спонсора Сийнико. Тот тяжело вывалился из машины и устало побрел к дому.

Мне захотелось завилять хвостом. Но я стоял прямо, чуть наклонив голову, как принято стоять у гладиаторов, когда они выстраиваются перед боем.

Сийнико как будто меня не заметил. Лишь входя в дверь, повернулся ко мне и спросил:

– Ты уже обедал?

– Еще не было сигнала к обеду, – сказал я.

Сийнико поправил на плече коммуникатор и сказал:

– Говорит спонсор Сийнико. Принесите обед ко мне в комнату. Мне и любимцу Ланселоту.

Не ожидая ответа, он выключил коммуникатор.

– Если любимец, то Тим, – сказал я. – А если гладиатор, рыцарь, то Ланселот.

– Вот уж не намерен спрашивать о том, как тебя величать, – буркнул спонсор.

Я прошел за ним в кабинет. И сразу увидел мою одежду, что валялась в углу.

– Тяжелый день, – сказал спонсор. – И все из-за тебя.

– Из-за меня?

– Из-за вчерашнего инцидента. Только что кончилась большая облава в метро. Искали тебя.

– Нашли?

– Пока нет, – сказал спонсор. – Но обязательно найдут.

Он подошел к окну и посмотрел на лужайку, по которой бегали малыши.

– Маркизу с Хенриком я успел предупредить, – сказал наконец спонсор. – Они ушли. Но многие погибли.

– А Ирка? – вырвалось у меня.

– Какая еще Ирка? – удивился спонсор. Не знал он никакой Ирки. Да и если бы знал – какое ему дело?

– Мы рубим сук, на котором сидим, – сказал спонсор. Я понимал, что он разговаривает со мной только потому, что других собеседников у него не было. Он мог бы говорить и со стулом.

В дверь без стука вошла повариха и принесла

миску с похлебкой для меня и большую кастрюлю для спонсора.

Тот отпустил повариху, достал из ниши в стене ложку – такой я так и не научился управляться. А спонсоры только такими и едят.

Мне ложки не досталось – как всегда, забыли, но я не стал просить. В конце концов в любимцах я научился хлебать из миски.

– А если будет инспекция? С чего вы решили, что инспекция будет дружественная? У Федерации давнишний зуб на наши методы.

То, что он говорил, уплетая свой суп, куда более вкусный, чем похлебка, которой они здесь кормят любимцев, было для меня полной абракадаброй. Я не знал, что такое инспекция, и почему она может быть недружественной.

– Эгоизм, а тем более групповой эгоизм, – поучал меня спонсор, – может роковым образом сказаться на развитии всей цивилизации. Нельзя же только брать и ничего не давать взамен. И я неоднократно уже поднимал этот вопрос на региональном совете. Тот факт, что Рейкино находится в плачевном положении и требует отселения… еще не аргумент для ликвидации иной расы. Ты согласен?

Вопрос застал меня врасплох. Но я счел за луч-

шее согласиться и задать вопрос, чтобы показать, как хорошо и внимательно я слушал господина спонсора.

– А что такое Рейкино?

– Рейкино – это мой дом, – сказал спонсор. – Это планета, которая старается отделаться от своих сыновей.

– Понимаю, – сказал я.

– К счастью, ты ничего не понимаешь и поэтому пока остаешься в живых.

– Скажите, пожалуйста, – я решил показать, что тоже неглуп, – а что было на Земле, пока вы не прилетели?

– Наверное, тебе еще вдалбливали, что мы – братья по разуму?

– Вы опустились на тарелочках и помогли нам очистить реки и воздух. Иначе бы мы все погубили.

– Кто вас знает, – сказал спонсор рассеянно, – может и выжили бы. Вы слишком живучие.

– Значит, вы не братья по разуму?

– Братья, братья, – сказал спонсор. – Но от этого никому не легче. Когда сталкиваются два вида живых существ, которым положено разделить между собой экологическую нишу, один из видов обречен на уничтожение. Не потому, что он хуже,

а потому, что слабее. Ласковый бред о помощи и заботе – это, прости, пустые слова для простаков вроде тебя.

– Значит, вы прилетели не для того, чтобы нас спасать?

– Официально, для Федерации, мы вам помогаем. Но сомневаюсь, что хоть кого-нибудь мы обманули. У кого есть глаза, тот может увидеть, что мы живем здесь, потому что наша планета перенаселена и нам нужно жизненное пространство. Сами низведя свой дом до ничтожества, мы нуждаемся в ваших полезных ископаемых и иных товарах – не для того, чтобы делиться с вами, а чтобы их увезти. И чем больше мы укрепляемся здесь, тем меньше вы нам нужны.

– А почему вы нас с самого начала не убили?

– Разумный вопрос. – Спонсор отодвинул кастрюлю с похлебкой и откинулся в своем кресле. – Но для того, чтобы заняться всерьез поголовным уничтожением людей, нам пришлось бы слишком очевидно и натужно охотиться за вами, как за тараканами. Вы же страшно живучие. У нас для этого не было ни сил, ни возможностей. Разумнее позволить вам вымереть самим по себе.

– И вы об этом так спокойно говорите? – Я рассердился на эту бесчувственную тушу.

– А почему я должен переживать? Когда вы строите в лесу дом, вас не волнует судьба птиц, которые жили на ветвях срубленных деревьев, или жучков, которые питались их листьями.

– Разве можно сравнивать? Мы же разумные!

– Где начинается разум? У нас больше вашего опыт общения с существами различных миров. И я утверждаю: граница между разумом и неразумностью еще не определена. Вы же, люди, скорее всего неразумны. У нас бытует такое мнение. – Он был весь – знак улыбки.

– А если я не соглашусь?

– Кто будет тебя спрашивать, любимец?

– Я убил одного из вас!

– Ах ты, мерзавец! – Тяжелая лапа опустилась мне на голову, и спонсор резко, чуть не оторвав ее, поднял меня за волосы. От боли из глаз у меня полились слезы. Но спонсор не думал о том, что мне больно. – Ты противен и кажешься опасным, – продолжал он. – Лишь любопытство заставляет меня продлевать твою ничтожную жизнь.

Он отбросил меня, я упал, ударившись головой о ножку стула.

– После тебя надо руки мыть, – сказал он с искренним презрением. – Ты воняешь, как и все люди!

– Я уйду отсюда, – сказал я, поднимаясь с пола.

– Никуда ты не уйдешь, – сказал спонсор. – Мы с биоинженерами решим, что сделать с тобой, чтобы ты мог здесь пригодиться. Иди к себе, ты мне надоел.

Почесав голову – корни волос все еще болели, я наклонился, собирая с пола мою одежду.

– Это еще что такое? – спросил спонсор.

– Я буду ходить одетым, – сказал я.

– Кто тебе разрешил?

– Я всегда хожу одетым. А здесь мне неудобно ходить голым. Если бы я был ребенком, то я бы пережил. А я уже взрослый мужчина.

– Какой ты мужчина!

Сийнико приподнял свою слоновью ногу и толкнул меня. Я вылетел из комнаты, открыв спиной дверь.

Но своей одежды не выпустил из рук.

Дверь в кабинет Сийнико закрылась.

Я отдышался, натянул штаны из грубой кожи, в которых я выходил на бой с «Белыми Неграми». Рубаха моя была разорвана. Я оторвал рукава и надел ее. Главная радость ждала меня, когда я провел по боку – узкие потайные ножны сохранили в себе тонкий нож, доставшийся мне от Гургена. По крайней мере, если они захотят со

мной что-то сделать, я смогу отбиваться и нанести болезненную рану даже самому большому спонсору.

Одевшись и почувствовав себя человеком, я вышел на газон.

День был прохладным, но мы, любимцы, привыкли к холодам. Дул ветер, который нес в себе подвальную сырость. С дубов слетали желтые листья.

По лестнице из особняка сбегали малыши. Только что кончился обед. Я не пошел к главному корпусу. Я решил выяснить, легко ли убежать отсюда.

Я вошел в дубраву, деревья там были старые, стояли они вольно, как колонны в громадном зале. Земля под дубами была устлана рыжими и бурыми листьями.

Вдруг я увидел странную паучью фигуру – когда я подошел ближе, то узнал Леонору. При звуке моих шагов она испуганно выпрямилась и прижала к маленькой обнаженной груди горстку желудей.

– Кушать хочется? – спросил я как можно мягче.

– Очень хочется, – призналась девушка. – Только нельзя, не разрешают.

– Я никому не скажу, – пообещал я. – Ешь. А на кухне я поговорю.

Девушка вдруг застеснялась – или не поверила мне, но она поспешила прочь из дубравы, зажав желуди в кулаках.

Я прошел рощу и очутился у высокой проволочной ограды. Конечно, я мог бы с помощью моего ножа разрезать проволоку, но я не знал, не пропущен ли сквозь проволоку ток. Надо будет узнать.

Господин Сийнико позвал меня гулять, когда солнце уже село за деревья.

– Только не думай убежать, – сказал он. – Ничего у тебя не выйдет. В проволоке ток.

Мы дошли до особняка.

– Ты хочешь посмотреть на новое поколение малышей? – спросил он.

– Я уже видел.

– Кто тебе разрешил?

– Меня приняли за вашего тайного агента и все показали.

– Идиоты! Надо убрать всех людей и поставить вместо них спонсоров!

– А почему бы и нет?

– Потому что у нас не хватает рук и ног, потому что никакой спонсор не снизойдет до того, чтобы подтирать попку человеческому младенцу. Он

знает, сколько в нем микробов и всякой дряни.

– Госпожа Яйблочко заботилась обо мне, даже когда я болел.

– Ты был ее, ее собственный, единственный любимец. Вместо ребенка. Мы плохо размножаемся на Земле. Любимцы заменяют нам детей.

– Вы завоевали нашу планету, сосете из нее соки и еще уничтожаете ее жителей!

– Чепуха! Ничего подобного. Ты спроси любого человека, недоволен ли он жизнью, страдает ли он? И окажется, что люди счастливы.

– Потому что ничего не знают?

– Потому что знают, что им положено. Мы им говорим, что они живут лучше, чем раньше, и лучше, чем всегда. И говорим это с утра до вечера. Мы говорим, как плохо жили люди раньше, пока мы не пришли и не научили их всему. И они верят. И если ты сейчас придешь и начнешь кричать этим людям, что они живут плохо, что мы их угнетаем и даже уничтожаем, они тебя растерзают. Никому не нужна правда. Всем нужна еда.

– А как же Маркиза и Хенрик? – спросил я. – Они тоже слепые?

– Им выгодно, что Земля принадлежит нам. Они отлично устроились. Они сорняки. А сорняки полезно иногда пропалывать.

– Вы им разрешаете носить одежду?

– Разумеется. Мы им многое разрешаем. Чтобы им казалось, что они что-то значат. Мы им уступили вонючие подземелья и непроходимые леса, шахты и теплицы, мы им дали кондитерские и металлические фабрики. Мы им даем эксплуатировать своих же, людей, с которых они дерут три шкуры. И трепещут перед нами. Разве не удобная для всех модель?

– Маркиза на вас рассердилась.

– Ничего подобного. Твоя Маркиза испугалась. Она поняла, что в один прекрасный день ее тоже могут ликвидировать. Но при том она рада – погибли некоторые из ее конкурентов. К тому же у меня есть возможность ее утешить.

– Какая?

– Я давно обещал отправить ее в Галактический центр, где исправят ее тело. За это она нам будет еще вернее.

Мы вернулись к бетонным домам. Подбежал Арсений и стал тереться о ногу спонсора – его уже обучили любви к спонсорам. Ко всем спонсорам. В меня ее вложили недостаточно.

Сийнико потрепал Арсенчика по головке.

– Я их не различаю, – сказал он. – Но будущее Земли за ними. Люди не должны размножать-

ся как придется. Любой ребенок должен быть запрограммирован, чтобы быть нам полезным. Поэтому я лично возражаю против насильственных действий. Зачем убивать? Через несколько десятилетий Земля будет идеальной, гармоничной планетой. И залогом тому наши питомники.

Спонсор удивительно говорил по-русски, с прибаутками, поговорками и без акцента, свойственного всем спонсорам.

Я пошел вверх по ступенькам, в особняк.

– Что такое? Ты куда? – крикнул мне вслед спонсор.

– Мне сказать два слова на кухне, – откликнулся я.

Спонсор оказался в дурацком положении – он же не мог войти в дом. Так бывало со всеми спонсорами – им кажется, что они правят, но они не могут войти ни в дом, ни в шахту, ни, зачастую, на фабрику. Пока люди не истреблены и не все на Земле переделано под четырехметровых жаб, люди будут жить своей жизнью. Прощай, мой господин!

Я прошел на кухню и приказал поварихам, которые еще мыли посуду, чтобы Леоноре выдавали отныне по двойной порции. Поварихи принялись что-то нести о жулике – заведующем

производством, об указаниях господина спонсора, но я не стал с ними спорить, а лишь добавил, что завтра проверю.

К моему удивлению, Сийнико ждал меня у лестницы.

– Какая такая Леонора? – спросил он ворчливо.

Спонсор держал в лапе коммуникатор. Разумеется, он слышал все, что я говорил – коммуникаторы слышат сквозь стены. Я опять оказался слишком самонадеян.

– Сами вывели чудовище, – сказал я, – а кормить забываете.

– Какое из чудовищ ты имеешь в виду?

– Двухметровую девицу. И не понимаю, зачем она вам нужна?

– Зачем? Отвечу. Дело в том, что мы, как ты имел несчастье заметить, очень эмоциональны. Нам необходимо выплескивать энергию. Любое соревнование, особенно с элементом борьбы, нам интересно. Предприимчивые люди помимо боев гладиаторов возрождают, и не без успеха, борьбу, бокс и баскетбол. А так как кандидаток мало, я решил, не вывести ли мне собственную баскетбольную команду? Там, – он показал на второй этаж, – в инкубаторах, у меня лежат два десятка переростков. Не все же людям получать прибыль

– пора брать все в свои руки. Через десять лет мои баскетболистки покорят мир и принесут мне миллионы.

– А сколько лет Леоноре? – спросил я.

– Двадцать. Она у нас самая старая, – сказал спонсор. – Хорошо, что ты следишь, чтобы повара не воровали. Вы, люди, ужасно вороваты. Для вас нет ничего святого. Все тащите… – Спонсор сжал губы. Ему было противно.

Больше таких откровенных бесед между мной и Сийнико не было.

Спонсор был занят в городе, прилетал поздно. С утра обходил лаборатории и проектные мастерские. Однажды прилетела на вертолете чета спонсоров, отобрала и увезла с собой гибрида. К тому времени уже вернулась надзирательница госпожа Фуйке, меня она игнорировала – и к лучшему, по крайней мере, я мог тоже не обращать на нее внимания.

За время, проведенное в питомнике для любимцев, я отдохнул, отъелся – ведь поварихи меня побаивались, а я их не разубеждал.

У Сийнико была неплохая библиотека. Он разрешил мне смотреть картинки в книгах в его кабинете. Я понял, что при всем его уме Сийнико подвержен той же слабости, как и все спонсоры,

– он не мог допустить и мысли, что любимец может читать, причем не только по-русски, но и на языке спонсоров.

Так что я не только рассматривал картинки, но и читал. Правда, из спонсорских книг многого не узнаешь – как правило, это книжки-гармошки про войны на неизвестных мне планетах, в которых некий господин Куйбинко обязательно поражает множество драконов или другой нечисти. Госпожа Яйблочко обожала раскладушки про одинокую и несчастную спонсоршу, которая скрывает свою красоту в ожидании достойного жениха, который в конце концов прилетает со звезд.

Когда я был любимцем, я читал эти книги, полагая, что все это – правда, и даже переживал за несчастную невесту. Теперь же я отбрасывал все эти книги в сторону, а искал на полках исторические труды или книги, говорившие о нас, людях.

Но о людях ничего не было. Словно и планеты такой – Земля – не существовало. И не было страны – Россия, как и других стран, пейзажи которых я видел по телевизору, когда жил у хозяев.

Я привык к жизни в питомнике, а питомник привык ко мне. Сначала спонсор думал, что я буду помогать Автандилу, но меня генетика не

увлекала. Зато я любил возиться с малышами, мы с ними играли в разные игры, я стал преподавать им физкультуру, стрельбу из лука и фехтование. Думаю, что я был популярной фигурой в питомнике.

Спонсор тоже привык ко мне. Как возвращался из города, часто звал меня, мы вместе ужинали, а потом он пускался в рассуждения и монологи, а я покорно слушал их. Впрочем, я узнавал от него не так уж много нового. Я знал, что у спонсоров были большие неприятности с милицией, которая не могла примириться со смертью милиционеров на стадионе, а без милиции спонсоры обойтись пока не могли. Пришлось увеличить жалование милиционерам и выделять для них специальные пайки. А с продовольствием было и без того плохо. Трудности. Как бы не пришлось забраться в стратегические запасы!

Порой Сийнико не замечал меня. Я забирался в его библиотеку, которая располагалась за кабинетом, читал или рассматривал картинки. Сийнико ел, спал, отдыхал, писал письма, отдавал распоряжения, зная, что я нахожусь рядом, и не обращая на то внимания.

Зима в том году удалась мягкой, но снежной.

Все, кто мог, надевали на себя теплые вещи

таким образом, чтобы этого не заметила наша главная мучительница госпожа Фуйке. Людмила, которая ко мне привыкла и даже кидала на меня долгие призывные взгляды, связала мне безрукавку, которая отлично грела и была не видна из-под халата. Это спонсоры придумали легенду, что любимцы нечувствительны к холоду. К холоду нечувствительны сами спонсоры. А люди лишь учатся его терпеть. Мне было жалко малышей, которых в зимние дни выгоняли босиком на снег. В спальнях не топили, поэтому многие из них болели и умирали, но госпожа Фуйке объявляла эти смерти закономерным отбросом.

Когда заболел мой друг Арсений, я совсем уж разъярился и сказал спонсору:

– Вы похожи на курицу, которая бьет ногами собственные яйца. Вы сами себе враги.

Такое обращение удивило Сийнико, и он оторвался от телевизора, чтобы выслушать меня.

– За зиму, как я узнал, умирает до трети малышей. Каждый малыш стоит денег. Мертвый малыш – это деньги, которые вы не получили.

Спонсор выслушал меня и, кивнув, вновь обратился к телевизору.

– Вы не ответили, господин спонсор, – сказал я.

– Мы обязаны представить покупателю доброт-

ный продукт, – сказал наконец Сийнико. – Зачем нам рекламации? Пускай любимцы проходят суровую школу, зато мы выпускаем в свет отличный материал.

– Чепуха, – сказал я. – К холоду человек не может привыкнуть. Он может научиться терпеть его. Не более.

– Откуда это ты узнал?

– Сам придумал. Я семнадцать лет прожил в любимцах. Вы что же думаете, дом, в котором я жил, не отапливался? Вы что, не знаете, что моя подстилка лежала на кухне, где всегда тепло?

– Нельзя, – сказал Сийнико. – Мы рекламируем наших любимцев как морозоустойчивых.

– Они не морозоустойчивы. Они страдают.

– Я удивлен, – сказал Сийнико. – Я обязательно все это проверю.

Он ничего не сделал, и малыши продолжали болеть и умирать. Правда, Арсения я взял к себе в бокс, который, как и все помещения для спонсоров и лаборатории, отлично отапливался. Я отдал Арсению свое одеяло, а пищу носил ему из столовой. Арсений громко кашлял, у него воспалились жабры, я выпросил у биоинженеров таблетки от кашля и от жара. Через два дня мне пришлось еще более потесниться – тяжело заболела Леонора.

Но Леонора пришла не одна – она принесла простуженную девочку. Так что у меня образовался лазарет, который продержался до весны. Как оказалось, поварихи, уборщицы и воспитательницы тоже порой брали к себе в дома больных детей. И никому об этом не рассказывали. Госпожа Фуйке не удивлялась несовпадению списочного состава питомника с наличными малышами. Она наверняка знала о том, что происходит, но спонсору Сийнико об этом не рассказывала. Он бы навел порядок.

Спонсор Сийнико не был жестоким существом, не был садистом. Но порой я видел в нем страшного убийцу. Происходило это от того, что ему было все равно, что случится с человечеством, если это не затрагивало его интересов. Он противился массовым ликвидациям людей, потому что полагал, что спонсорам выгоднее, чтобы люди им облегчали жизнь. Но если бы его кто-то убедил, что спонсорам будет удобнее жить, если завтра люди умрут, я убежден, что он первым бы начал травить нас газом или закидывать бомбами. То, что он выделял меня из числа людей, ни о чем не говорило. Я отдавал себе отчет в том, что со мной он расстанется так же спокойно, как с разбитой лампочкой. Но пока сотрудничество с людьми

ему было выгоднее их смерти.

Особенно очевидным это стало, когда в начале мая к нам в питомник вдруг опустилось несколько вертолетов, на которых прилетели незнакомые мне высокопоставленные спонсоры. Среди них были носители оранжевых кругов Управления экологической защиты, синих гребней Охраны порядка, красных кругов Ведомства пропаганды.

Я был в библиотеке за кабинетом Сийнико и хотел было уйти, но опоздал – спонсоры один за другим входили в кабинет. Кресел для всех не было, так что двое, Сийнико и большой чин из Охраны порядка, сели, остальные стояли. Впрочем, спонсоры не любят сидеть, им удобнее стоять. Идею кресла они позаимствовали у людей, и Сийнико говорил мне, что до сих пор среди консервативных спонсоров к креслам существует стойкое отвращение, как к предмету моральной деградации.

Чудовища были видны мне сквозь щель в неплотно прикрытой двери. Я затаился. Я был уверен, что подведу своего покровителя, если выйду из библиотеки и пройду через кабинет.

Спонсоры были убеждены, что их никто не подслушивает, потому говорили громко, не стес-

няясь в выражениях, я же слышал и понимал все до последнего слова.

– Мы все очень заняты, – сказал Сийнико. – И не любим терять времени даром. Я начинаю сразу с информации, которую получил от Высшего совета.

– Правильно, – откликнулся спонсор с красным кругом Ведомства пропаганды. – Переходите к делу.

– На Высшем совете обсуждался вопрос о нехватке продовольствия и иных продуктов, которые производят люди.

– Не в первый раз, – отметил другой спонсор.

– Но на этот раз решено принять меры. В соответствии с проектом двенадцать. Вы помните его?

Два согласных мычания – потом голос:

– Я не в курсе дела.

– Напоминаю: в прошлом году обсуждался и был отклонен проект, который объясняет деградацию экономики и падение производства тем, что работники-люди все более наглеют и все большую часть продуктов оставляют себе. Это позволяет им благоденствовать и плодиться, тогда как мы, спонсоры, оказываемся в невыгодном положении, так как космические поставки

затруднены, а контроль Федерации ожесточился. Проект двенадцать предусматривал ликвидировать половину населения Земли.

– Зачем? – послышался удивленный голос спонсора из Управления экологической защиты.

– Идея проекта заключается в том, чтобы вдвое уменьшить число едоков-людей и таким образом освободить массу продуктов для потребления нами.

– Чепуха! – зарычал невидимый мне голос. – Что они, не понимают, что каждый едок является и производителем?

– Не считайте Высший совет глупее, чем он есть на самом деле, – мягко возразил Сийнико. – Там отлично это понимают. Но и понимают, что в существовании людей заинтересована лишь часть спонсоров – те, кто наладил с ними деловые и личные связи. Вот именно это и кажется руководителям совета очень опасным. Они опасаются размывания нашей идеологии.

– Это плохо, – сказал спонсор из Ведомства пропаганды. – Значит, с продовольствием и товарами станет намного хуже.

– Намного, – согласился Сийнико.

– Однако наши дорогие консерваторы сделают еще один шаг к идеалу, к образцовой планете

с одним образцовым городом для инспекций и комиссий. Мы же лишимся всего.

– К сожалению, эта точка зрения взяла верх, – сказал Сийнико. – И боюсь, что отменить ее не удастся.

– Что же делать?

– Ликвидация половины населения Земли – задача нелегкая. Даже самые решительные в совете понимают это. Раньше августа эта операция не будет предпринята. Значит, у каждого из нас есть время подготовиться, предупредить нужных людей, спрятать то, что можно спрятать…

– А списки на ликвидацию, конкретные списки – где, сколько, каким образом?..

– Их будут составлять по департаментам.

– Самоубийцы, – сказал пропагандист.

– Надо срочно писать в Галактический центр, – сказал кто-то.

– Я не рискну этого сделать, – сказал Сийнико. – Кое-кто здесь только и ждет, что я ошибусь. А голова у меня одна.

Они еще долго обсуждали, что им делать, и разошлись поздно вечером. Я слушал и все более ужасался. Ни один из этих спонсоров не сказал, что ему жалко людей. Ну хоть немного жаль. Им жалко своих благ и своих доходов.

Я был так взволнован и удручен, что совершил роковую ошибку.

Когда спонсоры улетели на своих вертолетах, я вышел из библиотеки и подождал возвращения Сийнико в кабинете. Тот удивился, увидев меня.

– Ты зачем пришел? – спросил он.

– Неужели вам не жалко людей, которых вы убьете? – спросил я, отходя к двери.

– Каких людей? – удивился спонсор.

– Которые погибнут по проекту двенадцать.

– Откуда ты знаешь?

– Я был в библиотеке!

– Ты понял?

Спонсор неподвижно навис надо мной.

– Ты знаешь наш язык?

– Немного, – сказал я. Чувство близкой опасности заставило меня съежиться. – Совсем немного.

Я произносил эти слова так, будто слабое знание языка меня спасет.

– Тебя учили?

– Я жил в семье и слушал.

– Ты слушал? И все?

– Я смотрел телевизор.

– А дома знали, что ты понимаешь наш язык?

– Вряд ли. Вы, спонсоры, думаете, что мы слиш-

ком тупые, чтобы выучить ваш язык.

– Это исключено! – воскликнул спонсор. – Этого еще не было.

– Наверное, я не один такой. Есть же любимцы и поумнее меня.

Спонсор уселся в свое кресло, он смотрел как-то мимо меня, в угол комнаты, словно побаивался меня.

– Опасность, исходящая от тебя, – сказал он наконец, – представляется мне большей, чем твоя ценность как свидетеля.

– Вы обещали Маркизе! – напомнил я. У меня все внутри дрожало.

– Я?

– Вы дали слово!

– Я его дал, я и возьму обратно.

– Вы изумительно говорите по-русски, – сказал я спонсору.

Тот не смог сдержать знак улыбки.

– Не бойся, – сказал он. – Я тебя ликвидирую так, что ты этого не заметишь. И никто этого не заметит. Так что не беспокойся.

– А нельзя обойтись без таких мер? – спросил я.

– Иди спать, – отмахнулся от меня спонсор. – Я страшно устал и недоволен. Может быть, правы те, кто выступает за полную ликвидацию чело-

веческой расы.

– А есть и такие?

– Разумеется. Это гигиенично, это решает все экологические проблемы на Земле.

– Зачем? Чтобы жить на Земле вместо нас?

– В конечном итоге всегда побеждает сильнейший.

– Неужели некому за нас заступиться?

– Заступаться? Откуда ты слышал о заступниках?

– Я не слышал.

– Люди лживы. Ты – один из самых изощренных лжецов вашей породы. Вы недостойны того, чтобы коптить небо.

– Вы сердитесь? Вы испугались меня?

– Что?.. Уходи – не то разорву тебя своими руками.

Я ушел. Он, конечно, не станет меня убивать собственными руками, но в голосе его звучала смертельная для меня угроза. Спонсор был рационален. Я стал опасен, потому что подслушал их секретный разговор и имел глупость в этом признаться. Теперь спонсор должен опасаться, что я сообщу об этом разговоре.

С такими горькими мыслями я отправился к себе в бокс.

Темнело. Но небо было уже весенним, ожившим, по нему текли облака. От леса несло холодом, там, в чаще, еще скрывались лепешки снега. Первые звезды уже разгорались на восточной стороне неба. Я остановился и стал смотреть на небо, охваченный неожиданным и непонятным самому себе ощущением счастья, слияния с этим миром. И от этого наваждения звуки питомника, доносившиеся до меня, показались мне звуками настоящей Земли. Голоса уродцев, созданных на потеху спонсоров, – веселой музыкой обыкновенных детских игр, клокотание вентилятора вытяжки из лаборатории генных инженеров – перестуком колес далекого поезда, низкие звуки голоса спонсорши Фуйке, отчитывающей повариху за неучтенную тарелку, – криком совы в густой чаще, карканье ворон… впрочем, это было именно карканье ворон, и ничем иным оно показаться не могло.

Я огляделся. Далеко сзади появился квадрат света – в нем обозначился силуэт спонсора Сийнико, который потопал к генетикам – как всегда, вечером он проверяет, что они сделали за день. Поэтому-то лаборатория так велика – она построена по масштабу спонсоров, чтобы проверяющий всегда мог нагрянуть и проверить, чем занима-

ются там люди.

Вспыхнули прожектора на вышках вокруг питомника – они зажигались автоматически, когда темнело. Я знал, что на вышках дежурят милиционеры. И вдруг со злорадством подумал: ведь и вас, голубчики, ликвидируют. И, может, раньше других. Вспомните стадион. Тот, где я убил спонсора…

Честное слово, я не жестокое существо и даже никогда не таскал кошек за хвосты. Я столько лет прожил в покорном мире, которым правили спонсоры, не подозревая, что они вовсе не благодетели, а грабители и убийцы! Но даже когда я увидел правду, во мне не возникло желание убивать. Ну как можно убить просвещенного и разумного господина Сийнико, который, многим рискуя, скрывает меня в питомнике!

Мне стало холодно. Я пошел к себе в бокс. Мои больные, которым стало лучше, они днем уже вылезали погреться на солнышке, сидели, накрывшись одним одеялом, и что-то пели. При виде меня они смутились и замолчали. Я знал, что петь запрещено, но сказал:

– Вы пойте, не обращайте на меня внимания.

Но они уже не стали петь.

Я сказал им, что мне не холодно, и уселся рядом

с ними. Странное счастливое чувство, овладевшее мною на улице, так и не покинуло меня. И я с умилением глядел на мой госпиталь. Вот Арсений, подводный мальчик, кареглазый, всегда веселый, он привязался ко мне, как к старшему брату, и я видел, как он оскалился, когда мне что-то стала выговаривать госпожа Фуйке. Рядом с ним, сложившись втрое или вчетверо, сидит Леонора – невероятно длинная девица, основное качество которой – стеснительность. Она стесняется своего роста, своей худобы, своих глаз, своих рук, она стесняется жить на свете. Иногда малыши дразнят ее, она терпит. Ее жизнь – наказание, и я не думаю, что она протянет здесь долго, если ее не отправят в баскетбольную команду, где вокруг нее будут такие же жерди. Третье существо – самое милое и самое изуродованное из троих – Маруся-птичка. Ее изготовляли по спецзаказу какой-то знатной семьи, у которой раньше жил попугай. Поэтому голову Маруси покрывают не волосы, а белые перья, а тельце покрыто пухом. Есть у Маруси и крылышки – но они маленькие, и она не умеет летать.

– Скоро будет лето? – спросила Маруся.

– Через месяц, – сказал я.

– Скорей бы прошел этот проклятый месяц,

– сказала Маруся.

Несмотря на то, что ей всего четыре года, Маруся – умница и порой выдает многозначительные и не совсем понятные для окружающих сентенции.

Еще на прошлой неделе, когда все трое лежали у меня в жару, кашляя и чихая, я обещал им, что как только наступит лето, я уговорю спонсоршу Фуйке отпустить нас в лес. Мы пойдем далеко-далеко и будем собирать цветы и ягоды. Теперь мои подопечные жили ожиданием праздника. Я смотрел на них с радостью и не видел их уродства. И в то же время я знал, что они обречены быть игрушками существ, лишенных совести, не имеющих никакого права калечить людей. И самое ужасное то, что они калечат и убивают не от злости, не от садизма натуры, а потому, что так положено, так выгодно, так удобно. Подобно тому, как мы, люди, выводили породы собак… Недавно я разговаривал с Людмилой, с которой мы постепенно сблизились и стали доверять друг другу, и спросил ее, насколько в силах современная биотехника вернуть малышей в нормальное состояние. Людмила развела руками и ответила, что шансов очень мало. Для того, чтобы заложить в клетки определенные изменения, достаточно

земных лабораторий. Но переменить облик и внутреннее строение существ, уже созданных и выросших… для этого нужна технология, о которой мы не можем мечтать. А спонсоры? – спросил я. Вряд ли, – сказала Людмила. Спонсоры используют чужие достижения – и не только земные.

Ничего, сказал я сам себе, мы выгоним этих спонсоров, и тогда починим вас, ребятишки.

Именно тот момент я могу воссоздать в памяти: и тишину в боксе, и дыхание детей, и собственное состояние. Тогда я и понял, что в моей жизни есть цель – выгнать с Земли этих спонсоров. Потому что если я этого не сделаю, они постепенно уничтожат всех людей, а если даже не уничтожат, то превратят в любимцев и рабов.

Я не знал, как это сделать. Но я был уверен, что судьба выбрала для этой цели именно меня. Я был уверен по оговоркам и намекам спонсоров, что на Земле уже возникали восстания и заговоры против спонсоров. Но все они проваливались по двум причинам: или спонсоры успевали задушить восстание, или находился предатель. Второе случалось куда чаще – за столетие господства братьев по разуму люди научились продаваться и блаженно существовать, как свиньи на бойне – их сейчас поведут резать, а они спешат насы-

титься или свести счеты. Мы счастливые свиньи на счастливой бойне!

Дверь чуть приоткрылась, и я услышал голос:

– Тим.

– Кто там? – Я вскочил.

– Выйди сюда.

Ребятишки обеспокоенно вертели головами, перешептывались.

Я вышел в коридор.

Там, еле освещенная единственной тусклой лампочкой, стояла Людмила.

Она потянула меня за руку, в глубь коридора, к затянутому решеткой окну.

– Тим, я так боюсь, – прошептала она.

– Говори.

– Спонсор Сийнико приходил к нам. Он разговаривал с Автандилом и профессором. Меня выгнали из лаборатории. Мне это не понравилось, и я стала подслушивать. Я не все слышала, но они говорили о тебе.

– И что? – Я старался выглядеть обыкновенно – мало ли зачем они говорят обо мне.

– Спонсор хочет тебя убить.

– Как же?

– Они тебя отравят, они тебя отравят так, чтобы все думали, что это случайно, потому что наш

спонсор – гуманист. Он будет ни при чем.

– Спасибо, Людмила, – сказал я. – Но, наверное, ты немного преувеличиваешь. Зачем спонсору меня убивать?

– Значит, ты ему мешаешь. Я тебе должна сказать, что уже был один случай. Почему-то спонсору не понравился доктор Герц. Он стал непокорным, он хотел уйти из лаборатории. А потом доктора нашли мертвым. И сказали, что он объелся ядовитых грибов.

– Я не буду есть грибов, – сказал я и взял Людмилу за руку. – Я тебе обещаю.

– Они могут придумать что-нибудь еще.

– Я буду осторожен.

– Ты не представляешь, какие они хитрые!

Людмила была расстроена, ей казалось, что я не понимаю грозящей мне опасности. Но я понимал.

– Иди, – сказал я ей, – иди, пока тебя не заметили. Завтра поговорим.

– Но они могут прийти к тебе уже этой ночью.

– Пускай приходят.

Я проводил Людмилу до двери – она скользнула вдоль стены. Я надеялся, что ее никто не заметил.

Теперь мне следовало подумать.

Я стоял в пустом холодном коридоре.

Что они придумают? Неужели на самом деле спонсор решил меня отравить? А когда? Вернее всего завтра утром. Но все может случиться…

Я выглянул наружу и посмотрел на звезды. Было около десяти часов вечера. Питомник уже спал, угомонились будущие любимцы; прожектора, светившие с вышек, лишь подчеркивали пустоту и тишину.

Ждать было нельзя. Надо действовать.

Я вернулся к себе в бокс. Мои малыши, конечно же, не спали – они были встревожены и ждали меня.

– Ничего страшного, – улыбнулся я им. – Не беспокойтесь. Тетя Люда сказала мне, что воспитатели сердятся, что вы так давно живете у меня. Они хотят нас за это наказать.

– Я не хочу в корпус! – воскликнул Сеня.

Они жили у меня тише мышей, трепеща перед необходимостью вернуться в особняк и надеясь, что сегодня этого не случится.

– Если они на нас рассердятся, – сказала умненькая птичка Маруся, – они нас запрут в карцере. И мы не сможем ходить к Тиму.

– Может быть, завтра? – спросила Леонора.

– Нет, – сказал я твердо. – Вернуться в корпус

надо сегодня. Поверьте мне.

Они не стали плакать и просить меня.

– А мы пойдем в лес летом? Ты обещал, – сказала Маруся.

– Я помню. И обещаю, что пойдем.

Мне надо было решить сложную задачу: Арсений с Леонорой жили в особняке, в общих спальнях, Маруся – в боксе за лабораторией, потому что процесс ее метаморфозы еще не кончился. А это совсем в другой стороне. Пустить их на улицу одних я не мог – ночью в питомнике спускали собак. Собаки могли испугать малышей.

– Подожди меня, Маруся, – сказал я птичке. – Я отведу Сеню с Леонорой, а ты никого не пускай, сиди тихо.

– Я всегда сижу тихо, – сказала Маруся.

Я взял Арсения на руки, а Леонора шла рядом со мной.

Мы пошли не напрямик через газон, который просвечивался прожекторами, а ближе к изгороди, по кустам. Нам никто не встретился. Только возле дорожки, ведущей к особняку, из кустов выскочила собака, хотела было залаять, но я велел ей молчать, и собака побежала рядом. Леонора ее боялась и крепко держала меня за руку длинными пальцами.

Мы обошли особняк. Сзади был ход на кухню – там разгружали продукты. Я знал, как открыть крючок – я туда уже не раз так проникал, потому что воровал для малышей еду: раз они болели у меня в боксе, им довольствия не полагалось.

– Тише, – прошептал я. На кухне обычно не было сторожа, но порой поварихи или прачки тоже пробирались туда и воровали еду. Ведь все жили впроголодь. А в последние дни по радио начали твердить о том, что людей развелось столько, что они отнимают пищу у своих собратьев. Я знал, что означала вся эта подготовка.

Мы прошли через кухню, и у лестницы в спальни я попрощался с Леонорой и Сеней. Я обещал им, что завтра навещу и мы обо всем договоримся.

Я вышел из особняка тем же путем, закрыл за собой дверь и, не торопясь, главное – не вызвать тревоги, пошел обратно к своему боксу.

Мне показалось, что за мной кто-то идет, я даже несколько раз останавливался, прижимался к стволам дубов, но никого не видел. Только чувствовал. Я знал, что меня хотят убить, но не могу сказать, что боялся нападения. Я боялся только, что им удастся убить меня так, что я этого не почувствую.

Чтобы выманить преследователя, я ускорил шаги, надеясь, что оторвался от него и резко прыгнул за ствол дуба. Я внимательно посмотрел назад. Да, что-то темное, какая-то тень мелькнула сзади. Но не более. Конечно, они могут и выстрелить, в конце концов все равно они докажут, что я умер естественной смертью. И все же вернее всего это будет не выстрел, а что-то более чистое. Они убьют меня так, что завтра можно будет выставить мой труп на всеобщее обозрение, и никто не заподозрит неладного…

Я пошел быстрее, потом побежал, чтобы оторваться от темной тени. Одна из сторожевых собак припустила за мной, но не залаяла, потому что узнала меня – я нередко ее подкармливал. Так она и бежала рядом со мной, подпрыгивая и полагая, что мы с ней играем.

Перед линией боксов я остановился. Что-то было неладно.

Потом я сообразил – в темноте ярко горели два больших окна. Одно в боксе Сийнико. Значит, спонсор не спит. Хотя в это время он всегда спит. И еще одно окно – в лаборатории. И там не спят.

Они готовятся.

А я ни черта не знаю – что они замыслили?

Я нащупал узкий нож в шве кожаных штанов.

И тут же спохватился, что я совершаю перебежки по питомнику, облаченный в белый халат – меня можно увидеть за версту. Какое счастье, что они решили не стрелять в меня – лучшей мишени и не придумаешь!

Я скинул халат и скатал его. Передо мной лежало открытое пространство, периодически освещенное вертящимся прожектором на вышке. Я подождал, пока луч прожектора начнет движение прочь от лужайки, и кинулся к моему боксу. Я успел подумать: хорошо, что у спонсора и в лаборатории горит яркий свет. По крайней мере, они за мной не следят.

Вот и мой бокс.

Стой! – сказал я себе. Внутри меня звенел сигнал тревоги. В чем дело? Я плотно прикрыл за собой дверь, когда уходил. Я это отлично помнил. Кто-то был здесь после меня. Но где он сейчас? Поджидает меня в темном коридоре?

Я был в невыгодном положении – между мной и вышкой не было никакого здания, и я понимал, что через минуту луч прожектора меня накроет.

Я спиной чувствовал, как полоса света крадется ко мне. И тут мною овладело бешеное желание действовать – нестись, сокрушая все. Такое чувство я испытал на стадионе, когда убил спонсора.

Если мне нельзя стоять и ждать смерти, то лучше я встречу ее лицом к лицу.

Главное – стремительность!

Я в два прыжка был у двери, мгновенно ударом распахнул ее и влетел в коридор. Я ожидал удара, выстрела – но не встретил никакого препятствия. Я ударился о стену с окошком, перекрывавшую коридор, и замер. Было тихо-тихо, зажужжал ранний комар. Далеко-далеко закаркала вспугнутая чем-то ворона.

В боксе никого не было.

Ни дыхания, ни стона, ни движения.

Я перевел дух. Постарался успокоиться. Дверь могло открыть ветром. Маловероятно, но могло.

А может быть, засада ожидает меня в моей комнате?

Но теперь я был в себе уверен более. Я мог не спешить, за спиной у меня была бетонная стена, сам коридор узок – здесь враги не имеют преимуществ.

Опершись спиной о стену, я сильным ударом ноги распахнул дверь в мою комнату.

Тихо. Пусто. Мертво. Только неприятный, утекающий в сквозняке запах… медицинский, мертвый…

Он промчался мимо меня, высосанный сквоз-

няком в коридор и наружу, оставив тяжесть в голове и мгновенный приступ тошноты.

Я вошел в комнату. Она была пуста. А где моя птичка, где Маруся?

На полу, на моем матрасе лежало одеяло, под ним угадывалось тельце девочки.

Она заснула.

Запах еще жил в боксе и был отвратителен.

Когда я наклонился, чтобы разбудить птичку и отнести ее в лабораторный бокс, запах показался мне более сильным. Я потрогал Марусю за плечо. Она не отозвалась – плечо поддалось руке.

Я откинул одеяло. Маруся лежала на боку, и при свете фонаря, проникавшего в окно, было ясно, что она уже никогда не проснется. Маруся была мертва.

Я взял ее на руки и пошел к выходу.

Маруся была легкой, будто у нее были птичьи кости. Ее голова запрокинулась. Лицо, обрамленное белыми перышками, было спокойным.

Этот запах – неприятный, удушающий запах – откуда он знаком мне?

Следы его были в лаборатории. Там была склянка… Что же сказал Автандил? Он сказал: «Мы не можем ограничиваться исследованиями. Мы должны выводить любимцев, выращивать их и

уничтожать, если они оказались нежизнеспособными». «Это редко бывает», – перебила его тогда Людмила. «А если бывает, у нас есть гуманные способы. Любимец и не догадается, что умер»…

Автандил!

Тот взял с полки стойку с рядом ампул. В одной из них была мутная белая жидкость…

Теперь я знал, какую смерть придумал для меня господин спонсор: Автандил или кто-то иной из послушных ученых проник в бокс, разбил в моей комнате ампулу, а может быть, нажал на гашетку пульверизатора… Они были убеждены, что я сплю – куда мне еще деваться? Пустив газ, он закрыл дверь и ушел из бокса. Распыленный яд подействовал, я думаю, мгновенно – и Маруся ничего не почувствовала.

Зато я почувствовал – и свою смерть и смерть девочки.

Я шел к выходу и думал: как хорошо, что я увел отсюда Леонору с Арсением. Иначе бы мы все погибли.

Я подошел к входной двери и замер.

У меня не было плана, что делать дальше.

Отнести тело девочки к спонсору? Обвинить его в убийстве? И что же? Сила их заключалась в том, что смерть кого бы то ни было из людей не

могла быть причиной боли или хотя бы стыда. Чем меньше останется людей, тем свободней.

Я принесу ему девочку, а он убьет меня сам, потому что теперь я знаю, как они убивают. Он меня все равно убьет.

Отправиться в лабораторию и обвинить ученых?

Они не чувствуют и не почувствуют раскаяния, потому что они исполнили приказ и сделали все правильно.

Я держал на руках легкое тело птицы и понимал, что теперь у меня есть в жизни только один путь – путь вражды и ненависти к спонсорам. И не потому, что они жестокие и бессердечные, среди них были разные, а потому, что, как оказалось, впереди есть лишь два пути – либо на Земле остаются люди, либо на Земле будут жить спонсоры со своими любимцами.

А раз так, то отныне я не принадлежу себе. Я должен найти союзников, потому что не может быть, чтобы я был на этой планете совсем одинок. Должны быть у меня друзья и соратники! Но, наверное, не Маркиза с Хенриком, которые замечательно устроились, а какие-то иные, мне еще незнакомые люди.

...Я спохватился, что стою у закрытой двери и

держу тело Маруси, завернутое в одеяло.

Я вернулся в свой бокс, осторожно положил Марусю на матрас, попросил у нее прощения за то, что ухожу от нее. Потом взял одеяло и раза два сильно встряхнул его, чтобы изгнать из него остатки газа, свернул в скатку и обмотал себя. Так было лучше, чем держать одеяло в руке или под мышкой. Потом я взял несколько сухарей, недоеденных моими питомцами, и рассовал по карманам штанов. Белый халат я тоже взял – он может пригодиться.

Я должен был сейчас же, пока они не пришли проверять, хорошо ли убили меня, пока не начало светать, уйти из питомника.

Я приблизительно представлял, как это можно сделать, потому что за прошедшие недели не раз мысленно убегал отсюда.

В дубраве, в самой гуще кустарника, под колючей проволокой, которая всегда находилась под током, был прорыт собаками ход. Наверное, это случилось еще до того, как по проволоке пустили ток – по крайней мере, с собаками ничего не случалось. Я сам видел, гуляя в дубраве, как собака осторожно, будто чуяла ток, пролезла под проволокой и умчалась в лес, наверное, на свидание.

Иного выхода у меня не было.

Луна зашла, и я потратил несколько минут, прежде чем нашел в темноте этот подземный ход. Я улегся возле него и стал его углублять, потому что для меня он был узок.

Я выкидывал землю из хода, сам постепенно углубляясь в него.

Внезапно сзади над моим боксом загорелся свет. Затем зазвенела колокольная дробь. Я догадался, что спонсор пришел ко мне в бокс поглядеть на мой труп, ибо он был основательным ученым и привык проверять действия людей, которым никогда не доверял.

Кто-то пробежал по поляне, сзывая собак.

Заметались, путаясь в густых ветвях дубов, лучи прожекторов. Я понял, что сейчас они будут искать меня и у них хватит челяди, чтобы действовать сразу везде: и в особняке, и в боксах, и вдоль ограды.

Я начал рвать ногтями и отбрасывать назад землю.

Голоса приближались – охранники шли вдоль ограды.

Дольше копать я не мог – надо рискнуть!

Я закинул на ту сторону одеяло и халат. Потом медленно, головой вперед пополз в яму – главное, чтобы прошел живот. Я отталкивался руками, и

провисшая проволока была всего в сантиметре от моего лица.

Голоса были почти рядом.

Но они опоздали – я уже на свободе!

Я сделал было шаг, поднялся, отряхнулся.

И тут понял, что я не один. Кто-то молча, стараясь не дышать, проползал в тот же лаз.

Это было невероятно. Неужели меня выследили?

Нет – это был кто-то маленький.

Собака?

– Кто здесь? – тихо спросил я.

– Это я, – ответил Арсений. – Потяни меня за ноги, а то я слишком медленно ползу.

Я потянул мальчика на себя.

Я ничего не спрашивал у него – потому что в нескольких шагах от нас засверкали лучи ручных фонарей. Послышались голоса.

Я подхватил под одну руку одеяло, под другую – малыша и побежал в чащу. Я спиной чувствовал, что они нашли проход в заграждении и громко переговариваются – потому что, прежде чем лезть по моим стопам, они наверняка выключат электричество. Значит, у меня пять минут форы…

7. ЛЮБИМЕЦ В ЛЕСУ

Они гнались за нами несколько километров. Им было лучше, чем нам, – у них были фонари. Но мы успевали залечь, затаиться в чаще, главное – быть неподвижными. Если ты неподвижен, с вертолета тебя не разглядеть. Я устал нести малыша. Хоть он был маленьким, но оказался очень плотным и тяжелым. Он почувствовал, как мне тяжело, и сказал:

– Я сам побегу. Я хорошо бегаю.

Я опустил Сеню на землю. Он был бос, а земля – холодная, мокрая.

– Ничего, – сказал он, – я больше не простужусь. Ведь когда бегаешь, то тепло, правда?

Нам надо было отыскать какое-нибудь место, чтобы затаиться. Но я не знал, конечно, окрестностей питомника, к тому же нас гнали, как охотники гонят дичь.

Мы вышли к небольшой речке, над которой нависали ивы, уже выпустившие сережки. Я скорее догадывался, чем видел. Месяц был узок и давал слишком мало света. Я все время боялся, что малыш ушибет или порежет ногу, мне-то

было лучше – на мне были башмаки, еще старые, гладиаторские.

Чуть ниже по течению речка разливалась широко и негромко журчала по камням – там был брод.

– Давай я тебя перенесу, – сказал я.

Сеня засмеялся.

– Я люблю воду, – сказал он. – Ты иди там, а мне лучше перебраться здесь.

И прыгнул в речку, в глубоком месте – и пропал с глаз – лишь круги по воде.

Я сначала испугался – потом вспомнил: ведь мой малыш – рыбка.

Я снял башмаки и пошел вброд. Камни попадали под ступни, они были острыми, и было больно. У того берега неожиданно стало глубже – я провалился по пояс, и пришлось поднять над головой мои пожитки. Сене, который уже перебрался на другой берег, это показалось очень смешным.

– Тише! – прикрикнул я на него. – Ты что, выдать нас захотел?

Мой тон обидел мальчика, и он замолчал. Так мы и шли дальше молча. Мне бы попросить у Сени прощения, но за эту ночь я страшно устал и перенервничал. И все видел голубое под лунным светом лицо Маруси.

Тот, дальний берег реки, был высоким, но пологим. От брода вверх вела широкая заросшая травой и кустами дорога.

Начало светать. Воздух стал синим и морозным. Сеня бегал вокруг меня, подпрыгивал, чтобы согреться – он вовсе не устал. Я понял, что погоня отстала – вот уже полчаса, как не слышно треска вертолетов и криков охотников.

Дорога, по которой мы шли, через полчаса привела нас в заброшенное человеческое поселение. В тот день я еще не знал, что такие поселения назывались деревнями.

Деревня состояла из одной широкой улицы, по которой раньше текла дорога, а теперь все заросло кустами и даже солидными, в обхват, березами и елями. Деревянные дома, окруженные невысокими заборами, попрятались в заросли, а ограды давно упали и исчезли в траве. У некоторых домов провалились крыши, другие покосились и даже рассыпались. Но один из них, сложенный из толстых бревен, показался мне еще крепким. Хотя стекла в окнах были выбиты.

– Давай здесь поспим, – сказал я Сене.

Сеня покрутил головой, принюхался – обоняние у него дьявольское.

– Можно, – сказал он. – Здесь никто не живет,

кроме маленьких животных, которые разбежались.

Мы пробрались сквозь кусты к дому. Дверь была приоткрыта – так и вросла в сгнившие доски крыльца. Но внутри сохранился даже пол.

Окна в доме были маленькие, и к тому же разделенные на дольки. В одной из долек правого окошка сохранилось стекло.

Меня удивило странное, некогда белое сооружение, стоявшее в комнате. С одной стороны в нем была ниша, в которой лежал проржавевший лист железа. Во второй нише под ней сохранился серый пепел.

– Я думаю, что это была плита, – сообщил мне Сеня. – Внизу клали топливо, а сверху – кастрюли.

Я сунул руку в глубь ниши и натолкнулся пальцами на округлый предмет. Я вытащил его, оказалось – это металлический горшок. Целый чугунный горшок!

– Давай спать, – сказал Сеня. – Здесь хорошее место.

Я вытащил два сухаря и протянул один малышу.

– Завтра, – сказал он. – Проснемся и поедим. Мы будем ужасно голодные. А сейчас больше хочется спать.

Сеня был прав.

Ноги болели, голова раскалывалась. Надо было бы пойти наружу и нарвать травы и листьев, чтобы сделать нам подушки. Но сил на это не было. Мы постелили на пол халат, обнялись и накрылись моим одеялом, чтобы было теплее, и сразу заснули.

Я проснулся от того, что на меня кто-то смотрел.

Я лишь приоткрыл глаза – но не вскочил, ничем не показал, что я очнулся.

На полу, в метре от меня, сидело небольшое пушистое животное. У него были короткие треугольные уши, большие зеленые глаза, серая спина и голова, но белая грудь и белые лапы. Я вспомнил, что видел изображение этого животного в атласе в библиотеке Сийнико. Этот зверь был некогда домашним и назывался кошкой. С ликвидацией сельских поселений и организацией людей на новом уровне кошки были объявлены экологически неприемлемыми и подлежали уничтожению.

А здесь кошка выжила и даже пришла посмотреть на людей.

Я вовсе не испугался этого животного – оно и не собиралось на нас нападать, да и зубы у него

были маленькими. Оно мне даже показалось красивым.

Я осторожно толкнул Сеню, который спал, прижавшись ко мне. Тот сразу проснулся, открыл глаза и обрадовался, увидев кошку.

Он поднялся. Кошка смотрела на него с удивлением, настороженно.

Она подпустила крадущегося Сеню на два шага, а потом легко отступила назад. Она не хотела, чтобы ее трогали.

Сеня остановился. Кошка вспрыгнула на подоконник и внимательно смотрела на нас.

– Не трогай ее, – сказал я. – Не пугай.

– Я знаю, – сказал Арсений, – она здесь живет, и мы будем теперь жить вместе.

Кошка сидела в окне, подсвеченная утренним солнцем. Солнце пробивалось сквозь раскрывающиеся листочки деревьев, и тени их были ажурными, как кружева, которые вязала по вечерам госпожа Яйблочко.

Было тепло, а днем станет еще теплее. Я порадовался, что мы убежали в теплое время. Зимой мы бы замерзли или нас нашли бы по следам.

Сеня подбежал к окну. Кошка спрыгнула с окна в заросли.

– Очень большое солнце! – сообщил Сеня. – Ты

не представляешь, какой я голодный.

Тут я сообразил, что я тоже голодный.

– А у нас нет ни спичек, ни зажигалки, – сказал Сеня. – Значит, мы теперь будем есть все только холодное.

– Да, – вынужден был согласиться я. – Я так спешил, что почти не взял еды.

– Доставай сухари! – сказал Арсений. – А я принесу воды.

Он взял чугунный горшок и направился к двери.

– Я с тобой, – сказал я. – Далеко не убегай.

– Здесь вода близко, – откликнулся он. – Я воду чую.

Он убежал. Я вышел следом за ним. Я следил, как мальчик побежал вниз по улице – там, оказывается, протекал ручеек.

Я посмотрел вдоль деревни в другую сторону – вершину холма занимало двойное каменное здание. Низкая половина была похожа на большой дом, а высокая – на башню. Вершина башни обрушилась, но над низким домом была башенка с украшением сверху, похожим на луковицу, из которой криво вырастал крест.

Наверное, в этом доме жил начальник деревни, подумал я. Надо будет сходить туда.

Погони вроде бы не было – я ее не ощущал. Арсений, который возвращался от родника, прижимая к груди горшок с водой, также был спокоен. Кошка шла за ним в отдалении, как будто решала для себя сложную задачу, признать в нем друга или игнорировать.

Я стоял на пороге дома, смотрел, как поднимается мальчик с чугунком, и понимал, что я не представляю, как себя вести дальше. Даже если будет тепло, нам не выдержать здесь больше чем несколько дней – я не представлял, что мы будем есть. Да и зачем жить в этой деревне?

Надо уходить к городу, к людям.

А надо ли? Где мне найти людей, которые думают, как я, которые тоже хотят выгнать спонсоров и тех, кто помогает им править нами? А может быть, я один такой на всей Земле? Может быть, все довольны?

Так ничего и не решив, я взял у Сени чугунок и попробовал на вкус воду – вода была хрустальная, холодная. Потом Сеня полил мне на руки, и я ополоснулся. У нас было четыре сухаря. Два мы съели за завтраком, а два оставили на вечер. Мы положили сухари на полку, потому что не знали, что ест кошка – если она ест сухари, то лучше их держать от нее подальше.

Потом мы с Сеней пошли наверх, к каменному дому с крестом, но не дошли до дома, как Сеня углядел, что речка, которую мы переходили ночью, сливается с другой – широкой. Он сказал, что сбегает, поглядит. Он обещал быть осторожным.

Я вошел в каменный дом.

В нем было холодно. Через провал в крыше намело сугроб снега, который так и не растаял. На стенах дома были нарисованы картины, изображающие людей, одетых в простыни. Я попытался понять смысл в картинах, которые рассказывали какую-то историю, но не смог. Там же было еще несколько картин, нарисованных на деревянных досках. На них тоже были изображены древние люди. На двух или трех – женщина в платке, державшая на руках маленького ребенка.

Я злился, потому что не мог понять, зачем людям нужен такой дом.

Внутри было очень тихо, шум весеннего леса доносился сюда как комариный звон. Я услышал, как треснул сучок под ногой человека. Человек шел медленно. Это был не Сеня. Я сделал шаг к стене и замер. Шаги были слишком слабыми и вялыми, чтобы принадлежать моим преследователям, но все же в незнакомом месте нужно быть осторожным. Я вытащил до половины нож.

Темная согбенная фигура с палкой появилась в дверном проеме. Сразу было ясно, что это старый человек.

Я не стал окликать его. Пускай делает что хочет. А то еще испугается.

Старик прошел в центр зала и остановился, словно в нерешительности.

Лица его мне было не видно, потому что его черная ветхая одежда заканчивалась наверху капюшоном, в котором оно пряталось. Лишь серая борода висела, не касаясь впалой груди.

Глядя на картину, изображавшую женщину с ребенком, он принялся невнятно и быстро бормотать. Я различал отдельные слова, но не мог понять общего смысла его монолога. Старик говорил и говорил… и тут снаружи раздался детский крик:

– Тим, где ты? Дядя Ланселот…

Я невольно пошевелился, и старик резко обернулся ко мне.

Я видел, что он испугался – он был такой слабый и старый.

– Не бойтесь, – сказал я. – Я не желаю вам зла. Мы здесь вдвоем с мальчиком.

– Храни вас господь, – сказал старик. – Я уже никого не боюсь.

Солнечные лучи пробивались сквозь высокие окна, и когда старик обернулся ко мне, я увидел, что у него изможденное, мятое, желтое лицо, на котором ярко видны черные глаза. Рука, лежавшая на набалдашнике трости, раздулась в суставах и, как лицо, была покрыта морщинами.

– Здравствуйте, – сказал я. – Меня зовут Тим. Или рыцарь Ланселот. Мы с мальчиком Арсением бежали из питомника и прячемся здесь. Мы не знали, что вы здесь живете.

– А я не здесь – я в лесу живу, – сказал старик. – В церкви жить опасно – место высокое, открытое, сюда эти заваливаются.

– Кто такие – эти?

– Милиционеры, – сказал старик. – На рыбалку прилетают на своих вертолетах.

– Люди? – спросил я. – Не спонсоры?

– А жабам здесь чего делать? – сказал старик. – Жабы наших лесов не любят.

– А мы с Сеней здесь ночевали, – сказал я.

Видно, услышав наш разговор, в дом вошел Сеня и вовсе не испугался незнакомого старика. Он подбежал ко мне:

– Смотри! – Двумя руками он прижимал к груди чугунок, полный небольшими рыбками. Некоторые еще шевелились.

– Это еще откуда? – Только тут я заметил, что мальчишка совершенно мокрый.

– Там большая река! – торжествующе объявил Арсений. – Я в нее нырнул – ты же знаешь, что я могу. Мне в воде даже лучше. Я их догнал, теперь у нас есть еда.

Он ждал похвалы. Он был горд собой.

– Молодец, – сказал я.

Мальчик поправил упавшую на лоб мокрую прядь волос. Старик со страхом смотрел на его перепончатую руку.

Он провел крест-накрест рукой перед своим лицом.

– Вы меня боитесь? – удивился малыш.

– Господь с тобой, – сказал старик. – Никого я не боюсь. Молитвой оберегу себя.

Но было ясно, что он боялся.

– Дай мне нож, – сказал Сеня.

– Зачем?

– Я почищу рыбу, сниму с нее чешую, выпотрошу. Мы же не дикие!

– Мы же не дикие, – улыбнулся я и отдал малышу нож.

Сеня помчался прочь из дома, который старик назвал церковью.

– А вы где живете? – спросил я.

– У меня землянка есть, в самой чаще. Меня не найдешь.

– Вас могут обидеть? – спросил я.

Старик даже не понял меня. Потом вдруг улыбнулся – а не улыбался он давно, и, по-моему, его морщинам стало больно.

– Меня и звери и птицы не опасаются, – сказал он. – Из рук моих едят. Я же здесь почти всю жизнь прожил.

– Как же так?

– Я в эти места пришел, чтобы приход принять, – сказал он, поведя рукой вокруг себя. – Батюшка помер, а люди здесь еще жили, и в лесу многие прятались. Потом кто умер, а кого вытравили, как крыс. И в деревне уже жить стало нельзя. Я в схимники ушел. Приду в храм, помолюсь и снова в лес.

– Храм, – повторил я, – помолюсь.

Старик наклонил голову.

– Молодой человек, а ты хоть знаешь, где стоишь?

– В храме, в церкви, – сказал я. – Вы же сказали.

– А что есть храм?

– Вот этот дом. Дом с картинами, – сказал я.

– А о Боге знаешь? – Старик стал строг. Я почув-

ствовал свою вину.

– Не знаю, – ответил я.

– Темная, значит, душа, – сказал старик.

Я не стал спорить. Я сказал:

– Пойдемте в наш дом, там Сеня уже, наверно, почистил рыбу.

– Я мяса не ем, – сказал старик. – Уж лет пятьдесят как не ем.

– А что же вы едите?

– Что лес даст, что на грядке выращу, чем пчелы поделятся, – сказал старик.

Все же я уговорил старика пойти со мной. И я понял, что старик, хоть относится к нам не только с недоверием, но и с некоторой неприязнью, особенно к Сене из-за его пальцев, страшно стосковался по людям. И он пошел с нами.

Когда мы пришли, Сеня еще чистил рыбу – он не очень умел управляться с ножом. Я отобрал у него нож и сам принялся чистить и потрошить добычу. А осмелевший старик, которого звали Николаем, тем временем выпытал у нас, кто мы такие, отчего бежим и скрываемся.

Я очистил рыбу и еще раз спросил старика, не хочет ли он присоединиться к нам.

Сеня был горд собой – все же добытчик! Он взял одну рыбку и впился в нее зубами. Я же не посмел

следовать его примеру, потому что раньше не ел сырой рыбы. К тому же стеснялся старика.

Дед Николай ахнул, глядя на Сеню.

– Что ж ты делаешь, чертяка! – закричал он.

– А что? Я голодный, – сказал Арсений.

– Сырую, да без соли! Что же, лень пожарить или сварить? Может, ты и не человек вовсе?

– Такой же, как мы с вами, – сказал я. – Только над ним делали операции.

– И очень хорошие! – с вызовом заявил мальчишка. – Если бы не я, кто бы рыбу поймал? А я еще и завтра поймаю.

– Рыбу есть сырую грех, – твердо заявил старик.

– У нас нет спичек, нет огня, – сказал я. – Мы не можем варить и жарить.

Старик надолго задумался. Малыш схрупал три рыбины и сказал:

– Соли нету. Безобразие, надо было с собой захватить.

Неожиданно старик заговорил:

– Сейчас пойдем ко мне. В землянке у меня переночуем. Там у меня огонь есть, и поесть что – будет.

– Нет, спасибо, – сказал я. – Мы вас стесним.

– Пускай он сам живет, – сказал Сеня. – А мы

– сами.

Старик ему не нравился, потому что тот не мог скрыть своей неприязни к рукам и ногам мальчика.

Мы молчали. Я размышлял. И не знаю, что бы придумал, но тут далеко-далеко послышался звук летящего вертолета. Первым его услышал Сеня – вскочил.

– Летят, – сказал старик. – Они, конечно, здесь вас искать будут. Деревня для них – место известное. Они и решат, что вы здесь таитесь. Идемте, только быстро.

Я подхватил одеяло и прочие мои вещи, Сеня, все поняв, взял чугунок с остатками рыбы.

Отец Николай первым резво выскочил из дома и, стуча палкой по земле, затрусил к лесу, стараясь не выбегать на открытое место. Мы бежали следом.

Мы спешили не наверх к церкви, а взяли ниже, к берегу большой реки, под защиту тесно стоявших вековых елей. От опушки леса я обернулся и увидел, что вертолет опустился возле храма, из него выпрыгивали милиционеры и белые халаты – люди спонсора.

– Идем, идем, – торопил меня старец. – До моей землянки верст пять, да через болото.

Когда, проваливаясь в грязь, прыгая с кочки на кочку, мы пробирались через обширное, поросшее редкими осинами болото, я спросил отца Николая, зачем он спрятался в таких сырых местах? А он сказал:

– Они с собаками облавы устраивали, тех, кто из деревни недалеко ушел, на сухом месте скрывался – всех выследили и перетравили. А через болото не сунулись – оно же бескрайнее.

Через час мы выбрались на сухое место – на небольшой остров среди болота.

Остров был песчаным и покрыт шапкой могучих сосен.

Там и скрывалась землянка отца Николая – сухая, довольно большая, полная запасов, оставшихся еще с зимы.

Сеня не любил сидеть в землянке. Он шастал по болотам, по лесу, нырял в бездонные черные озера в еловых борах, ловил рыбу и раков. Его не интересовали бесконечные рассказы отца Николая, впервые за тридцать лет обретшего внимательного слушателя.

А я слушал. Рассказы старика были большим и многоцветным куском в мозаике, именуемой История Земли. Старик-отшельник, настоятель храма, в котором полвека никто не молился, рас-

сказывал мне ее вечер за вечером, то сидя у очага, то работая на маленьких делянках, разбросанных по лесу так, чтобы не вызвать подозрений у дежурного вертолета.

Я узнал о боге и храмах, о людях, которые ему служили. Но я был поражен тем, что до прилета спонсоров у людей был не один бог, а много. Некоторые верили, что есть всемогущий бог Христос, а другие называли бога Магометом, а третьи – Буддой и страшно между собой ссорились и даже воевали, чтобы выяснить, какой из богов главнее. А еще у людей были антибоги, их называли дьяволами. Отец Николай был глубоко убежден, что спонсоры – порождение дьявола, а может быть, и сами дьяволы, которые присланы на Землю для наказания людям за то, что они вели себя неразумно, воевали между собой, не радели о своей Земле и совершали преступления.

Отец Николай весь находился в прошлом, в том времени, которое кончилось с прилетом спонсоров. Сам он того времени не застал, ему было примерно семьдесят лет – он делал зарубки на палочке, которую хранил в землянке, но потом эту палочку потерял. Но он помнил еще с детства времена, когда людей на Земле было много, когда в деревнях жили люди. О прилете спонсоров ему

рассказывал отец, но сами спонсоры в эту деревню не прилетали. Оказывается, завоевание Земли прошло не в одночасье, как я себе представлял, а постепенно. Вначале была видимость сотрудничества, а если были конфликты, то их как-то улаживали. В течение многих лет спонсоры хоть и присутствовали на Земле и занимались спасением ее природы, продолжали чего-то опасаться. Лишь постепенно, год за годом, они набирали силу и решительность.

Истребление «лишних» людей, которые своим существованием угрожали природе, спонсоры вели руками милиции. В один несчастный день на деревню или село опускалось несколько вертолетов с милицией, которая забирала мужиков – говорили, на работы по контракту, на год, на два. И больше этих мужиков никто не видел. А на следующий год или через несколько месяцев то же случалось в другой деревне. Великая идея спасения Земли проводилась спонсорами последовательно, спокойно и неотвратимо. Жизнь наступила бедная и скудная, потому что нельзя было ездить в город, поезда больше не ходили, машины тоже – ездить разрешалось лишь милиции и верным друзьям спонсоров, тем, кто помогал им. И неизвестно было – есть иные горо-

да и страны или кончились. Осенью по деревням пролетали милиционеры и отбирали урожай. Мало кто убегал в лес – в деревне одни бабы, у них дети. Все ждали, когда вернутся мужчины, хоть и сами уже не верили, что вернутся. Милиционеры и пропагандисты проводили занятия. Бабы и дети научились петь возвышенные песни и читать стихи о Великом друге – спонсоре, о том, что пора спасать Мать-родину.

Отец Николай оставался в пустеющей деревне до последней возможности. В соседних деревнях, где еще оставались люди, он тоже исполнял службы – кого крестить, кого хоронить. Венчать было некого.

А потом случилось, что он был на Выселках, в двадцати километрах от Поленова, где и стоял храм, вернулся к себе – а в деревне ни одного живого человека. Будто всех корова языком слизала. Вывезли. Он кинулся в Серпухов. Но пройти туда не смог. Побывал там только через два года – когда Серпухов был уже пустой и зарос травой.

За последние полвека он людей-то видел раз или два. Но люди это были дикие, как звери. Он их боялся и прятался посреди болота.

В храм он ходил молиться. Храм не был нужен спонсорам – ни иконы, ни фрески не нужны.

Спонсоры их как бы не видели. Впрочем, старик признался, что и он ни одного спонсора в глаза не видал. Господь уберег. Прожил жизнь, а спонсора не видал. Милицию видал, пропагандистов видал, а настоящего дьявола – нет.

Я внимательно и терпеливо слушал старика. Хоть он повторялся и с каждым днем порции нового в его речах уменьшались.

Рассказы отца Николая меня угнетали. Оказывается, уже пятьдесят лет назад в этих краях не осталось людей. А если так по всей стране и по всему миру? Если я опоздал родиться? Кто мои соратники: бывший служитель бога Иисуса и мальчик, который может плавать под водой? Даже мои друзья по школе гладиаторов уже мертвы…

А пока суть да дело, мы с Сеней продолжали жить в землянке у отца Николая. Наступило лето, болото подсохло, и старик стал втрое осторожен – он боялся, что с неба могут заметить дым от нашего очага. Арсений окреп, загорел – он больше любил воду, чем воздух.

Старик знал, какие грибы съедобные, а какие ядовитые. Он научил меня

– полагал, что это знание полезно, если я окажусь в лесу один, без друзей…

И еще я обзавелся зажигалкой – кремнем и огнивом.

Сеня и старик привыкли друг к другу, и отец Николай уже не считал мальчика исчадием ада. Сеня старика любил, но совсем не слушался.

Июнь был в самом разгаре, ночи стали совсем короткими, очень красиво пели маленькие птички, которых отец Николай называл соловьями. До августа, когда спонсоры начнут истреблять людей, оставалось всего два месяца. Я не мог далее жить в лесной землянке, потому что если погибнет Москва, людей в России останется совсем мало. Я не знал, к кому обратиться за помощью, но надеялся, что если я доберусь до Москвы, то обязательно кого-то найду. Я надеялся отыскать кого-нибудь в метро, а может быть, проникнуть в школу гладиаторов – ведь такие школы еще остались. Я должен ходить и рассказывать об опасности и предупреждать людей.

– Поймают тебя, – говорил мне на это отец Николай. – Народ у нас слабый, вымирающий, как зверь мамонт, сами же тебя властям сдадут. И станешь ты мучеником.

– Я не хочу быть мучеником, – сказал я.

У нас было плохо с солью, отец Николай использовал вместо нее золу от очага. Так что рыбу

и грибы мне на дорогу мы сушили. У нас с Сеней было свое хозяйство – и неплохое. Мы собрали всякие вещи по деревенским домам – у нас были и кружки, и бутылки, и кастрюли, и горшки. С одеждой было хуже – ткани почти не сохранились. Но я сделал Сене длинную распашонку из докторского халата, который унес из питомника. Может быть, эта одежда была не очень красивой, но Арсению она нравилась.

Остатков халата хватило мне на заплечную суму.

Сеня не хотел отпускать меня, но я обещал вернуться скоро. Я попросил отца Николая и Сенечку собирать и заготавливать на зиму побольше еды – ведь, может быть, я приведу с собой людей.

Я уже был почти готов к походу и решил начать его с бывшего города Серпухова, как случилось событие, изменившее мои планы.

Странный след я обнаружил возле деревни в низине, у родника.

Я возвращался с добычей, собранной по чердакам. На одном я отыскал сундук, в котором сохранились ремни, высохшие, но крепкие, а также резиновые подошвы. Я был рад такому улову.

День был жаркий, солнце стояло высоко. Я спустился к роднику.

И понял, что недавно здесь кто-то был.

Тонкие ветки у самой воды были сломаны, а на мокрой низине возле воды был виден странный след – будто к роднику подъезжал автомобиль на старых шинах.

Я сразу насторожился. Но вокруг стояла глубокая полуденная тягучая тишина. Жужжали насекомые, пели птицы. Как могла сюда заехать машина?

Я осторожно пошел в сторону, куда вел след. Я должен был выяснить, что это такое. Любой неизвестный здесь – смертельная опасность.

Я вновь увидел след наверху, в траве – трава была примята таким же колесом, как и у родника. Причем это случилось совсем недавно – ведь трава скоро поднимается и забывает о том, что ее примяли.

Следуя за незнакомцем, я вышел из деревни и бывшими огородами дошел до заросшей осиной пашни. Интуиция говорила мне, что чужой рядом.

Я достал кинжал. И замер, прижавшись боком к толстому стволу.

И тогда я услышал голос:

– Не бойтесь меня.

Голос был высоким, будто детским, и в то же

время не настоящим – такие голоса звучат во сне, заманивая тебя в темную чащу леса.

Я повернулся в ту сторону, откуда он донесся. Сплошная листва лещины была недвижна.

– Я не сделаю вам зла, – сказал голос.

– Тогда выходите, – сказал я. – Почему вы прячетесь?

– Потому что вы можете испугаться и убить меня, – ответил голос.

– Почему я должен испугаться?

– Потому что вы меня раньше не видели.

– Смешно, – сказал я. – Мало ли кого я раньше не видел!

Между стеной листвы и мной была небольшая прогалина, метра в три, поросшая невысокой травой.

– Выходите, – сказал я. – А то получается неправильно: вы меня видите, а я вас – нет.

Листья раздались, и на поляну вывалилось чудовище, вид которого неизбежно должен вызвать отвращение у любого нормального человека.

Я отшатнулся от громадной, толстой, метра в полтора длиной, а толщиной в человеческий торс, мохнатой гусеницы, поднявшейся на задние ноги и шевелящей перед блестящим панцирным животом несколькими парами снабженных ког-

тями передних лап. Глаза этого существа были стеклянными, большими и неподвижными.

Я отшатнулся, но не убежал.

– Вам страшно? – спросила гусеница. – Но я совершенно безобиден.

– Я знаю, – сказал я. – Это от неожиданности. Я и не знал, что вы бываете таким большим… то есть я не знал, что вы умеете говорить! Черт побери…

Ползун опустился, как бы садясь и изгибая в мою сторону нижнюю часть тела.

– Вы меня не боитесь, – сказал он утвердительно. – Вы меня знаете?

– Так вы же ползун! – сказал я.

– Нас так называют здесь, – согласился ползун. – Но я здесь один и я убежден, что мы с вами раньше не встречались.

– А я и не говорю, что встречались, – сказал я. – Только вы ползун, и я никогда не подозревал, что ползуны разумные. Мы же вас тысячами на переработку пускали!

– Что вы сказали?

– Я работал раньше, – сказал я, – на кондитерской фабрике. Там убивали таких как вы, маленьких. Только я не убивал – я грузил в контейнеры.

– Вы там были! – Голос ползуна поднялся до

крещендо. – Вы это видели!

– Но ползуны несознательные, неразумные, – сказал я. – Я это видел. Я знаю.

– Вы там были! – простонал ползун.

Он был мною недоволен.

– А вы там тоже были? – спросил я. – И убежали, да?

После долгой паузы ползун сказал:

– Да.

– А почему вы разумный, а они нет?

– Скажите, – ползун отвернул голову от меня и стал столбиком, опираясь о землю двумя парами крепких, широко расставленных лап. – Скажите, а если вы родите маленького человека, совсем маленького, и сразу отнесете его на кондитерскую фабрику, он будет разумным?

– Это ваши дети?

– Это совсем маленькие, – сказал ползун. – Они еще не умеют говорить. Они еще не умеют думать. Им надо жить четыре года, пять лет, чтобы научиться говорить. Вы теперь понимаете?

– Так что же, получается, что спонсоры едят ваших детей?

– Вы тоже едите чужих детей, – сказал ползун невесело. – Вы едите рыб и животных, вы едите яйца птиц, которые еще не умеют говорить.

– Но мы не едим тех, кто разумный.

– А никто не знает, что маленький ползун будет когда-то разумным. Этого никому не говорят. Даже большинство спонсоров об этом не знают. Есть инкубаторы, в них выводят маленьких. Потом их немного растят. Потом их убивают. Это очень полезная пища, спонсоры ее кушают, но они не знают, что они кушают.

Я верил этой гусенице и не боялся ее. Но я же кидал убитых ползунов в контейнеры!..

– Вы не виноваты, – сказал ползун. – Вы не знали. Спонсоры кушают всех. Они кушают вашу планету, они кушали нашу планету.

– Но матери… где матери малышей?

– Мне сложно объяснить систему размножения, – сказал ползун. – Это надо изучать. Если интересно, я потом расскажу.

– Значит, взрослых ползунов здесь нет?

– Взрослый – я, – сказал ползун. – Они завозят сюда оплодотворенную икру – это экономично. И никто не знает.

– Но зачем? Разве на Земле мало пищи?

– Есть пища, а есть оптимальная пища, – сказал ползун, покачиваясь, как кобра, желающая нанести укус. – Наши дети – идеальная пища. Теперь ее потребуется больше. Людей станет еще

меньше, а такой пищи надо больше.

– Вы знаете, что людей будет меньше?

– Я немного знаю.

– А почему вы здесь?

Живот у ползуна был хитиновый, блестящий, словно рачий хвост. А на боках и спине росла торчком шерсть. Ползун был некрасивый и даже страшный. Но я привык к ползунам. К тому же если чудовище с тобой разговаривает и даже жалуется тебе – трудно его бояться.

Ползун не хотел отвечать на мой вопрос. Если бы его глаза не были неподвижны, я бы сказал, что он рассматривает травинки.

– Я иду, – сказал ползун наконец.

– Неужели? И куда же вы идете?

– В Аркадию, – сказал ползун.

Это слово мне ничего не говорило.

– Где эта Аркадия? – спросил я.

– Далеко, – сказал ползун.

– Вы пойдете со мной? – спросил я.

– Куда?

– Я тут недалеко живу. Там мои друзья.

– Я не отвечу, – сказал ползун.

– Вместе лучше, – сказал я.

– Вместе лучше, – как эхо ответил ползун, но не двинулся с места.

– Вы идете?

– Нет, извините, – сказал ползун и опустился на лапы, превратившись в самую обыкновенную, правда, крупную гусеницу.

– Я пошел, – сказал я.

Ползун начал отходить от меня задом наперед.

Я подумал, как же он не доверяет людям – всем, потому что на нашей планете убивают его детей.

– Тогда счастливо оставаться, – сказал я, хотя расставался с ним с сожалением. Любое существо, встреченное мною, что-то может рассказать. И ползун тоже. Ведь где-то он скрывался, сбежав с кондитерской фабрики, в чем я почти не сомневался, где-то научился русскому языку, зачем-то попал в этот лес, кого-то ждет…

Ползун скрылся в зарослях, я не преследовал его.

Я повернулся и пошел прочь из леса. Сзади было тихо.

Я вышел к роднику, а от него, напившись, пошел к храму.

Пройдя несколько домов, я остановился.

Как легкомысленно с моей стороны уйти, ничего не узнав! Ведь недалеко отсюда, за болотом, наша землянка. Там старенький отец Николай и маленький мальчик. А если появление ползуна

– одна из попыток выследить нас? И я так легко попался на его речи о зверском уничтожении маленьких ползунов?

Могу ли я ему верить?

Конечно же, ответ был отрицательным.

Я остановился. Заросшая улица спускалась вниз. Было тихо, пусто, жарко.

Почему ползун не захотел пойти со мной? Ведь ему хуже одному, чем с нами? Как он попал в эти пустынные места? А если он не выслеживает нас, может, должен с кем-то встретиться?

Я должен все это выяснить.

Убедившись, что меня от родника не видно, я перебежал к ушедшему в землю, развалившемуся дому. Возле него росла большая сосна, могучие ветви которой начинались невысоко над землей. Я забрался по ветвям в гущу кроны и отыскал такую позицию, с которой я, невидимый, мог с высоты птичьего полета наблюдать за родником и поляной вокруг него. Любой человек или спонсор, который приблизится к деревне со стороны речки, обязательно попадется мне на глаза.

Я устроился поудобнее и решил ждать.

Мой расчет оказался правильным. Прошло несколько минут, может быть, полчаса, и из леса, постояв осторожно на опушке и оглядываясь, вы-

лез ползун. Он скользнул вниз к роднику – видно, хотелось пить. Он пил как собака, приподняв туловище на удлинившихся лапах и опустив морду в воду.

Напившись, ползун медленно пополз к кустам. И вдруг замер. Он что-то услышал – я же был оттуда далеко и ничего не слышал.

Одним прыжком ползун нырнул в кусты. Листья их вздрогнули и замерли.

По широкому броду, перепрыгивая с камня на камень, в нашу сторону двигалась одинокая человеческая фигурка, легкая, быстрая, тонкая. Я не мог разглядеть лица человека на таком расстоянии.

Человек пересек речку и уверенно отправился к роднику.

Не доходя полсотни шагов до родника, человек остановился. Он прислушивался.

Потом сунул в рот два пальца и негромко свистнул. Значит, он знал, что его должны ждать. Значит, ползун и в самом деле пришел сюда не случайно.

Кусты зашевелились, и из них, приподнявшись на задних лапах, вышел ползун.

Подобно пингвину, он, переваливаясь, двинулся навстречу человеку, страшно знакомому

мне, но человек стоял ко мне спиной и я не мог разглядеть его лицо. Ну повернись в профиль, просил я мысленно человека, я хочу тебя узнать!

Он повернулся в профиль, и я закричал:

– Эй, стойте, не уходите!

Ободрав грудь, я скатился вниз с дерева и кинулся к ползуну и Ирке, что стояла рядом с ним, подняв пистолет. Мне было видно, что ползун что-то объясняет ей, и когда я подбежал ближе, она уже спрятала пистолет, кинулась ко мне, широко расставив худые руки. Ирка повисла на мне и заревела, тыкаясь мокрым носом в меня и елозя ладошками по спине.

– Я же знала, – говорила она сквозь слезы, – я же знала, что ты живой! Врут они все, что тебя убили. Я же не зря тебя искала.

Волосы Ирки пахли дымом и солнцем.

Ползун стоял за ее спиной и покачивался на хвосте, будто не мог решить – бежать ему отсюда со всех ног или, наоборот, радоваться, что путешествие закончилось.

По дороге через болото Ирка успела мне рассказать, что искала меня, даже пробралась в питомник, она была очень осторожна и не попалась на глаза спонсорам. Одни ей говорили, что меня отравили вместе с птичкой Марусей,

другие, что увезли. Людмила надеялась, что мы убежали – в ту ночь летало много вертолетов и съехалось несколько машин с милиционерами. Если бы я был убит, зачем такая суматоха?

– Тебя Маркиза послала? – спросил я. – Или ты сама?

– Маркиза знает, что я тебя ищу, но она сейчас так занята своими делами! Спонсор Сийнико везет ее в Аркадию – оттуда ее отправят в Галактический центр!

Слово «Аркадия» я услышал в тот день уже во второй раз.

– Зачем? – спросил я, имея в виду Маркизу.

– Чтобы исправить ее тело.

– А я собирался уже завтра идти в Москву, – сказал я.

– Искать нас?

– Искать кого-нибудь, чтобы сказать – в августе спонсоры начнут ликвидацию населения Земли.

– Знаю, – сказала Ирка.

И она погладила меня по руке.

– Не могу поверить, что это ты, – сказала она. – Ты загорел, стал такой здоровый. Тебя не узнаешь. Волосы совсем выгорели.

– А что такое Аркадия? – спросил я.

– Аркадия – это счастливый город.

– Счастливый город? На Земле?

– Я о нем слышала раньше, но никто из наших туда не мог попасть. Теперь Маркиза попадет туда. И мы тоже постараемся.

– Зачем?

– Чтобы найти правду, – сказала Ирка. – Я тебе все расскажу.

О ползуне я совсем забыл. Он пробирался за нами, стараясь идти след в след – он не выносил болота и открытой воды. Время от времени он издавал высокие скрипучие звуки, и Ирка тогда, не оборачиваясь, уговаривала его.

– Скоро придем? – пискнул он сзади.

– Скоро, – подтвердил я и спросил: – А почему я ничего не знаю об Аркадии?

– Мы сами недавно узнали. Спонсоры хорошо охраняют ее, – вступила в разговор Ирка.

– Но что это?

– Это счастливый город, в котором мы с тобой живем.

– Ирка, не неси чепухи! Ты можешь объяснить по-человечески?

Мне было приятно смотреть на нее. Ни шрамы на лице, ни выбитые зубы не портили для меня эту девушку. Я знал, что она хорошая и добрая. Может быть, Маркиза в тысячу раз красивее, но

Ирка – мой друг.

– А ты почему сюда пришла? – спросил я.

– Потому что тебя искала. Маркиза хотела проверить, как ты живешь, как Сийнико держит свое слово.

– Я сам виноват, – сказал я. – Я слышал, как они обсуждали ликвидацию людей.

– И он перепугался? Конечно, он перепугался. Но Маркиза думала, что он не посмеет тебя убить. Ведь она тоже кое-чего знает.

– Она тебя послала?

– Я сама пошла. С ползуном.

– Ты была в питомнике? Говорила с Сийнико?

– Ты думаешь, я совсем глупая, да? Конечно, я с Сийнико не говорила, но я говорила с Людмилой и детьми. Многие не спали, многие слышали. И даже знали, в какую вы сторону ушли. Я решила – поищу вас здесь, в деревне, и на болоте. Вот мы и пошли. Да не пришлось искать – ты сам выскочил.

Она радостно ударила меня кулачком в бок.

– Осторожнее! – откликнулся я, перепрыгивая, балансируя на кочке. – Здесь же глубоко!

Малыш Сеня встретил нас у края болота. Увидев ползуна, он замер, в ужасе сунув в рот свой кулачок.

– Не бойся, мальчик! – крикнула Ирка. – Это мой друг.

Арсений не поверил и задом, задом отступил в чащу. Оттуда и глядел на нас.

Еще больше испугался отец Николай, который возился в своем огороде, поднял голову – и тут мы втроем!

Он решил, что дьявол во плоти почтил его своим визитом. Он крестил ползуна лопаткой, которая была у него в руке. Ползун – натура деликатная, застеснялся, что доставляет людям столько неприятных эмоций, и захотел вернуться в деревню. Пришлось мне сказать небольшую речь о благородной и несчастной расе ползунов, чьих детишек, только вылупившихся из яиц, уничтожают спонсоры.

Малыш к тому времени уже пригляделся к ползуну, вылез из кустов, подошел поближе и стал ладонью пробовать шерсть ползуна, который замер, чтобы не испугать мальчика. Отец Николай близко не подходил, часто крестился и никак не мог согреть в себе сочувствие к червяку. Он все равно подозревал нас в страшном розыгрыше, жестокой шутке, но смысла шутки он не понимал и потому на первый план не вылезал, а с темнотой ушел молиться в землянку, где у

него стояли иконы. А мы не стали ему мешать и уселись на высоком месте, под сосной. Комаров было мало, костер мы зажигать не стали, чтобы не рисковать.

– Ты нам нужен, – сказала мне Ирка. – Ты не думай, что я тебя искала, потому что к тебе неравнодушна.

– Я не думаю. – Я не смог сдержать улыбки.

– Ты нам нужен, чтобы пробраться в Аркадию.

– Отлично, – сказал я, не задумываясь о смысле слова.

– У нас мало времени. Нам нужно сорвать их планы.

– Хоть сейчас, – сказал я с облегчением. Честно говоря, в последние недели я уж стал бояться, что я единственный человек на Земле, который хочет выгнать спонсоров. Я уж думал, что все остальные довольны. Всем дали колбасу, и по пятницам отстреливают.

– А он? – спросил я, показывая на ползуна, который свернулся тугим кольцом, баранкой, размером с шину грузовика.

– Ты помнишь, как мы с тобой на кондитерской фабрике работали? – спросила Ирка.

– Еще бы не помнить!

– Ты не думай, что я случайно там была. Мы там

яйца ползунов воровали, помнишь? Потому что этот ползун уже с нами был и все рассказал.

– Спонсоры не дикари, – сказал ползун, приподняв голову, – они цивилизованные правители. Они никогда не поднимут руку на разумное существо. А если у разумного существа есть неразумный младенец, с ним можно делать что угодно – и видимость соблюдена и голод утолен.

Сказав такую фразу, ползун надолго замолчал.

– Давай я расскажу про Аркадию, – сказала Ирка.

Оказывается, вдали от иных городов и поселков спонсоры построили счастливый, образцовый город Аркадию. В нем живут люди, довольные тем, что спонсоры прилетели на планету и занимаются тут экологическими проблемами.

Если на Землю летят какие-нибудь гости, скажем, инспекция Галактического центра или какие-то ученые с Бог знает какой планеты, их отвозят в Аркадию. И там они наблюдают Землю и землян. Все удовлетворены.

Разумеется, остальным жителям Земли знать об Аркадии не положено. Одни захотят туда переселиться, а другие – сжечь или взорвать счастливый город.

Через три дня на Землю прилетает инспекция.

Нам надо оказаться в центре Аркадии и любой ценой встретиться с инспекторами. И рассказать им правду. Попытка только одна – второй не будет.

– И я тебе нужен?

– Ты нам нужен, – сказала Ирка. – Ты смелый и сильный, ты умеешь фехтовать и не боишься спонсора. Ты убил спонсора.

– Я убил спонсора, – повторил я негромко. Это было уже туманное, далекое воспоминание. Как будто не имевшее ко мне отношения.

– Но больше всего ты нужен, потому что был в питомнике и все знаешь о любимцах.

– Господи, – вздохнул и начал бормотать в землянке молитву отец Николай, жизнь которого, обязанная течь разумно и с пользой для людей, превратилась в семьдесят лет кошмара, чудовищ, смертей и гибели его мира. Даже и сейчас он не мог довериться нам, потому что рядом с его землянкой сидят мальчишка с перепонками на руках и ногах и говорящий червяк.

– Я тоже с вами пойду, – сказал Сеня.

– Я тебя не возьму, – сказал я.

– А я спрошусь у тети Иры. Мне уже девять лет. Когда рыбой вас корми – тут я нужен. А как в Аркадию – меня не берут. Я все равно пойду.

– А ты что умеешь? – спросила Ирка деловито.

– Не знаешь, что ли? Я же земноводное. Я могу под водой жить.

Ирка немного подумала и потом сказала, обернувшись к ползуну:

– Он нам будет нужен.

– Он нам нужен, – сказал ползун.

– Спасибо, – обрадовался Сеня.

Но мне его не хотелось брать. Он еще мальчишка и слишком смелый. Мальчишки очень легко погибают – тем более в этом чертовом мире. Но кто меня будет слушать? Меня никто не боится.

Ночь была теплая, безветренная, комаров немного. Все, кроме отца Николая, улеглись спать снаружи. Ползун во сне дергался, разворачивался и снова сворачивался в кольцо. Ирка спала, устроив голову у меня на груди, в углублении, где грудь встречается с плечом. Она дышала тихо-тихо и не ворочалась.

Я не выспался, потому что боялся заснуть, неосторожно повернуться и разбудить Ирку.

Мы быстро собрались, но выйти сразу не удалось – над лесом, низко и настойчиво кружил вертолет. Ирка решила, что ее заметили в питомнике.

Когда вертолет улетел, мы пошли по тропинке, которая через два часа вывела нас на просеку.

Вдоль просеки когда-то стояли металлические конструкции; Ирка объяснила, что башни соединялись проводами, по которым передавалось электричество. Но теперь провода порвались, ажурные вышки покосились и некоторые упали.

Я старался не спешить – я не хотел, чтобы Ирка уставала. Но она шла легко. Мой малыш тоже не подводил нас. А ползун, если уставал ползти, подтягивал хвост к голове и катился, собравшись в кольцо.

Мы шли по просеке, а потом по другой, более широкой, до середины дня. Там, где лес кончился, мы остановились на привал, поели, немного вздремнули, потому что Ирка сказала, что нас должны встретить. Но никто нас не встретил. Ближе к вечеру, когда жара немного спала, мы пошли дальше сами. Я уже разуверился в том, что Маркиза пришлет кого-нибудь за нами, но перед закатом мы увидели на лесной дороге телегу, запряженную парой лошадей. Возле нее стояли двое мужчин, одетых бедно, но удобно. Они не были вооружены.

Эти люди сказали, что первых встречавших задержали милиционеры.

Потом мы пошли за ними. Ползун устал больше других, и Ирка хотела, чтобы ему позволили

ехать в телеге, но мужчина, который управлял лошадьми, сказал, что лошади боятся, пускай ползун идет сзади. Я подумал, что он в первый раз видит ползуна, боится его, но из гордости не позволяет себе показать страх или отвращение.

Ползун это понимал и сказал, что и не хотел бы ехать в телеге, потому что его укачивает.

Я шел за телегой и думал, как жаль, что на кондитерской фабрике Ирка ничего не рассказала мне о ползунах. Ведь она нарочно попала туда, чтобы спасать ползунов.

Мужчины с телегой довели нас до заброшенной избушки на краю леса. Там мы переночевали. Малыш поранил ногу, Ирка перевязала его, он хромал, и к утру нога распухла. Она болела, но Сеня терпел.

Наутро к избушке подъехал старый крытый грузовик, словно спеленутый проволокой, чтобы не рассыпался.

На нем мы ехали до самого вечера – устали больше, чем если бы шли пешком, у грузовика, по-моему, вообще не было рессор.

Уже стемнело, когда грузовик затормозил в бывшем городе, у двухэтажного кирпичного дома. В доме были большие комнаты, в них стояли маленькие столы и рядом с ними скамейки – за

каждым столом могли сидеть два небольших человека. Ирка объяснила, что раньше здесь была школа – здесь детей учили считать и писать.

Все улеглись спать, а я воспользовался тем, что еще не стемнело, поднялся на второй этаж и на полу в одном из классов увидел шар, на котором были нарисованы желтые, зеленые и голубые пятна. Я вертел шар в руке и начал читать надписи. И тогда только догадался, что это – маленькая модель Земли.

Ирке не спалось, она поднялась ко мне, и когда я показал ей шар, она сказала, что он называется глобус.

– Когда мы их выгоним, – сказал я, – мы сделаем много школ для детей, и в каждой будет глобус, чтобы дети знали правду про свою Землю.

– Ты веришь, что мы выгоним спонсоров?

– Это не женское дело, – пошутил я. – Но я тебе обещаю, что я это сделаю. И довольно скоро.

– Я знаю. Мы должны добраться до инспекции, которая прилетит из какого-то важного центра, и сказать им правду, правильно?

– Правильно.

– И спонсорам станет так стыдно, что они улетят?

– Не знаю. Но должны же быть на свете какие-

то правила. Ведь если они летают между звезд, у них есть какой-то порядок.

– Посмотрим, – сказала Ирка.

На следующее утро к нам пришел милиционер. Я даже испугался, когда открыл глаза и увидел милиционера, стоящего посреди комнаты.

Милиционер снял кепи, и я узнал худенького морщинистого Хенрика. Я обрадовался ему.

Хенрик пожал мне руку и сказал, что я выгляжу молодцом. Он уже знает о том, что меня хотели убить в питомнике, но я убежал.

– Мы довольны тобой, – сказал он. Его голос звучал покровительственно.

А я подумал, что меня не надо опекать. Я не люблю такого тона.

Но я, конечно, ничего не сказал.

Мы поднялись следом за Хенриком в класс, где я нашел глобус. Мы, то есть Ирка, ползун и я. Ползун легко поднимался по лестницам – как бы перетекал по ступенькам.

Хенрик вытащил из кармана сложенный лист бумаги. Развернул его на столе. Это оказался план города, представлявшего собой широкий полумесяц.

– Вы видите счастливый город, он же – Аркадия. Слышали?

– Слышали, – сказал я.

Ползуну было неудобно смотреть. Когда он стоял на задних лапах, его глаза поднимались всего на метр над полом. Когтями передних лап он держался за край стола. Хенрик объяснял план, а я смотрел на ползуна и думал о том, как мне трудно привыкнуть к тому, что имею дело с разумным существом, судьба которого так трагична. Ведь, судя по всему, он тоже был предназначен на убой, но случайно или с помощью Ирки смог избежать дубинки и прожить в укрытии несколько лет… Как мало я знаю еще о жизни на собственной планете!

– Внутри полумесяца вы видите овал, – продолжал Хенрик. – Это наблюдательный центр спонсоров. Сюда нам и надо проникнуть.

– А вокруг что? – спросила Ирка, проведя пальцем по белой полосе, отделявшей полумесяц города Аркадии от овала.

– Это ров с водой.

– Ширина, глубина?

– Насколько я знаю, он неширок, но глубок. Главное в том, что если вы и переберетесь через ров, это ничего не даст. Вы окажетесь перед вертикальной стеной, которая поднимается из воды.

– А город охраняется?

– Еще как! – сказал Хенрик.

– Кто пойдет? – спросила Ирка.

– Туда пойдут только свидетели – ты, ползун и Тим.

– А Сенечка? – спросила Ирка.

– Он еще ребенок.

– Ему девять лет, – сказала Ирка.

– Странно, а я думал не больше пяти. Все равно я думаю, что ему не стоит идти, – сказал Хенрик.

Он говорил авторитетно, и я понял – он привык, чтобы ему подчинялись.

– Он самый главный свидетель, – сказала Ирка, – ты просто не знаешь.

– В чем?

– Он – человек-рыба. Если мы будем говорить об опытах на людях, он – самое лучшее доказательство.

– Пускай идет, – сказал Хенрик.

– Расскажи, пожалуйста, подробнее о счастливом городе, – попросил я Хенрика. – Откуда он взялся?

– Слушай, – сказал он. – Спонсоры – не пираты и не разбойники. Это цивилизация, достигшая многого, куда больше, чем мы. Спонсоры осваивают ненаселенные миры, устраивают, как и другие цивилизации, свои базы и научные посты

на планетах, где есть своя разумная жизнь. Но при том они должны по мере сил не вмешиваться в жизнь местной цивилизации. И ни в коем случае не наносить ей вреда. Чтобы не было недоразумений, через определенные промежутки времени, скажем через несколько лет, на колонизированные планеты прибывает инспекция Галактического центра. Такая инспекция прилетит завтра в Аркадию.

– Но почему именно туда? – спросил я, уже понимая, что в ответе на этот вопрос и заключается самое главное.

– Правильно, – Хенрик улыбнулся мне, как, наверное, учитель улыбается сообразительному ученику. – Город Аркадия создан, придуман и построен спонсорами специально для глаз инспекторов! Вот в этом овале, – Хенрик показал на центр города, – завтра опустятся вертолеты и корабли инспекторов, чтобы они могли собственными глазами убедиться, как живут земляне.

– Я ни черта не понял! – воскликнул я. – На что они будут смотреть?

– На счастливый город Аркадию, который ты увидишь завтра утром, – сказал Хенрик. – Главное, что вам предстоит проникнуть сюда, – палец вновь уткнулся в овал, – дождаться появления

инспекции и встретиться с ней, чтобы рассказать о происходящем на Земле.

– А откуда вы знаете, что они прилетят завтра? – спросил я.

– Наивный вопрос, не требующий ответа, – сказал Хенрик. – А теперь спать, потому что завтра – трудный день.

Все спали на первом этаже бывшей школы, на полу. Мы с Сеней уже привычно накрылись моим одеялом; я думал, что Ирка тоже придет к нам.

Когда мы утром проснулись незнакомая пожилая женщина принесла нам горячий чай из душистых трав. Затем появился хромой старик с большим мешком. Он вывалил содержимое мешка на пол, и я удивился, увидев, что это – красивые одежды. Таких красивых и разноцветных одежд я не видал.

– Примеряйте, – сказал Хенрик. С помощью старика он выбрал из кучи одежду для каждого из нас. Ирка получила длинное, до земли, синее пышное платье, туфельки, подобных которым я никогда не видел, голубую шляпку с белыми перьями и сумочку в цвет шляпки. Сенечка чуть не лопнул от смеха, когда Ирка вышла, переодевшись, из соседнего класса. Потом пришла очередь смеяться мне, потому что Сенечке выдали корот-

кие штанишки, курточку с откидным полосатым воротничком и белую мягкую шляпу, которую старик называл панамкой. Ползун, конечно, не получил никакой одежды, зато я был вынужден расстаться со своими короткими кожаными штанами – впрочем, они уже совсем истерлись. Мне дали черные узкие брюки, серую рубаху, которую велено было заправить в брюки, мягкие башмаки, в которых хорошо ходить по паркетному полу, но плохо по лесу. И еще я получил куртку, которая называлась пиджак. Я приспособил свой нож к брюкам, хоть Хенрик был недоволен и хотел, чтобы я пошел к спонсорам безоружным. Но потом он сдался – я обещал без надобности его не доставать.

Потом нам пришлось довольно долго ждать. За нами должны были приехать, но все не приезжали.

– А что это за одежда? – спросил я.

– В такой одежде ходят жители счастливого города, – сказала Ирка. – Мы должны будем стать точно такими же, как и они.

Мы еще подождали.

Потом я спросил:

– А откуда нам ее принесли?

– Из города, – сказала Ирка.

В длинном платье и шляпке она стала совсем другой, более женственной, мягкой. Мне такой она нравилась больше.

– А где Маркиза? – спросил я.

– Ты ее увидишь, – сказала Ирка.

– А ее не отправили к спонсорам? – спросил я.

– Может быть, она сегодня туда улетит, – ответила Ирка.

Быстро вошел Хенрик.

– Выходите, – сказал он. – Все готово.

Перед школой стоял большой фургон, запряженный парой тяжелых коней. Фургон был зеленого цвета, на нем были изображены фрукты и овощи в натуральных цветах. Это было очень красиво.

На облучке сидел краснощекий молодой человек в костюме, схожем с моим, только вместо пиджака на нем была куртка. Кроме того, на голове у него была круглая черная шляпа.

– Главное, – сказал Хенрик, – незаметно пробраться в счастливый город.

– В этом фургоне? – спросила Ирка.

Возница обернулся к нам и улыбнулся. У него были белые висячие усы.

Хенрик подошел к фургону и раскрыл его задние дверцы. Там стояли ящики с овощами.

– А где мы устроимся? – спросила Ирка. – Я так платье испачкаю.

– Не здесь, – сказал возница. – Здесь они вас сразу отыщут.

– Но где же мы спрячемся? – спросил я.

Возница подошел к фургону сзади и жестом фокусника повернул какой-то рычажок.

Под фургоном откинулась деревянная крышка, скрывавшая узкий ящик, прикрепленный к днищу фургона. Высота ящика была не более полуметра.

– И мы должны туда забраться? – в ужасе спросила Ирка.

– Иначе к нам не проехать, – сказал возница. – Посты на дорогах – раз, силовое поле – два.

– Может, на вертолете лучше? – спросил я. Мне тоже не хотелось залезать в темную щель.

– Вертолет собьют через минуту, – охотно сообщил возница.

– Не тратьте времени на пустые разговоры, – сказал Хенрик.

– Тебе хорошо, – огрызнулась Ирка, – тебе не надо туда лезть.

– В следующий раз я полезу, – улыбнулся Хенрик.

Мы залезли, вернее, нас затолкали в ящик. Бы-

ло тесно и темно, свет проникал лишь в тонкие щели. Я лежал на животе, Ирка предпочла лечь на спину. Ползун прижался ко мне – он был прохладным, и мне было неприятно, что он может вцепиться в меня коготками, которыми заканчивались его сильные короткие лапы.

– Ты как, Сеня? – спросил я. Мальчик залез первым в самую глубину.

– Живой еще, – сказал Сеня.

Фургон медленно покатил по неровной дороге, и я почувствовал все неудобства от путешествия в ящике.

– Зачем такой ящик нужен? – спросил я.

– Для контрабанды, – сказала Ирка. – Они давно провозят контрабанду. Но мы смогли внедриться в эту цепочку только недавно.

Фургон не спеша, подскакивая на выбоинах и покачиваясь на грубых железных рессорах, катился по дороге.

Я смотрел в узкую щель, как раз под моим правым глазом. Видна была проселочная дорога, поросшая между колеями редкой травой. Пыль, поднимавшаяся от колес фургона, попадала в щель, и приходилось жмуриться, чтобы не засорить глаза.

– Скажи, – спросил я, поворачивая голову к

Ирке, – а как вы узнали, что именно завтра прилетит инспекция?

– Узнали, – туманно сказала Ирка.

Но тут я услышал голос ползуна, знаниям которого я все более удивлялся.

– Вы, люди, – большие хитрецы, – сказал он скрипучим голосом. – Маркиза улетает в Галактический центр. Сийнико сказал, чтобы она была готова сегодня.

– Помолчи! – огрызнулась вдруг Ирка. – Это Тима не касается.

И я понял, что она ревнует. Нет, я был ни при чем, но Ирка считала себя уродливой из-за выбитых зубов и шрама на лице. Ей, наверное, тоже хотелось бы полететь в Галактический центр и сделать себя красивой. Но ей никто этого не предлагал. Так я понял ее тон.

– А почему Сийнико посылает ее? Разве других людей посылали?

– Посылали, – коротко ответила Ирка.

– Она полетит на космическом корабле? – спросил Арсений.

– Если Маркиза должна быть готова, значит, прилетит корабль из Галактического центра, – сказал ползун.

– Эй! – услышали мы голос возницы. – Помол-

чите. Скоро пункт проверки.

Трясти стало не меньше, но иначе. В щель были видны округлые булыжники – фургон выехал на мостовую. Послышались неотчетливые голоса. Возница прикрикнул на лошадей, я представил, как он натягивает вожжи. Я люблю лошадей – в школе гладиаторов я надеялся стать хорошим рыцарем и получить коня, а до того всегда вызывался поработать на конюшне, убирать за лошадьми, чистить их, кормить. И лошади ко мне хорошо относились – лошади чувствуют людей.

Фургон остановился.

– Что везешь? – услышал я грубый голос.

– Смотрите.

Фургон чуть качнулся. Я догадался, что возница соскочил с козел. Прямо над нами ржаво заскрипели петли – раскрылись дверцы в фургон.

Фургон снова закачался. Над моей головой доски чуть прогибались – там ходил человек, который двигал ящики, рылся в картофеле, расшвыривал кочаны капусты…

– Вы там поосторожнее, – сказал возница, стоявший за фургоном, – мне все в магазин сдавать.

– Ты только поговори у меня! – пригрозил грубый голос.

Но, видно, осмотр его удовлетворил. Он вылез

из фургона.

– Два кочана – много, – сказал возница. – Вы один кочан возьмите.

– Не разговаривать! – рассердился обладатель грубого голоса. – А ну, поехал! Умные все стали – кочан не возьми, тыкву не бери, картошку не трожь. А у меня трое! Чем кормить будешь!

– Все, – сказал возница. – Успокоились. Разошлись.

Я почувствовал, как он лезет на козлы.

– Ннно! – прикрикнул он на лошадей.

Фургон покатился по булыжной мостовой.

– Вот здорово, – сказал Сенечка, – а то у меня нос зачесался, чтобы чихнуть.

– Теперь чихай, – сказал я. – Теперь можно.

– А теперь не хочется, – сказал Арсений.

Мы ехали еще полчаса. Фургон поднялся в горку, потом резво покатился вниз, и возница осаживал лошадей. Булыжник сменился брусчаткой, и стало меньше трясти. Порой слышались голоса, звук колес встречных экипажей. Наконец фургон свернул с большой улицы на узкую, немощеную. Он развернулся и чуть подал назад. В ящике стало темнее.

Фургон окончательно остановился, возница соскочил с облучка и распахнул двери фургона,

потом – крышку ящика.

Помогая друг другу, мы с трудом выползли наружу.

Ползун был резвее прочих и первым вывалился на землю. Возница, видно, забыл, как выглядит один из пассажиров, отшатнулся и выругался.

– Такой большой, а боится, – сказал с осуждением Сеня, который забыл, как боялся ползуна.

Фургон стоял задом к открытым дверям склада или сарая.

– А теперь отдыхайте, – сказал возница.

Он с облегчением улыбнулся.

– Я боялся, – сказал он, – что кто-то из вас чихнет или зашевелится. На заставе они лютые – если хоть какое подозрение, стреляют без сомнения. У нас некоторые погибли.

– Кто погиб? – спросил я.

– Кто контрабандой балуется.

Возница вытащил из кармана пригоршню монет и банкнот.

– Это вам, – сказал он. – Если проголодаетесь, можете погулять по городу. Тут, на улице Белых роз, есть кафе, недорогое, а кормят вкусно. Так что пообедайте.

– Как так пообедайте? – удивилась Ирка. – А это не опасно?

– Все, – улыбнулся возница. – Мы же контроль проехали. А теперь мы в Счастливом городе. Здесь всем все до лампочки, поняла?

– Нет, не поняла. Мы, наверное, лучше до вечера посидим в складе.

– Как хотите, – сказал возница, – я вам не нянька. Только как стемнеет – чтобы быть здесь. За вами придут и покажут место, где в пункт проникнуть. Только я очень сомневаюсь.

С этими словами он ушел, оставив нас одних.

Склад был пуст, видно, в нем давно не было никаких товаров – в углах шуршали крысы, углы и потолок были затянуты паутиной.

Уходя, возница прикрыл большую тяжелую дверь склада. Было слышно, как постукивают колеса уезжавшего фургона.

– Мы пробудем здесь до темноты, – сказала Ирка, которая была в нашей компании главной. – За ночь нам надо будет проникнуть в башню Наблюдений.

– Куда? – громко спросил из дальнего угла Сенечка – он уже вынюхивал, высматривал что-нибудь съестное. Он был всегда голоден. Впрочем, сейчас голод ему не угрожал – у нас был с собой целый мешок с едой.

– Помнишь овал на плане? – спросила Ирка,

но не Сенечку, а меня. – Это и есть башня. С ее вершины спонсоры и инспектора, а то и туристы с других планет могут наблюдать естественную жизнь типичного земного города. Туда нам и надо попасть.

– Значит, они не в сам город прилетают?

– Ни в коем случае! – сказала Ирка. – Господа спонсоры и их гости твердо придерживаются принципа невмешательства. Каждая отсталая цивилизация должна развиваться своим естественным путем. Ей можно помогать ускоряться в развитии, но ни в коем случае не мешать, не эксплуатировать ее планету – Галактическое содружество создано для благородных целей.

– А как же они смотрят? – спросил я.

– Скоро увидишь, – сказала Ирка.

– Она сама не знает, – заявил Сенечка.

Он подошел к тяжелой двери и выглянул в щель.

– Здесь никого нет, – сказал он. – Можно я погуляю?

– Подожди, – сказала Ирка. – Пока нельзя.

Но Сенечка, разумеется, не услышал ответа и скользнул в щель.

Она подбежала к двери и стала смотреть наружу.

– Теперь поздно, – сказал я. – Он уже гуляет.

– Я пойду за ним, он может сорвать всю акцию. Неужели ты не понимаешь, как это важно?

Я подошел к двери и тоже посмотрел наружу.

Дверь склада выходила на короткую пустынную улицу, состоявшую из подобных же складов и других служебного вида помещений. В конце улицы была видна вода – река или некий водоем. В ту сторону и побежал Сенечка.

За водным пространством поднималась гладкая бетонная или пластиковая башня, уходившая вверх до самого неба.

Я вышел наружу и поспешил к воде следом за мальчишкой. Мной владела тревога. Я сразу догадался, что башня и скрывает наблюдателей. И если малыш выдаст себя, он погубит всю операцию.

– Сеня! – крикнул я на бегу. – Сеня, немедленно назад!

Мальчишка не слышал или не хотел слышать меня. Он добежал до воды и остановился. Я испугался, что он нырнет, но он медлил.

Я выскочил из прохода между складами и оказался на пологом, поросшем мягкой травой и подорожником берегу реки, которая огибала гладкую высокую башню.

На берегу мы с Сеней были не одиноки – на откосе сидели в ряд рыболовы, все с удочками, все в белых или соломенных шляпах.

При виде нас они вовсе не всполошились, как я того опасался, а продолжали заниматься своим делом, лишь один из них, курносенький господин с седыми усами и бакенбардами в полосатой фуфайке и полосатых штанах, прижал палец к губам, предупреждая, чтобы мы не распугивали рыбу. Я кивнул ему в ответ и возобновил погоню за Сенечкой, которого мне удалось поймать в тот момент, когда он уже изготовился нырнуть в воду. Я так спешил, что нечаянно схватил его за ухо, мальчишка замер и принялся ныть.

Не зная, что делать дальше, я обернулся и увидел, как по откосу, подобрав длинную синюю юбку, изящная до изумления, спускается красавица, на которую глазею не только я, но и все рыболовы.

Красавица приблизилась к нам и открыла ротик, обнаружив отсутствие передних зубов, что, конечно же, разрушило ее изысканный образ для тех, кто близко к ней находился.

– Молодой человек, – сказала она негромко, но решительно, обращаясь к Сенечке. – Твое счастье, что Тим тебя поймал раньше, чем я. Сейчас ты,

негодяй, чуть не сорвал операцию, ради которой некоторые люди уже погибли, а другие еще погибнут. Операцию, от которой зависит будущее Земли.

Хоть и говорила она тихо, мне казалось, что от ее голоса покачиваются бетонные стены цитадели спонсоров. Рыболовы должны бы разбежаться от этих страшных слов. Но рыболовы ничего не слышали и блаженствовали на солнышке.

Сенечка побледнел от страха. Мне кажется, что он никогда еще в жизни так не пугался.

– Я только окунуться… я сразу назад… я не думал, я больше не буду, – бормотал малыш. Мне стало жалко его. Ирка увидела, что моя рука движется к его головке, чтобы погладить, и в мгновение ока ринулась вперед и дернула меня за руку.

– Не смей, – шепотом закричала она. – Если я делаю ребенку реприманд, то ты, Ланселот, будь любезен, потерпи, не вмешивайся, как бабуся, в педагогический процесс! Песталоцци проклятый!

Мы с Сенечкой рты открыли – оказывается, Ирка знает такие ученые слова!

– Пошли отсюда, – приказала она, – рыболовы нас уже запомнили. Кто-нибудь обязательно

сбегает и настучит.

Мы с Сенечкой покорно и виновато пошли за Иркой вверх по зеленому склону. Было жарко, хоть день еще не дошел до половины. Легкие кучевые облака таяли, приближаясь к солнцу, будто оно высушивало их.

Мы поднялись обратно к пустым складам и там остановились, разглядывая башню.

Более всего она была похожа на бетонный пень. Диаметром он достигал метров ста, высотой – более того. В верхней части гладких стен были видны узкие окна-бойницы, а верх был увенчан зубцами.

Пень уходил в воду – темную, быстро текущую речку, шириной как улица, на которой свободно могут разъехаться четыре автомобиля. Мне показалось странным, что в речке такое быстрое течение, ведь на плане она представляла собой замкнутое кольцо – ров. Я понимал, что нам придется преодолеть эту водную преграду, но как это сделать, я не представлял. Тем более непонятно было, что же делать потом: на стометровую бетонную стену вскарабкаться невозможно.

Тут же обнаружилось еще одно препятствие.

Один из рыболовов привстал, и я увидел, что поплавок, оттянутый до отказа течением напра-

во, ушел под воду, а рыболов подсек и потянул добычу к себе. Серебряная рыбка показалась над водой – но в тот же момент из воды высунулась страшная морда, заканчивавшаяся острым хищным клювом. Открылся большой рот – чудовище схватило рыбку и проглотило ее вместе с крючком и наживкой. Рыболовы дружно ахнули и сбежались к пострадавшему товарищу выразить сочувствие. Но они никак не были удивлены происшедшим – видно, они знали, что во рве водятся такие чудовища. У меня похолодело сердце: я представил себе, как мы войдем ночью в эту воду и как чудовища сожрут Ирку и Сенечку. О себе я не подумал.

– Что это? – спросил Сенечка. – Я никогда не видел.

– И я не видел, – сказал я. – Но я думаю, что ночью они спят.

– Только без паники, – сердито сказала Ирка, – вы уже готовы убежать назад.

– Никто никуда не бежит, – сказал я.

– Ползун с ними расправится как с котятами, – сказала Ирка.

Мне показалось, что последнюю фразу она только что придумала.

– Пойдемте поглядим на город, – сказал я, чтобы

не ссориться.

– Чем меньше мы будем гулять, тем лучше, – возразила Ирка.

– Интересно же посмотреть, как живут люди в счастливом городе Аркадии!

– И мне интересно, – сказал Сенечка.

– Хорошо, – согласилась Ирка, – только руками ничего не хватать, не привлекать к себе внимания, не драться и не спорить.

– Разумеется, – сказал я. – Без сомнения.

Я понимал, что Ирке не меньше чем нам интересно погулять по сказочному городу. Ведь даже если мы останемся живы, мы никогда больше сюда не попадем. Ирка оглядела нас, приказала мне вычистить пятно на брюках, а Сенечке отряхнуть шапочку и почистить травой ботинки.

– Если кто-нибудь что-нибудь спросит, – приказала Ирка, – мы – счастливая семья: Беккер-отец, Беккер-мать и Беккер-сын.

– А кто Беккер-сын? – спросил Сенечка.

– Ты, мой ласковый, – сказала Ирка и щелкнула его по лбу.

– Еще чего не хватало! – возмутился малыш и протянул мне ручку. – Я лучше буду с Тимом гулять, он не дерется, – сообщил он ей.

Мы миновали склады. Дорожка, что вела к

ним, вливалась в настоящую улицу, замощенную булыжником.

По обе стороны улицы были небольшие палисадники, в которых цвели сирень и тюльпаны. За палисадниками тянулись одноэтажные уютные домики под красными крышами, покрашенные в веселые цвета. Из труб вились дымки, а из кухонных окошек тянуло вкусной пищей. Кое-где в палисадничках копались старушки, сажали рассаду, пропалывали грядки. При виде нас некоторые распрямляли свои старые спины и вежливо с нами здоровались. Мы, разумеется, здоровались в ответ.

Из некоторых открытых окон доносилась приятная музыка. Я заглянул в одно из них и увидел, что там, за небольшим пианино, сидит приятная девушка с высокой прической и играет.

Сенечка шел, не закрывая рта – никто из нас ничего подобного не видел, но мы с Иркой как могли скрывали свои чувства, свое удивление, а Сенечка скрывать его не намеревался.

Когда короткая улица особнячков окончилась, мы повернули на другую, где палисадников перед домами, как правило, не было, да и сами дома были крупнее, порой двухэтажными, кирпичными. На подоконниках окон, выходивших на улицу,

стояли горшки с цветами, а также аквариумы и клетки с певчими птицами. Порой между ними выглядывала бабушкина или дедушкина голова и улыбалась нам. Мы улыбались в ответ.

На всем, что мы видели, была печать довольства, обеспеченности и аккуратности.

В конце той улицы, которая, судя по табличке на почтовом ящике крайнего дома, называлась «Яблоневая», мы нашли кафе «Уют». Оно занимало первый этаж небольшого розового дома. Перед открытой дверью на тротуаре стояли под полосатыми зонтиками два столика, покрытые клетчатыми скатертями. Мы заглянули внутрь. Там тоже были столики. За одним сидел бледный худой человек в черном костюме. На полу рядом с его стулом лежал моток веревки и высокая черная шляпа, которая, как я потом узнал, называется цилиндром. Черный человек большой ложкой ел из хрустальной вазы мороженое с фруктами.

Внешняя стена кафе была стеклянной, сквозь нее мы видели башню. Вид был красивый.

– Здравствуйте, – сказала Ирка, которая скорее меня осваивалась в неизвестной обстановке. – Можно у вас позавтракать?

– Я трубочист, – вежливо сообщил человек в черном. – У меня сейчас второй завтрак. Меня

ждет работа. Но сейчас мы вам поможем. Елена! Елена Константиновна!

Тотчас же занавеска, скрывавшая заднюю дверь, откинулась, и в помещение впорхнула молодая полная женщина в розовом в оборках платье до пола, с высоко забранными кверху волосами, увенчанными высоким, усыпанным блестками, гребнем.

– Ах, простите, – сказала полная дамочка. – Я зачиталась на кухне. – Новый роман Тургенева! Вы любите Тургенева?

У меня вдруг возникло странное ощущение – настоящие ли люди нас здесь окружают? Может быть, это органчики, счастливые роботы?

– Что будем кушать? – спросила дамочка.

– А что есть? – спросила Ирка.

– Все зависит от того, сильно вы спешите или умеренно? Если сильно, то я предложу вам бутерброды с сыром, кофе с молоком и печенье.

Сенечка проглотил слюну.

– Но мы не очень спешим, – нашлась Ирка.

– Тогда – яичницу из трех яиц для каждого с ветчиной. Вы употребляете ветчину? Она немного жирная сегодня.

– Несите! – сказала Ирка.

– Одну минутку, рада вам услужить.

Дамочка побежала прочь, напевая на ходу. Черный трубочист поднялся из-за стола, положил на стол банкноту и ушел не попрощавшись.

– Я хочу жить в этом городе, – заявил Сенечка.

– Наверное, я сплю, – сказала Ирка. – Три яйца на каждого. Я, может, за всю жизнь три яйца съела.

– И я! И я! – засмеялся Сенечка.

– Интересно, а нам денег хватит? – испугался я. – А то мы можем провалить всю операцию.

– Наверное, хватит, – сказала Ирка.

– Одну минутку! – крикнула, высунувшись из-за занавески, хозяйка кафе. – Если хотите, можете посидеть на улице, я туда вам вынесу.

– А точно, интересно, – сказал Сенечка и первым пошел наружу.

Мы уселись за столиком. Я с удовольствием смотрел на моих спутников. Удивительно, как легко люди привыкают к хорошему. Мы сидели, словно благополучная семья из какой-то нечитанной мною книжки. Светило мягкое солнце, улица, замощенная ровной, хорошо подобранной брусчаткой, была такой чистой, словно пол в доме. Недаром же все, кто слышал о Счастливом городе, мечтают в него попасть.

По улице изредка проходили люди, некоторые

раскланивались с нами. Были они старомодны и казались актерами из старинной пьесы.

– Интересно, – произнес Сенечка, – а до спонсоров все люди так жили?

– По-разному, – сказала Ирка. Я понял, что и она толком не знает, как жили люди.

Из двери вышла с подносом хозяйка кафе.

Она поставила посреди нашего стола большую сковороду с яичницей, расставила тарелки и разложила вилки и ножи. Она собиралась уйти, но тут увидела, как Сеня уже старается подцепить вилкой край яичницы.

Вдруг милая женщина густо покраснела и прошептала:

– Вы с ума сошли! Не трогайте! Не смейте!

Удивленный Сенечка спрятал руки под стол, решив, что женщину испугали его перепонки. Но причина ее волнения заключалась в другом.

Женщина удивленно взмахнула пухлыми ручками:

– Вы что, первый раз в ресторане?

– Чем мальчик вас рассердил? – спросил я.

– Куда он вилкой тычет, а? Он что, копию захотел испакостить? А где я новую достану, я вас спрашиваю? Меня же без копий закроют!

– А что же нам есть? – спросила Ирка.

– Сейчас я хлеб принесу, – ответила пухлая дамочка. – А если кто голодный, то могу чаю дать, с овсянкой. От меня голодными не уйдете, не то что из «Савоя». Там только копии, вы представляете!

Я протянул руку и потрогал яичницу. Яичница была холодной и скользкой. Она была сделана из пластика.

– Но зачем вы нас обманываете? – удивился я. – Ведь вы же деньги все равно за яичницу возьмете?

– Не за поросенка же брать! Я вам его не носила.

– Кого вы обманываете?

– Я никого не обманываю! – Пухлая женщина была в гневе. – Я выполняю распоряжение Управления общественного питания Аркадии, которое гласит: В случае нехватки пищевого продукта или товара приказано заменять его соответствующим муляжом с внешним правдоподобием.

– Но зачем?

– А если оттуда посмотрят? – спросила хозяйка кафе, понизив голос и движением головы показав на башню.

– Ясно, – сказала Ирка, которая соображает быстрее меня, – несите кашу и чай. Не тронем мы вашу яичницу. А у вас большая нехватка?

– И не говорите! Всего не завозят!

Поклонившись, хозяйка с облегчением отошла от нашего столика. Она принесла холодную липкую овсянку и теплую воду – чай, затем остановилась у стены и стала глядеть на нас, не отрываясь. Встретив мой вопросительный взгляд, она произнесла:

– Приходится смотреть. На прошлой неделе тарелку унесли. А что касается чашек, то это просто катастрофа. Нет, я никого не обвиняю, но такой дефицит чашек, что люди идут на преступление. Правда?

– Мы приезжие, – сказал я мрачно. Овсянка была недосоленной, невкусной, словно приготовленной из опилок.

– Знаем мы таких приезжих, – ответила хозяйка кафе.

Взяла эта женщина с нас за невкусный завтрак по шесть рублей – почти все деньги, что нам дал возница.

– В конце концов, – сказала Ирка, – это даже смешно. Ты что, в самом деле поверил, что в нашей стране может быть счастливый город?

Я не ответил.

– А зачем она яйца обещала? – спросил Сенечка.

– Потому что она играет в кафе, – сказала ему Ирка.

И я подумал, что она права. Ведь мы же в городе, который придуман и сделан спонсорами – а спонсорам вряд ли есть дело, счастливы ли на самом деле жители этого города.

«Гастроном «Изобилие» – увидел я вывеску над первым этажом другого дома.

Туда входили люди с пустыми сумками, а выносили полные. Сами сумки были очень красивы: на них были изображены всяческие продукты.

Передняя стена магазина была прозрачной, а внутри горел яркий свет, так что он был похож на аквариум, в котором плавали рыбки.

Мы стояли снаружи, не заходя в магазин, и смотрели, как люди входят в гастроном, подходят к витринам, рассматривают лежащие там товары.

Мне захотелось рассмотреть магазин изнутри и я предложил моим спутникам составить мне компанию.

Небольшая очередь из прилично одетых по моде Счастливого города людей стояла возле витрины, в которой лежали колбасы разной толщины и цвета. Продавщица в белом переднике и белой кружевной наколке с милой улыбкой

отвешивала колбасу.

– Что это? – Сенечка никогда в жизни не видел колбасы. Я же был старше его и один раз угощался колбасой в школе гладиаторов.

– Сейчас я тебе куплю, – сказал я, – и попробуешь. Это колбаса.

Передо мной стоял пожилой мужчина в длинном зеленом пальто и серой мягкой шляпе. Он обернулся, услышав мои слова.

– Вы приезжие? – спросил он мягким вежливым голосом.

– Да, мы здесь недавно, – сказал я, а Ирка улыбнулась, не разжимая губ.

Мужчина потрепал Сенечку по затылку.

– Сегодня не совсем удачный день, – сказал он. – Завтра завезут любительскую и останкинскую колбасу. Мне конфиденциально сообщили. Так что я на вашем месте купил бы завтра.

– Тим, – Сенечка дернул меня за рукав. – А там колбаса ненастоящая лежит, – он показал на витрину. – Она нарисованная.

Наши соседи по очереди сделали вид, что ничего не слышали, но Сенечка продолжал настаивать, и тогда старуха в мантилье попросила меня:

– Велите, пожалуйста, вашему мальчику помол-

чать. Он может доставить всем неприятности. Нам бы этого не хотелось.

– Сеня! – приказал я.

Я видел, как люди, чья очередь подошла, показывали на какой-нибудь из колбасных муляжей, лежавших в ярко освещенной витрине, но продавщица в наколке с милой улыбкой отрезала небольшой кусок от единственного толстого колбасного батона, лежавшего перед ней.

Когда подошла очередь пожилого мужчины в зеленом пальто, он протянул продавщице квадратный клочок бумаги и ему также отрезали кусок колбасы.

Неприятное предчувствие овладело мною.

Оно оказалось правильным.

– Ваш талон, – сказала продавщица, занеся нож над батоном колбасы.

– У нас есть деньги, – сказал я.

Ирка молчала. Сенечка высовывал нос, заглядывая за прилавок.

– Я сказала – талон! – повысила голос продавщица.

Но улыбка не исчезла с ее лица.

– Граждане, не задерживайте, – произнес кто-то сзади.

Почтенная старуха в мантилье оттолкнула

Ирку и стала оттеснять меня от прилавка.

Мужчина в зеленом пальто, который задержался, обнюхивая кусок колбасы, доставшийся ему, сказал наставительно:

– Мы же не можем делиться колбасой с каждым приезжим.

– Но мы тоже хотим кушать! – сказал Сенечка.

– Кушайте у себя дома, – сказала старуха в мантилье, тоже получившая свой кусок.

Пожилой мужчина вышел вместе с нами. Он чувствовал себя неловко. Он был на вид добрым человеком.

– Вы должны понять нас, – сказал он. – Мы находимся в тисках дефицита. К счастью, нам хватает продуктов для обеспечения нужд населения. И сейчас, скажу я вам, положение постоянно улучшается.

Старуха в мантилье пошла направо, он – налево.

Мы остались стоять у магазина. Сенечка оглянулся на витрину – она была богато украшена пластмассовыми копиями разных продуктов.

– Кого они обманывают? – риторически спросила Ирка.

– Милая, – сказал я, – ты забыла, что наша планета уже сто лет страдает под гнетом при-

шельцев! Если бы Россией правили мы с тобой, колбасы было бы достаточно.

Еще около часа мы гуляли по городу, который был невелик.

Я обратил внимание на то, что все стены, обращенные к бетонной башне, были прозрачны, и помещения за ними были ярко освещены, как гастроном или отдел носок-чулок универмага.

Но помимо магазинов прозрачные стены были у мастерской, где девушки распевали веселые песни, шили платья, и в другой мастерской, где столяры изготавливали стулья. Столяры были как на подбор, славные молодые люди. Они улыбались нам сквозь прозрачную витрину так непринужденно, что мы невольно улыбались в ответ.

Наконец мы попали на вокзал. Вокзал оказался небольшим, к нему был проведен лишь один одноколейный путь. Поезд, состоявший из двух открытых вагончиков и сверкающего медными деталями паровоза с длинной расширяющейся трубой, поджидал нас у платформы, по которой носильщик вез тележку с чемоданами и прогуливался дежурный в фуражке с красной тульей.

Стайка девочек в одинаковых коричневых платьях и белых передничках выпорхнула на

платформу, и девочки щебеча расселись на лавочках первого вагона.

Красивая женщина со сложенным зонтиком в руке глядела на поезд, не изъявляя желания сесть в него.

– Поехали? – спросил Сеня.

– Но мы не знаем, куда идет поезд, – сказал я. – Мало ли куда нас завезут.

– Скажите, пожалуйста, куда направляется поезд? – спросила Ирка у дежурного по станции.

– Вы билет купили? – спросил он.

Я посмотрел почему-то направо и увидел, что передняя стена вокзала – стеклянная.

– По талонам? – язвительно спросил Сенечка.

– Без талонов, – ответил человек в красной фуражке.

Паровоз загудел.

– Залезайте, залезайте! – приказала красная фуражка. – Там заплатите.

Я обернулся к красивой женщине. Она прочла мой безмолвный вопрос и ответила:

– Не беспокойтесь, он вернется на эту же платформу.

Мы вошли во второй вагон. Старинный вагон, лишенный стен, был разделен на небольшие купе. Мы заняли одно из них, и Сенечка принялся

прыгать на мягком сидении. Начальник станции в красной фуражке погрозил ему жезлом и крикнул:

– Перестань хулиганить, высажу!

Потом он поднял жезл, паровоз еще раз загудел и, резко взяв с места, дернул вагон, так что нам пришлось хвататься за скамейки и друг за друга, чтобы удержаться. Девочки в соседнем вагоне завизжали так, что заложило уши.

Со второго раза паровозику удалось сдвинуть поезд, и он запыхтел, отходя от вокзала. Красивая женщина подняла руку с платком, провожая нас. Я помахал ей, мне ее стало жалко.

Поезд побежал, набирая скорость. К путям подходили небольшие огородики, в которых возились люди, но эти огородики вряд ли были видны с башни – они были устроены так, чтобы их прикрывали дома. Вообще нашим взорам предстала как бы изнанка жизни Аркадии. С изнанки город был не так весел, чист и хорошо покрашен.

С другой стороны путей был высокий зеленый откос, отлично видный с башни. На нем не было строений и огородов, но в некоторых местах были разбиты цветники. Затем мы долго ехали вдоль выложенной из бетонных плит гигантской

стометровой надписи «Слава экологии!»

Через несколько минут на откосе, ставшем круче и выше, возникла еще одна, не меньших размеров, надпись: «Украсим Родину садами!»

К этому времени поезд совершил уже плавный полукруг, и башня Наблюдений осталась позади. Железнодорожный путь все более углублялся в землю, и вдруг в вагоне наступила темнота – мы въехали в туннель. Сразу стук колес стал громче и резче, паровоз загудел и запахло дымом.

– Далеко отъехали, – сказала Ирка. – Как возвращаться будем?

– Вернемся! – радостно откликнулся Сеня. Как и все мы, он никогда еще не ездил на поезде, но если мы с Иркой могли скрывать свои чувства, делая вид, что такое путешествие нам не в новинку, то Сенечка ликовал открыто.

В вагоне было совсем темно. Я протянул руку и нащупал тонкие пальцы Ирки. Мною овладело странно-щекочущее чувство полета с горы.

– Ты хорошая, – прошептал я. Не знаю, услышала ли Ирка, но она сильно сжала мои пальцы. А Сенечка, не поняв, о чем речь, спросил:

– Что ты говоришь? Что случилось?

– Тебе еще рано об этом знать, – сказал я.

Ирка засмеялась.

Туннель кончился так же неожиданно, как и начался. Слева показались сады, задние стороны домиков, узкая улица, обращенная к нам некрашеной стороной. Над нами совсем близко тянулась к небу твердыня башни.

Значит, железная дорога шла по внешней границе полумесяца, который образует город, затем на конце рога полумесяца шла под землю и, обогнув твердыню, вышла на поверхность у другого рога полумесяца, совершив таким образом круг.

С другой стороны путей снова появился гигантский лозунг: «Своим трудом крепи чистоту Отчизны!»

– Ты видел много книжек, – сказала Ирка. – Все эти люди как-то не по-нашему одеты. И платья до земли, и шляпы, и этот поезд такой странный. Что это значит?

– И лошади! – вмешался в разговор сообразительный Сенечка. – Разве так бывает, что ни одной машины? Ни одного самолета?

– Лошади, – повторил я. – На лошадях ездили раньше, чем на машинах и самолетах.

– Ясное дело, что раньше! Кто такое платье по доброй воле носить будет! В нем не побежишь, не прыгнешь. А как в нем драться на ножах? – произнесла Ирка.

– Или от мента убегать, – сказал Сенечка и засмеялся.

Во дворе домика, выходившего задом к путям, сидел старик с деревянной ногой в полосатой фуфайке. Он погрозил нам кулаком и крикнул что-то непонятное. Девочки в соседнем вагоне громко пели хором. Мы вернулись в центр городка. По главной улице двигалась высокая черная карета, в ней сидела дама, которая обмахивалась розовым веером. Рядом с каретой ехал верхом молодой человек, который разговаривал с дамой, склонившись к ней.

На центральной улице, перед самым большим в городе трехэтажным домом с колоннами стояла другая карета, без лошади. Толстяк в синем халате красил ее в синий цвет, а на балконе второго этажа стоял другой толстяк в красном халате и давал указания. Три дворника в ряд подметали улицу. За ними шел человек в мундире с золотыми пуговицами и золотой каске, который следил, чтобы улицу хорошо подмели. Перед магазином стояла длинная очередь.

Низкое здание вокзала отрезало от нас улицу.

Вот и платформа. Только на этот раз мы подъехали к ней с другой стороны. Начальник станции в красной фуражке поднял жезл, приветствуя

нас. Женщина со сложенным зонтиком в руке стояла на платформе. Я взглянул на солнце – мы путешествовали полчаса.

Девочки-школьницы с шумом и гомоном посыпались из соседнего вагона. Они промчались к выходу, обтекая бурливым ручейком одинокую женщину.

Мы тоже вылезли из вагона.

– Кондуктор приходил? – спросил начальник станции.

– Нет, кондуктора не было, – сказал я.

– Ничего, завтра будет, – сказал начальник станции. – А пока можете заплатить мне. С вас по шестьдесят копеек.

Он взял деньги, приложил пальцы к фуражке и затем поспешил вперед к паровозу, откуда устало спускался машинист.

– Больше с вами никто не приехал? – спросила женщина с зонтиком.

Она была красива зловещей, роковой красотой. Ее лицо было белым, словно покрытое мукой, и на нем отчаянно сверкали черные глаза.

– Вы же знаете, – сказал я.

– Я ничего не знаю! – воскликнула женщина. – Я жду уже целую вечность!

– По-моему, вы – единственный несчастный

человек в этом городе, – сказала Ирка, как бы приглашая женщину ответить. Та ответила не сразу, она смотрела через Иркино плечо вдоль поезда, состоявшего всего из двух вагонов, будто на самом деле надеялась кого-то увидеть.

Затем, убедившись, что и на этот раз никто не приехал, женщина обернулась к Ирке и сказала:

– Я счастлива. У меня есть хорошая работа, отличная зарплата. У меня отдельная комната. Чего вы еще от меня хотите?

– А кого же вы ждете? – спросила Ирка.

– Глупости какие-то! – рассердилась женщина. – Кого я могу ждать?

– Успокойтесь, Мария Осиповна, – сказал, подходя, начальник станции. За ним шел машинист, неся небольшой чемоданчик. – Вас никто не хочет обидеть. Вы же не хотите обидеть Марию Осиповну?

– Если я работаю, честно отрабатываю свой хлеб, если я честно встречаю поезда и никому не мешаю – это не основание, чтобы меня упрекать.

– Вас никто не упрекает, – сказал начальник станции. – Это естественное любопытство приезжих. Вы ведь приезжие? Сейчас мы проверим ваши документики и узнаем, почему вы ходите по городу и задаете провокационные вопросы.

Начальник лукаво улыбнулся, но мне стало не по себе.

– Простите, – сказала Ирка жестко, – но нам некогда с вами разговаривать. Мы тоже на работе. Мы тайно проверяем, как работает железная дорога. Вам это понятно?

Она сделала такое ударение на слово «вам», что начальнику станции все стало понятно.

– Прошу прощения за задержку, – сказал он, не поверив нам, но и не желая искушать судьбу.

Мы вышли на улицу. Хвост длинной очереди в булочную пересекал мостовую. Мы с трудом пробились сквозь толпу. Толпа была веселой, улыбчивой, полной надежды и даже уверенности, что хлеба хватит всем.

Миновав очередь, мы увидели мирного вида бабусю, которая шла по улице, волоча пластиковую сумку, из которой высовывались два батона.

– Нам надо пройти к пустым складам, – сказала Ирка. – Мы приезжие и немного заблудились!

– Пошли, – радостно сказала бабушка. – Нам по дороге.

– А чего такая очередь за хлебом? – спросила Ирка.

– Завтра спонсоры будут наш город инспекции показывать. – Бабуся показала нам твердыню,

вознесенную к нему. – А у нас народ какой? Никакой благодарности! Если что будут давать – устроит очереди, не дай Бог!

– Значит, сегодня все продают на два дня вперед? – догадалась Ирка.

– А завтра как всегда! – И бабуся лукаво улыбнулась. – Лучше и не суйся!

Я угадал уличку складов, сбегавших ко рву.

Мы покинули бабусю, которая еще стояла наверху.

– Мне интересно, – сказала Ирка, – откуда они набирают таких людей?

– Может, в пробирках выращивают? – спросил Сенечка.

– Я думаю, – сказал я, – что наловили в разных местах и свезли. И теперь они уже давно тут живут, привыкли. Они счастливые, у них колбаса есть.

– Ты прав, – сказала мрачно Ирка, – им всегда повторяют, что за пределами города колбасы нет.

– А разве есть? – спросил Сенечка.

– Я пробовал, – сказал я. – В школе гладиаторов.

– Школа гладиаторов – это нетипично, – сказала Ирка. – У них связи со спонсорами, со спецснаб-

жением.

– Так я и не попробовал колбасу, – сказал Сенечка и проглотил слюну.

– Попробуешь, обязательно попробуешь. Я тебе слово даю, – сказала Ирка.

8. ЛЮБИМЕЦ НА БАШНЕ

Стемнело, но никто не шел.

На складе было холодно, мыши и крысы суетились по углам, будто переезжали с квартиры на квартиру и таскали мебель.

Сенечка томился бездельем, несколько раз выбегал из склада, потом возвращался и убитым голосом сообщал, что никого нет.

Мы доели наши припасы, потому что понимали, что завтра нас могут и не покормить.

Чтобы не сидеть в темноте, мы прошли по улице до первых домиков. В домиках горели свечи и керосиновые лампы. Над высоким домом была протянута гирлянда фонариков, но электричества в Счастливом городе не было. Какие-то люди, громко и пьяно разговаривая, шагали по улице – на всякий случай мы нырнули за угол и встали там. Возвращаться на склад не хотелось – там было холодно как под землей.

Отчаявшись дождаться друзей, мы вернулись на склад и сели в углу в обнимку, чтобы было теплее.

Открылась дверь, и возница, взглянув внутрь,

спросил хриплым шепотом:

– Вы живые?

Мы разговаривали тихо, чтобы нас никто не услышал.

Возница сказал, что сведения о завтрашнем прилете инспекции подтвердились – за вечер на башню спустилось несколько милицейских вертолетов.

– В городе все знают о завтрашней инспекции, – сказал я.

– А куда денешься? – сказал возничий. В темноте не было видно его длинных усов, но по невнятности речи я представлял, как он жует кончик уса. – Всего за день до инспекции талоны отоваривают. В день инспекции – пусто.

– А почему так? – спросила Ирка.

– Если дают продукты, – ответил возница, – то сразу бывает очередь. Как ты запретишь людям стоять в очереди, когда выкинули продукты? Вот с башни и виден непорядок.

– А плохо с продуктами?

– Мы не жалуемся, – сказал возница. – Как-то достаем, крутимся. Ведь люди знают, что в других городах с продовольствием куда хуже.

– Откуда знаете? – спросила Ирка.

– Как, откуда? У нас газета выходит, – сказал

возница с усмешкой в голосе. Я понимал, что возница хоть и местный счастливый человек, но уже испорчен общением с Хенриком и нами – жителями другого мира, испорчен скепсисом и неверием.

– А магазины завтра закроются? – спросил я.

– Ни в коем случае! Завтра будет день временной выдачи муляжей. Все мы распределены по магазинам, а некоторые приписаны к рынку. Каждый возьмет, что положено, и отнесет домой. А потом будет карнавал.

– Как жалко! – сказала Ирка. – Я никогда не видела карнавала.

– А я даже слова такого не знаю! – сказал Сенечка.

– Когда нам выходить? – спросила Ирка.

– Скоро, – сказал возница.

– Как вас зовут? – спросил я. Мне показалось неправильным не оставить в своей памяти человека, который так много для нас сделал.

– Густав, – ответил возница. И продолжал: – Сейчас мы выйдем ко рву. Разговаривать там нельзя. На башне уже много милиционеров. Спонсоры не хотят случайностей.

– А как мы поднимемся на нее? – спросил я.

– Этого не надо будет делать. Все равно не за-

браться.

– А как?

– Под водой во рву есть вход в башню. Он служит для тех случаев, если воду из рва спустят. Для чистки или ремонта. О нем никто не знает. Мы сами узнали случайно – в архиве нашли планы башни.

В вечерней тишине донесся бой часов на здании вокзала.

– Пора, – сказал Густав. – Нам должны принести надувную лодку.

Молчаливой процессией мы спустились ко рву. Вода в нем неслась как в горной реке.

– Почему это так происходит? – спросил я шепотом.

– Там у них установлена машина, – Густав махнул рукой в направлении башни, – чтобы никто не мог подплыть к башне.

Костяная голова одного из чудовищ, обитавших во рву, высунулась на мгновение из воды и исчезла, унесенная течением.

– А кто эти чудовища? – спросил я. – Драконы?

– Драконы? – Густав меня не понял.

– Если свалишься в воду, живым не выбраться, – прошептала Ирка.

– Здесь нет драконов, – сказал Густав. – Не по-

нимаю, о чем вы говорите.

– Разве вы не видели голову?

Возница улыбнулся – в полутьме сверкнули его зубы.

Он вытащил из кармана хлеб, отщипнул от него кусок и, размахнувшись, кинул в воду выше по течению.

Тут же из воды высунулась голова чудовища. Рядом – другая. Кусок хлеба исчез.

– Что это?

– Это большие черепахи, – сказал возница. – Они безопасные. Но если не знаешь, то страшные. У нас в городе все думают, что они едят людей. И кто-то поддерживает эти слухи.

– А где вход в башню? – спросил я.

– Видите вырубленный в башне над водой крест? – ответил вопросом Густав.

Я пригляделся. Кажется, я его разглядел.

– Под ним есть вход в башню. У самого дна рва. Он забран решеткой, которая закрыта на засов.

Время шло. Вышла луна, в маленьком городском парке под гирляндами керосиновых фонариков играл небольшой оркестр.

– Где же ваша лодка? – спросила Ирка.

– Сам хотел бы знать, – ответил возница. – Уже полчаса как они должны были принести лодку.

Мы ждали. Говорить не хотелось. Что-то случилось.

– Может, вы сходите и спросите? – сказала Ирка.

– Это в другом конце города, – сказал Густав, – за вокзалом. А через полчаса город объявляется спящим. И уже нельзя по нему ходить. С этим у нас строго.

– Тогда спешите, узнайте, – сказал я.

Густаву не хотелось идти, но он понимал, что мы правы.

– Никуда не уходить! – с преувеличенной строгостью произнес он.

– Не беспокойтесь.

Его шаги удалились. Было тихо. Из парка доносилась музыка, кто-то высоко над нами засмеялся. Башня поднималась черная и неприступная. На ее вершине между зубцами загорелся маленький, но яркий огонек. Потом расширяющийся луч света скользнул по стене – видно, кто-то перегнулся через парапет и осветил стену сверху. Луч фонарика не достиг воды. Вода мчалась у наших ног беззвучно и быстро. При свете луны я увидел, как к поверхности поднялась гигантская черепаха.

Не знаю, сколько прошло времени – но, наверное, не меньше часа. Густав не возвращался.

Сенечка извелся – ребенку трудно ждать.

Оркестр в парке перестал играть, огоньки в домах гасли один за другим. Густав все не шел.

Вдруг издали, сверху, со стороны вокзала донесся короткий предупреждающий крик. Мы замерли, вслушиваясь. Снова крик. Мне показалось, что слышны были быстрые шаги – кто-то убегал. Потом резкий короткий звук – один, два, три…

– Это выстрелы, – тихо сказала Ирка. Она поднялась на ноги.

В городе все умолкло.

– Я поднимусь по течению, – сказал я, – и нырну. С таким расчетом, чтобы меня снесло течением к решетке.

– Ничего не получится, – сказал Сенечка. – Сунь руку в воду. И увидишь.

Я спустился к самой воде и сунул руку в холодную воду. Несущаяся вода ударила по ней, как ударяет водопад. Мою руку буквально выбросило из потока.

Я и не ожидал, что течение такое быстрое.

Ирка тоже попробовала воду.

– Ничего не получится, – грустно сказала она. – Это глупо – столько готовились, а ничего не получится.

Мы еще постояли, прислушиваясь и надеясь, что услышим шаги Густава. Но никто не спускался ко рву.

– На складе я видел веревку, – сказал Сенечка.

– Зачем тебе?

– Мне надо будет добраться до двери, до решетки, и привязать к ней веревку. И тогда вы переберетесь туда, держась за веревку.

– Легко сказать, – ухмыльнулся я, – а ты представляешь, куда тебя вынесет водой?

– Веревки там много? – спросил Сеня.

– Много, – сказала Ирка.

– Это хорошо, – сказал Сенечка голосом умудренного жизнью человека, который не желает тратить время на споры со мной – мальчишкой. – Нам надо много веревки. Только вы меня слушайтесь и не спорьте.

Когда у людей не остается надежды, то даже мальчик-с-пальчик может стать ее источником – главное, чтобы он был уверен в себе.

– Ты скажи, зачем тебе много веревки? – спросила Ирка.

Сенечка без лишних слов поспешил к складу.

– Нам некогда, – сказал он. – Если ваш Густав попался ментам, то они его допросят, и он скажет, что мы здесь.

Это было разумно, и Ирка больше не задавала вопросов. Мы направились к складу.

Там было темно. Я чиркнул кремнем и запалил зажигалку, которую подарил мне отец Николай. Зажигалка была масляная, огонек ее чадил и почти не давал света.

При свете зажигалки мальчик разобрал веревки и объяснил нам свою мысль.

Сеня не будет пытаться переплывать ров – все равно унесет. Но в отличие от нас, которые не могут дышать под водой, для него вода все равно что воздух. Так что, если мы отыщем камень потяжелее, малыш сможет пробраться к двери по дну, что сделать куда легче, чем плыть по поверхности. С собой он возьмет веревку и привяжет ее к решетке в башне – сделает таким образом мост. Держась за веревку, мы сможем переплыть ров.

К счастью, все вышло так, как разъяснил нам разумный Сенечка. Обмотанный веревкой, держа в руках тяжелый камень, Сенечка вступил в воду. Его шатнуло и понесло вбок.

Я травил веревку, привязанную другим концом к вкопанному в землю столбу. Веревка натянулась под острым углом, и Сенечка исчез под водой. Я отлично знал, что он – рыба, и в то же время с трудом удержался от того, чтобы не броситься за

голеньким ребенком, сгинувшим в черной воде.

Веревка рывками вырывалась у меня из рук. Ирка подбежала, чтобы помочь мне удержать конец. Помощи от нее было немного, но я ее не стал отгонять…

Я видел, как страшной обтекаемой массой по воде пронеслось тело черепахи. Хорошо рассуждать о том, что черепахи безопасны – но там, во рве, всего-навсего маленький мальчик.

Веревка то натягивалась, рвалась из рук, то вдруг ослабевала. Мне казалось, что Сенечка должен был давно уже пересечь водную преграду, но он не появлялся на той стороне. Неужели с ним что-то случилось?

Ирка трогала меня за рукав, будто порывалась что-то сказать, но в последний момент удерживалась.

Теперь веревку тянуло вправо по течению, но я вдруг понял, что она уже прикреплена к чему-то на той стороне. И как бы в ответ на мои мысли, из воды, у основания башни, высунулась голова Сенечки, который с трудом удерживался на месте.

– Тащи веревку, натягивай, – сказал он. И мне показалось, что голос его прозвучал слишком громко, и сейчас сверху вспыхнут фонари.

Но ничего не случилось. Ирка помогала тащить

веревку.

Сенечка пропал с поверхности воды.

Наконец веревка натянулась над самой водой, и мы привязали ее к столбу.

Ирка примотала себе на спину всю нашу одежду. Я с ее помощью привязал к себе на спину ползуна. Ползун трусил, он начал вдруг говорить, что если он утонет, то надо обязательно сообщить об этом куда-то… Но мы не слушали его – мы боялись, что не успеем.

Ирка первой вошла в воду, вцепившись в веревку. Ее тянуло течением, отрывало от веревки, но она медленно перебирала руками по ней. Веревка натянулась углом, вода пенилась вокруг Ирки, медленно передвигающейся к основанию башни. Ползун, привязанный к моей спине, вздрагивал.

– Не шевелись, когда поплывем, – предупредил я его как можно решительней.

– Я знаю, – отозвался ползун.

Но когда Ирка, добравшись до башни, помахала мне рукой, и подошла моя очередь перебираться через несущуюся реку, ползун стал вести себя безобразно. Он цеплялся мне в спину когтями, и я готов был его сбросить – так было больно.

На середине меня чуть не оторвало от веревки, я ничего не видел, вода завивалась вокруг ме-

ня, холодный вал бил в бок, я не помню уж как добрался до стены. И только когда рука моя уперлась в бетон, я с великим облегчением понял, что переплыл.

Кто-то дернул меня за ноги, я хотел огрызнуться, чуть не нахлебался воды, но потом понял, что Сенечка помогает мне нырнуть. Я сказал ползуну (не знаю, услышал ли он):

– Ныряем, не суетись!

Потом, набрав в легкие воздуха и все еще держась за веревку, я другой рукой повел вниз по стене, и через полметра, не более, моя рука провалилась внутрь и меня сильно дернули за нее. В этот момент ползун, перепуганный и потерявший ориентировку, с такой силой рванул меня когтями по загривку, что я было закричал – вода попала в глотку, я не понимал, что со мной творится, я даже не мог выпустить судорожно сжатую в кулаке веревку, и Ирке пришлось буквально отламывать мне пальцы…

Вода расступилась.

Я выплыл в середину черного, наполненного водой колодца. Вокруг меня отвесно поднимались внутренние стены башни. На стене, одна над другой, горели тусклые лампочки. После темноты они казались яркими, и я сразу разглядел

Сенечку, который помог мне выбраться на край колодца.

Помещение на дне башни было велико, и там, помимо колодца, из которого мы вылезли, размещались машины, которые мерно постукивали, крутя громадными колесами. Я подумал, что именно они гонят воду во рве.

Первым делом я стал отвязывать ползуна, проклиная его на чем свет стоит. Сенечка и Ирка помогали мне, а ползун жалко оправдывался, чувствовал свою вину, но утверждал, что не помнит, как пытался меня искалечить.

– Славно он тебя изукрасил, – сказала Ирка, глядя на мою спину.

– Надо бы перевязать, – сказал я. – Может, у него когти ядовитые.

– Я не давал вам оснований так обо мне думать, – почему-то обиделся ползун.

– Перевяжем потом. Ты терпеть можешь? – спросила Ирка.

– Буду терпеть, – сказал я. – Но чтобы я еще когда-нибудь таскал на себе ползунов – увольте!

В башне было теплее, чем снаружи, и если бы не царапины на спине, я бы сказал, что первую часть путешествия мы совершили удачно.

Но что делать дальше, я не представлял.

Нас подвели на том берегу рва – никто не пришел к нам на помощь. А что здесь? Где помощники?

Оглядевшись в поисках пути, которым попадали к работающим машинам спонсоры и их слуги, я увидел, что к стене прикреплена узкая металлическая лестница, которая поднималась, загибаясь, и заканчивалась под самым потолком решетчатой площадкой и железной дверцей. Это был единственный выход из первого этажа башни.

Оставив моих спутников внизу, я быстро взбежал по лестнице наверх и попробовал дверь – дверь была заперта. Впрочем, этого следовало ожидать.

Сверху мои спутники казались мне столь маленькими, несчастными и беспомощными, что любой спонсор их мог раздавить одним пальцем. К счастью, желающего спонсорского пальца в наличии не оказалось.

Мы не решались громко разговаривать – не исключено, что этот зал соединялся с другими помещениями невидимыми для нас ходами.

Ирка сложила руки трубой и громко прошептала:

– Ну и что?

Я развел руками, показывая, что дверь не открывается. И пути дальше нет.

Сенечка обезьянкой взбежал по лестнице и, встав рядом со мной, начал осторожно поворачивать ручку, словно ждал какого-то сигнала, позволившего бы растворить дверь.

Мы возились перед дверью как глупые животные, а внизу ползун и Ирка стояли у широкого колодца, задрав головы и ожидая от нас благоприятных вестей.

И вдруг мы услышали, как кто-то с той стороны поворачивает ключ. Мы с Сенечкой отпрянули в сторону и прижались спинами к стене. Я поднял руку с ножом, готовый ударить им человека, вознамерившегося войти в зал.

Дверь открывалась медленно, словно тот, кто был по ту ее сторону, тоже не был в себе уверен и трусил.

Я занес руку с ножом, но когда дверь наконец приоткрылась, я не увидел головы там, где ожидал ее увидеть. Сначала мне показалось, что на металлическую площадку вышел еще один ребенок, такой как Сенечка.

И только когда снизу радостно ахнула Ирка, по буйной шапке волос я догадался, что дверь открыла Маркиза.

Маркиза, которую Сийнико вызывал к прилету инспекции, попала наверх башни в специальную палату еще утром. Но никакой связи с городком она не имела, за исключением того, что должна была ночью спуститься вниз и открыть дверь, соединяющую нижний этаж башни с верхними этажами.

Сделать это оказалось нетрудно. Калек, привезенных на башню по Программе помощи, милиционеры спрятали в палату, а сами благополучно заснули. Маркиза не могла передвигаться по башне в своем кресле и поэтому хромала на костыликах, что давалось ей с трудом.

Она открыла бы дверь и раньше, но, как назло, несколько милиционеров уселись играть в кости как раз перед ее палатой, Маркиза не стала дожидаться, пока они заснут, вышла из палаты и отважно прошествовала мимо них, якобы по нужде. Милиционеры и внимания не обратили ка увечную карлицу.

Теперь следовало незамеченными подняться наверх башни.

После всех испытаний мною овладело приподнятое нервное настроение, какое может овладевать солдатом после трудного, но удачного штурма вражеского города, когда ему открыты

все лавки и квартиры – можно грабить!

Я не чуял под собой ног, и мне хотелось бежать по лестнице наверх. Но Маркиза, естественно, не могла двигаться по ступенькам быстро и отдыхала после каждых пяти шагов.

– Давайте я вас понесу, – сказал я.

– Нет, спасибо, – сказала Маркиза холодно. – Здесь недалеко.

Мы поднялись за ней на верхний ярус башни – выше была лишь смотровая площадка для инспекторов. Этот ярус был разделен на несколько помещений и приспособлен для тех людей, которые обслуживали башню Наблюдений. Здесь были спальни для милиционеров, палата для калек, столовая, туалеты, склады, диспетчерские…

Сейчас здесь царила тишина. Убежденные в том, что башня недоступна, милиционеры мирно спали. А спонсоры прибудут только утром – им нет смысла здесь ночевать.

– Я нашла для вас чудесное место, – прошептала Маркиза. – Даже трудно поверить, что может так повезти.

Она показала на небольшой люк.

– Наверх? – удивилась Ирка. – На самый верх?

– Вот именно, – сказала Маркиза. – Чем ближе воробей живет к гнезду орла, тем он в большей

безопасности. По крайней мере, здесь вас никто не будет искать.

Мы поднялись на самый верх. Вершина башни представляла собой широкую площадку, которая, казалось, плыла в небе под самыми звездами. Здесь было пусто и стояла тишина, которую, наверное, можно услышать только в горах или пустыне, там, где нет ничего живого.

Низко-низко пролетали легкие перистые облака, звезды были яркими. Летучая мышь пронзила воздух над нашими головами – она неслась бесшумно, как было бесшумно все на этой высоте.

Маркиза провела нас к небольшой низкой надстройке с маленькими окошками – таких было несколько со стороны, противоположной городу.

– Я не знаю, что здесь было раньше, – сказала она. – Но, судя по всему, сюда никто не заходит.

Маркиза приоткрыла низкую дверцу, и мы оказались в надстройке.

– Здесь будете ждать, – сказала она. – Все решения принимает Ирка. – Сухими руками Маркиза поправила свои волосы и посмотрела на небо.

– Как жаль, – сказала она.

– Что? – не поняла ее Ирка.

– Я так мечтала, что меня отправят в Галактический центр…

– Я тоже хотела бы туда, – сказала Ирка.

– Если все получится, как мы задумали, – сказала Маркиза, – мы с тобой еще полетим туда.

Один за другим мы влезли в низкое помещение, где была сложена рулонами плотная материя.

– Я знаю, что это такое, – сказала Ирка, – если дождь, они натягивают над башней тент.

В мокрой одежде спать было неприятно. Я пытался заснуть, ворочался, несколько раз забывался во сне, какие-то кошмарные видения преследовали меня. Потом просыпался. Сенечка бормотал во сне, Ирка тоже спала плохо. О ползуне ничего сказать не могу, потому что не знаю, чем отличается спокойный сон ползуна от тревожного.

Окончательно я проснулся на рассвете.

Снаружи, на смотровой площадке, было тихо. Я выглянул в окошко. Солнце еще не встало, но было светло, звезды погасли – июньские ночи коротки. Я вылез на площадку и принялся прыгать, чтобы согреться.

По краю площадки между зубцами на парапете были прикреплены разного рода подзорные трубы и экраны. Они были установлены куда выше человеческого роста и направлены на город.

Экраны соединялись с оптическим устрой-

ством. Я встал на цыпочки, чтобы было лучше видно. Один из них показывал участок города, увеличенный во много раз. Было такое впечатление, будто я смотрю на улицу из окна.

Улица была пуста, только одинокий дворник подметал ее щеткой. Мимо шагал человек в черной одежде и черном цилиндре с кольцом веревки через плечо – это был знакомый мне трубочист.

Экран вращался. Я повернул его.

Теперь я смотрел на главную площадь перед большим домом. Три человека на площади сколачивали помост. Два других устанавливали возле него высокий столб. Я подумал, что они готовятся к карнавалу…

А вот и вокзал. На скамейке перед ним, подтянув ноги, спит красивая женщина, зонтик выпал из ее рук и валяется на тротуаре. Мимо проехала высокая карета и закрыла на секунду лавочку с женщиной.

Громко ударили куранты на городской башне.

– Тим! – услышал я предупреждающий оклик.

Я обернулся – на верхнюю площадку выбирались милиционеры.

Я метнулся в укрытие. И вовремя.

Мои спутники разлеглись на сложенных по-

лотнах шатра и глядели в узкие щели окошек под самой крышей. Я присоединился к ним.

Милиционеры в гребенчатых касках, выбежавшие на площадку, быстро осмотрели ее, один даже заглянул к нам, мы замерли, но милиционер не рассчитывал кого-нибудь увидеть – он захлопнул дверь и побежал дальше.

– Все чисто! – послышался крик милиционера, и ему ответили с разных сторон такие же крики:

– Все чисто!

– Все чисто… все чисто!

Застучали окованные каблуки – мне было видно, как милиционеры, толкаясь и спеша, спускаются в люк, ведущий вниз.

И тут же воздух над площадкой потемнел – один за другим спускались вертолеты. Из каждого выходил спонсор, и вертолет тут же автоматически поднимался, освобождая место следующему.

Всего я насчитал более десяти спонсоров. Все они принадлежали к самой верхушке земного общества – это были главы управлений и департаментов. А вот и старый знакомый… господин Сийнико. Знал бы он, кто лежит на свернутых рулонах полотна в двадцати метрах от него!

– Это он! – шепнул Сенечка, лежавший рядом. – Я его узнал.

Я положил руку на теплый затылок мальчика, чтобы успокоить его.

– Говорить буду я, – предупредила Ирка.

– Знаю.

Над площадкой завис пассажирский флаер. В его плоском блестящем брюхе открылся люк, выкатилась пологая лестница.

Первым сошел незнакомый мне спонсор в форме военного ведомства.

– Я буду слушать, – прошептал я, касаясь губами уха Ирки. – И когда будет хороший момент, я дам сигнал.

Ирка кивнула.

Один за другим из флаера спустились на площадку три инспектора. Сначала я видел их ноги, появившиеся из люка, затем попытался вообразить себе, что же я увижу, когда инспектор появится целиком.

Я ни разу не угадал. Они были совсем разными.

Первым спустился человек. Вернее существо, схожее с человеком, но достигавшее двух с половиной метров ростом. Лицо у человека было желтым, широким, круглым и плоским. Такому лицу соответствовали бы узкие глаза – но у этого человека они были совершенно круглыми,

птичьими. Человек опирался на тонкую трость, изукрашенную драгоценными камнями. Под лучами только что поднявшегося солнца камни засверкали, отбрасывая разноцветные зайчики по всей площадке.

Следующий инспектор двигался медленно. У меня создалось впечатление, что у него вообще нет костей – нечто кисельное, забранное в упругую ткань, покачивалось над лестницей, не решаясь сделать шаг. Человек с тростью обернулся и подал спутнику руку.

Слизняк оперся на руку, перелился в сторону человека, и мне было видно, как трудно человеку удерживать этот текущий вес.

– Они очень мудрые, – прошептал ползун. – Паллиоты. Им трудно.

– Что трудно? – спросил я, вовсе не удивившись познаниям ползуна.

– Трудно ходить. Они живут в жидкости.

– Как я, – сказал Сенечка.

Легкое сияние вокруг головы паллиота оказалось оболочкой шлема.

Спустившись на камень площадки, паллиот с облегчением (или это я за него почувствовал облегчение) растекся по полу, и видно было, если бы не скафандр – инспектор превратился бы в лужу.

Тем временем сверху спустился третий инспектор. Он был ловок, невероятно быстр, по-насекомому худ, на поясе, который можно было бы обхватить пальцами, висел широкий, разукрашенный, в кожаных ножнах меч. Лицо этого существа было узкое, будто сдавленное прессом, вытянутое вперед. Глаза, смотревшие в стороны от блестящего горбатого носа, казались глазами насекомого. Одеждой инспектора был широкий со множеством вертикальных складок плащ, легкий и колышущийся от любого движения воздуха. Ростом третий инспектор был невелик, он уступал даже Ирке.

Спонсоры выстроились в ряд перед инспекторами и поочередно выступали вперед, чтобы представиться. Мне было хорошо слышно, как они произносят свои имена и должности. Они говорили на языке спонсоров, инспекторов это не удивляло – видна, такова была договоренность.

– Ты понимаешь? – прошептала Ирка.

– Да.

– Мы не будем занимать вашего драгоценного времени, – произнес Сийнико после того, как взаимный обмен любезностями был завершен. – Если вы подойдете к экранам и наблюдательным трубам, то получите ответы на многие интересу-

ющие вас вопросы.

Инспектора в сопровождении спонсоров двинулись к парапету. Но прежде чем подойти к экранам, насекомообразный худой инспектор в плаще склонился над парапетом, глядя вниз на город и лесные дали, словно желая убедиться, что город существует.

– Кто он? – спросил я ползуна.

– Мудрый владетель легиона, – сказал ползун, совершенно не заботясь о том, способен ли я его понять.

– Откуда он?

Ползун странным образом хмыкнул, будто был удивлен моей серостью:

– Из края Двух зорь, – сообщил он мне наконец.

– Спасибо, – сказал я, не скрывая иронии.

– Как вы уже знаете, – продолжал Сийнико, – наша миссия прибыла сюда в тот момент, когда здесь кипели, и уже не первый год, опустошительные атомные войны, разрушившие практически до основания главные населенные пункты планеты и значительно сократившие число ее обитателей. Те же, кто остался жив, в большинстве своем были заражены различными болезнями.

– Радиоактивными? – спросил паллиот.

– Химическими, генетическими… Перед нами стояла труднейшая задача. Надо сказать, что ничего подобного нашей цивилизации еще не встречалось.

Спонсоры жестами и поклонами подтвердили согласие со словами Сийнико.

– Мы лечим тех, кого не могут вылечить местные врачи. Если же исцеление вообще невозможно на Земле, мы отвозим калек к нам, в наши клиники. Кстати, после окончания осмотра города мы приглашаем вас вниз, там специально для встречи с вами находятся пятеро калек, ожидающих отправки в Галактический центр.

Там Маркиза, подумал я. Она сейчас пребывает в неизвестности, не предполагая, чем кончится наша схватка со спонсорами.

– Все необходимые документы и пленки, запечатлевшие ситуацию на планете, будут предоставлены уважаемым инспекторам по возвращении на главную базу, – продолжал Сийнико. – Сейчас я только сообщу вам, что мы поставили перед собой задачу – возвратить жизнь на Землю, что оказалась куда сложнее, чем мы предполагали.

– С этим мы также ознакомимся на базе, – ска-

зал высокий человек, который по поведению своему показался мне главным среди инспекторов. Он был нетерпелив и резок в движениях.

– Разумеется, – сразу согласился Сийнико. – Мы привезли вас сюда не для того, чтобы вспоминать прошлое и рассказывать о том, каких средств и усилий стоит нам возрождение планеты. Но любой разговор, любая дискуссия будут пустыми, если вы не будете ознакомлены из первых рук с тем, что же представляет собой цивилизация Земли, как живут, к чему стремятся, как проводят свои дни рядовые ее обитатели.

Паллиот подполз, переливаясь, к парапету.

– Придерживаясь строго правила – ни в коем случае не вмешиваться в жизнь землян, – мы построили эту башню рядом с обыкновенным типичным городком. Обитатели его, мирные земляне, и не подозревают, что находятся под постоянным научным наблюдением. Уже многие десятилетия наша экспедиция, которую в настоящее время я имею честь возглавлять, постоянно изучает этот город. Мы его для себя называем Типичным городом.

– А как они его называют? – спросил вдруг худенький инспектор.

– Как? – Сийнико на секунду замялся, вопрос

был для него неожиданным. Он обернулся к спонсору из Ведомства пропаганды, стоявшему рядом. Тот медленно наклонил голову, украшенную маленькими черными очками, и кашлянул.

– Половину доходов, которые мы получаем от вывоза с Земли некоторых полезных ископаемых, мы вкладываем в развитие планеты…

– Каким образом? – спросил вдруг паллиот.

– Мы представим документы, – сказал Сийнико. – Есть ряд программ, такие, как «Чистый воздух», «Родник», «Океан». Многие наши ученые плодотворно трудятся, помогая нашим младшим братьям по разуму.

– И это – типичный город? – спросил высокий человек.

– Вот именно!

– И люди никогда не видели ни одного из вас?

– Мы стараемся не показываться на глаза землянам. Они еще не готовы к межпланетным контактам, – сказал Сийнико.

Коротким движением толстой лапы Сийнико направил внимание инспекторов на экраны и подзорные трубы.

– Вы можете убедиться даже по характерным деталям повседневной жизни землян, что они лишь недавно вступили в эпоху пара и построили

первые железные дороги.

Инспектора потянулись к экранам…

– Вы можете убедиться сами, – Сийнико переключил экраны, и все они показали перрон, по которому весело бежала стайка школьниц в темных платьицах и белых передничках. Девочки заполнили первый вагон.

Начальник станции в красной фуражке поднял жезл. И тут я увидел красивую высокую женщину с зонтом в руке. Другой рукой она подняла платок, как бы желая счастья отправлявшимся в путь пассажирам.

– И как далеко проходит эта дорога? – спросил узколицый инспектор в длинном плаще.

– Она соединяет этот городок с другими, подобными ему, – пояснил Сийнико. – Ведь больших городов на Земле практически не осталось. Они стали жертвами войн и не восстанавливались. Думаю, что со временем появятся новые. Хотя мы с точки зрения охраны природы ненавязчиво и незаметно для землян проводим идею господства малых поселений.

– Попрошу вас предоставить документы о том, как вы проводите эту идею, – сказал паллиот.

Сийнико щелкнул себя по гребню, что было выражением недовольства.

– Разумеется, – сказал он. – А теперь мы можем продолжить ненавязчивое путешествие по городу. Вы вправе заглянуть в каждый дом.

Ближайший ко мне экран показывал гастроном, сегодня буквально заваленный различными видами колбас и сыров. Люди заходили в магазин, и на экране было видно, как улыбаются продавщицы, отрезая от муляжей куски и заворачивая их для покупателей.

– У них существует монетная система? – спросил высокий человек.

– Она была куда более распространена в период кровавых войн. Тогда существовали и большие банки. Сейчас все проще, но и полезнее для здоровья планеты, – ответил Сийнико.

Интересно, подумал я, не кажется ли странным инспекторам, что магазины, мастерские и даже дома схожи с аквариумами, как услужливо смотрят они на башню стеклянными стенами. Но, вероятно, инспектора отнесли эту странность на счет обычаев землян, и она их не удивила.

Экран показывал центральную площадь.

Помост был готов. И тут я подскочил так, что ударился головой о низкий потолок укрытия. Это была виселица.

Вокруг помоста уже собралась значительная

толпа одетых по моде давних времен обывателей. На помост поднялся господин в черном, который развернул свиток и принялся читать его.

– Что там происходит? – спросил худой инспектор.

– Не знаю, – сказал Сийнико. – Мы только изучаем обычаи землян. Порой они нас удивляют.

Он не спешил сдвинуть подзорные трубы и экраны в сторону. Мне показалось, что ему самому интересно, что же происходит на площади.

– Нет, не знаю, – повторил он. Остальные спонсоры и тем более не знали, что там происходит. Я думаю, что они и город-то видели второй или третий раз в жизни, и им были совсем неинтересны маскарадные затеи Сийнико.

На помост поднялся бородач в красной рубахе с закатанными рукавами. Он попробовал, крепко ли держится веревка.

– Сегодня должен был быть карнавал, – сказал Сийнико. – Но это непохоже на карнавал.

Инспектора так же, как и я, видимо, ощутили драматизм и скрытое напряжение сцены. Они стояли неподвижно и ждали, что будет дальше.

На площадь выехала закрытая черная карета, запряженная парой лошадей. Карета остановилась у помоста, закрыв его от нас, и только когда

она через минуту отъехала дальше, мы увидели, что на помосте стоит наш возница Густав, пропавший прошедшей ночью.

– Ой! – пискнула Ирка.

Я сжал ее руку.

Руки Густава были связаны за спиной. Человек в красной рубахе повел его к виселице. Петля чуть покачивалась под ветром над его головой.

– Не собираются ли они его убить? – спросил паллиот.

– Вполне возможно, – сказал спонсор Сийнико. – Я думаю, что вы совершенно правы. Таким жестоким образом люди казнят своих преступников.

– Что он совершил? – спросил высокий человек.

– Этого мы никогда не узнаем, – вздохнул Сийнико, – мы не имеем связи с городом.

Я видел, как палач приказал Густаву подняться на скамейку.

– Что делать, что делать? – шептала Ирка.

– Молчи, – сказал ползун. – Мы не можем погубить все сейчас.

– Не все ли равно, – сказал я. – Сейчас или через пять минут. Единственная разница, что Густав будет наверняка мертв.

С этими словами я выскочил на залитую солнцем площадку.

Все услышали, как я выбегаю. Все обернулись и шарахнулись от меня.

Один из спонсоров выхватил пистолет, но, к счастью, я увидел это движение раньше, чем он успел выстрелить, и отпрыгнул в сторону.

– Стойте! – закричал я на языке спонсоров. – Остановитесь! Это обман.

– Ах, это ты, преступник! – Сийнико также пытался достать пистолет.

И я не знаю, удалось ли бы мне сказать еще хоть слово, но тут я услышал резкий голос ползуна, закричавшего на непонятном мне языке.

Он уже стоял на задних лапах, подобно нападающей кобре.

– Не сметь стрелять! – закричал в ответ на крик ползуна высокий человек. Как я понимаю, он обладал неким даром влияния на другие живые существа, потому что в тот же момент я был парализован – я не мог двинуть ни рукой, ни ногой. И только услышал тяжеловатый металлический удар – пистолет выпал из руки Сийнико.

Затем наваждение паралича миновало.

– Кто вы? – спросил высокий инспектор.

– Сначала остановите казнь! – закричал я.

– Это невозможно, – сказал Сийнико. Он смотрел на меня в упор черными очками и хотел меня убить. Но не смел.

– Это возможно! – Я обратился к инспекторам: – Этот город – фикция. Этот город – декорация, придуманная спонсорами. Все, что происходит в нем, придумано, нарисовано и отрепетировано. Но разыгрывают специально для вас умилительную картинку люди, которые служат спонсорам. И у них есть связь с городом. Они могут приказать. Их послушаются.

– Это так? – Паллиот медленно обернулся к группе спонсоров.

– Это ложь! Это ложь сумасшедшего! – сказал незнакомый спонсор.

– Но сделайте что-нибудь! – кричал я. – Ведь они казнят Густава только за то, что он помог проникнуть нам сюда.

– Остановите убийство, – произнес тонкий инспектор в длинном плаще. – Инспекция вами недовольна.

– Вы верите авантюристам, жителям больной, отсталой планеты. Вы ставите их слово выше, чем слово членов Галактического содружества. Это немыслимо и оскорбительно. И пусть дело решается в суде Вселенной! – гневно произнес

вельможа из спонсоров.

Быстро, снова на незнакомом мне языке, заговорил ползун.

Инспектора смотрели на него, затем паллиот сказал:

– Мы вам не верим.

Мой взгляд упал на экран.

И ужас холодной рукой сжал мое сердце: Густав был мертв. Он покачивался на виселице, и ноги его, вытянутые носками вниз в последней попытке дотянуться до земли, медленно кружились над помостом. Палач отошел на шаг назад.

– Вы убийцы! – произнес я.

Ирка сделала шаг вперед.

– Уважаемые инспектора, – произнесла она. Странно, никогда не думал, что она тоже знает язык спонсоров. – Я прошу пять минут вашего внимания.

– Эти выступления – оскорбления нам и здравому смыслу, – выкрикнул Сийнико.

– К сожалению, – сказала Ирка, она держалась с достоинством, говорила медленно и возвышенно, мне она показалась даже выше ростом, – наше появление перед вами выглядит излишне драматично, но мы не имели возможности приблизиться к вам раньше. Ведь вас держали на

центральной базе спонсоров, куда и отвезут сегодня после этой экскурсии, потому что Земля якобы опасна для вас. Но ведь все это ложь. И мы хотим предъявить обвинения спонсорам, которые, взяв на себя право распоряжаться нашей Землей, не показали себя цивилизованными существами.

– Пора прекратить это издевательство! – закричал Сийнико.

Я смотрел на экран. Там палач в красной рубахе и трубочист в черном цилиндре снимали с виселицы тело Густава.

– Мы не будем отнимать вашего времени и рассказывать о том, что случилось на Земле за последние десятилетия.

– У вас есть обвинения? – спросил паллиот.

– Я обвиняю, – сказал ползун. – Я обвиняю спонсоров в том, что они завозят на Землю яйца моих соотечественников, выводят из них младенцев и убивают их, чтобы съесть.

– Ложь! – закричал Сийнико.

– Ложь! – закричали остальные спонсоры. Они сблизились вокруг нас, они нависали над нами, полные угрозы.

– Я видел это, – сказал я. – Я помогал убивать маленьких ползунов. Я обвиняю спонсоров в том,

что они отравили газом и убили несколько тысяч человек только за то, что они наблюдали смерть спонсора.

– Это ты его убил! – услышал я голос Сийнико. Но ответить я не успел, потому что вперед вышел маленький Сенечка.

– Я обвиняю, – сказал мальчик, – в том, что ради развлечения спонсоров проводятся опыты над нами, над маленькими детьми, чтобы сделать из нас домашних любимцев.

– Это правда? – паллиот обернулся к Сийнико.

– Это ложь! – сказал Сийнико.

– Это ложь! – хором произнесли остальные спонсоры.

– Мы можем полететь на так называемую кондитерскую фабрику, где убивают маленьких ползунов, – сказал я.

Словно почувствовав колебания инспекторов, Сенечка стащил с себя синюю курточку. Все увидели глубокие шрамы жабер на его спине. Так я и запомнил его. Под ярким солнцем он стоит, растопырив соединенные перепонками длинные пальцы рук, и медленно поворачивается, чтобы каждый мог увидеть жабры на его спине.

Именно Сенечка оказался последней каплей для инспекторов.

– Мы требуем, чтобы нас немедленно привезли в центр, где делают операции над детьми.

– Такого центра не существует, – сказал Сийнико. Он взял себя в руки и говорил тихо.

На экране, глядевшем в город, было видно, как жители города начали украшать помост и саму виселицу гирляндами и фонариками – они готовились к празднику.

– Вы сможете показать к нему дорогу? – спросил у Ирки худой инспектор с муравьиным лицом.

– Я могу, – сказал я. – Я там жил. И там же живет спонсор Сийнико.

Все обернулись к спонсору.

После короткой паузы он неожиданно для меня сказал:

– Я готов опровергнуть клевету. Сейчас же я вызову вертолет.

Он повернулся и быстро ушел с площадки. За ним поспешил еще один спонсор в форме охраны порядка.

– Не дайте им уйти! – крикнул я. – Они убегут!

– Не посмеют, – сказал паллиот.

На площадке воцарилось ожидание. Я сосчитал до ста. Инспектора были совершенно спокойны. Паллиот и высокий человек подошли к парапету и стали двигать изображения на экранах, рас-

сматривая жизнь города.

– Это все ложь, – сказала Ирка. – Вы думаете, это продукты? Это копии продуктов!

Инспектора никак не могли взять в толк, почему нужно людям выдавать копии продуктов.

Несколько спонсоров, которые остались на площадке, тихо переговаривались, я ощущал, какой запас ненависти исходит от них.

Ползун подошел к невысокому худому инспектору с муравьиным лицом и разговаривал с ним.

И в тот момент, когда я понял, что Сийнико никогда уже не вернется, его зеленая жабья голова показалась из люка.

– Сейчас прилетит вертолет, – сообщил он. – И мы полетим туда, куда покажет нам этот убийца! – Осуждающий перст был направлен мне в грудь.

Я думал – а дальше что? Ну, поверят нам инспектора, а что они смогут сделать? Не наивна ли сама наша акция? Я несся в потоке действий и событий и ни разу не задумался, насколько могут быть реальными результаты.

Паллиот подлился ко мне и стал спрашивать о жизни в любимцах, но я объяснял плохо, потому что у нас не совпадали с ним понятия, простые житейские понятия.

Только через двадцать минут после возвращения Сийнико над нами завис большой вертолет, тот самый, который привез инспекторов.

Мы поднялись в него. Мы старались стоять так, чтобы между спонсорами и нами встали инспектора. Мы ведь всегда боимся спонсоров. И я боюсь.

Я прошел вперед, к пилоту. Рядом со мной, как бы ободряя, стоял инспектор с муравьиным лицом.

Я сказал пилоту-спонсору, куда лететь. Тот не хотел слушаться меня и не подчинился инспектору. Только когда пришел Сийнико, вертолет взял курс на усадьбу и питомник любимцев.

Найти его было нетрудно.

Еще через полчаса неспешного полета впереди показался знакомый особняк с колоннами.

– Здесь! – крикнул я.

Вертолет медленно опустился на широкой поляне. Справа был особняк, слева – бетонные кубы лаборатории и домов.

В питомнике было так тихо, что я сначала решил, что там мертвый час после обеда. Но до обеда еще было далеко.

Я повел процессию в особняк.

Спонсоры шли сзади, господин Сийнико делал

вид, что попал сюда впервые в жизни.

Все столовые, спальни, коридоры были пусты. Не было не только воспитанников, но и поварих, судомоек и воспитателей.

– Где они? – спросил я у Сийнико. – Что вы с ними сделали?

Сийнико был невозмутим.

Он не сказал ни слова и во втором нашем походе по питомнику, когда я вел инспекторов в лабораторию, где работали Автандил и Людмила.

Там было пусто.

Правда, какие-то приборы стояли у стен и на столах. Но ни одного человека…

Еще через полчаса мы собрались на поляне у вертолета.

– Теперь вы убедились? – спросил Сийнико.

– Да, – сказал инспектор-паллиот. – Мы убедились. Что здесь никого нет.

– И вы поняли, что эти люди лгут?

– Нет, – сказал инспектор с муравьиным лицом, – этого мы не поняли, так как у вас была возможность за час увезти отсюда всех обитателей.

– Так ищите! – закричал Сийнико.

– Нет, – сказал высокий человек. – Мы этого делать не будем. Потому что этим мы поставим под реальную угрозу жизнь этих несчастных. Я ду-

маю, что вы их не успели еще убить и скрываете в лесу. Если же мы станем их искать, вы их убьете.

– Так что же мы будем делать? – спросил Сийнико.

– Мы летим обратно на вашу центральную базу.

– А клеветники? – спросил Сийнико.

– Клеветников вы оставите здесь, – сказал паллиот.

– Нет, они должны быть наказаны.

– Мы трактуем сомнения в пользу слабых, – сказал высокий инспектор. – И просим вас дать им шанс.

– Но они опасны для окружающих!

– Тем не менее… Сейчас мы улетим. Все улетим. Кроме этих людей.

Я был столь удручен провалом нашей миссии, что не заметил, как поднялся в воздух вертолет.

Я сел на траву, я ничего не хотел.

– Бежим! – крикнул Сенечка.

– Куда?

– Конечно, бежим, – сказала Ирка. – Ведь Сийнико сообщит милиции, тем, кто увел из питомника всех людей. Нас догонят и убьют. И никакие инспектора за нас не заступятся…

Мы побежали.

Мы бежали, разумеется, в сторону деревни и болота, где жил отец Николай. Мы все время оглядывались, ожидая погони, и в результате чуть не наткнулись на пропавший питомник.

Их согнали в мелкий густой осинник в ложбину. Они сидели, прижавшись друг к дружке; охраняли их не только милиционеры, но и люди в белых халатах – воспитатели, ученые и повара. Они так старались, они так боялись, что в лесу малыши могут разбежаться, что нас и не заметили, хотя мы подошли к ним на пятьдесят шагов.

– Вот бы позвать инспекторов, – сказал я.

– Не старайся – они улетели, – сказала Ирка.

– Тим, – просил меня Сенечка, – я тебя очень люблю, пожалуйста, давай их освободим. Ты видишь Леонору? Ну посмотри, Тимочка!

– Помолчи, – приказала Ирка. – Неужели ты думаешь, что мы не освободим их?

– А когда? – спросил мальчик.

– Это зависит от всех нас, в том числе от тебя, – сказал молчавший до того ползун.

Мы отошли от лощины, в которой от холода и страха дрожали любимцы. Пора было идти дальше, к отцу Николаю, но мы медлили.

Как будто не могли решить – идти дальше или совершить безумство и напасть на охрану.

Но судьба распорядилась иначе. Вдруг милиционеры и лаборанты зашевелились – они получили сигнал. Они стали поднимать малышей и погнали их, кружась вокруг, как сторожевые собаки, обратно в питомник.

Мы продолжили путь к болоту.

Я еле брел от усталости и тоски. Тоска овладела мной настолько, что колени были слабыми, и меня шатало.

Я вновь переживал в памяти события сегодняшнего дня, ища в них ошибку. Где мы поступили неправильно? Почему мы не смогли ни в чем убедить инспекторов? И что будет теперь? Ведь спонсоры отомстят нам и другим людям.

Ползун двигался с той же скоростью, что и я, подтягивая хвост и высоко горбя спину. Он заговорил, и я вздрогнул, потому что голос донесся снизу, от самой земли.

– Тебе кажется, мой друг, – говорил он, – что все плохо. Что мы зря лезли на эту башню и зря погиб Густав.

– Ты подслушал мои мысли.

– Это нетрудно было сделать, от тебя на сто метров печаль распространяется, – сказала Ирка, которая без устали шла впереди.

– Ничего страшного, – продолжал ползун. – Ин-

спектора все выслушали и сделали свои выводы.

– Выводы – улететь к себе и оставить нас на произвол судьбы!

– А что они могли еще сделать? – спросила, не оборачиваясь, Ирка.

– Они… они должны были остаться и вместе с нами искать любимцев в питомнике, – настаивал Сенечка.

– Пока они бы их искали, всех любимцев удушили бы газом, – сказал ползун. – Я попросил инспекторов не принимать мер.

– Ты?

– И я попросил их улететь, не сделав никаких выводов и оставив спонсоров в растерянности. Освобождение Земли – дело многих лет. Делать это должны сами люди. Кому нужны послушные рабы спонсоров?

– Мы – рабы?

– Да, – сказал ползун. – Люди – рабы и в большинстве случаев – добровольные рабы.

Я хотел огрызнуться, выругаться, но раньше заговорила Ирка:

– Я довольна тем, как все произошло. Я боялась, что инспектора слишком близко к сердцу примут обман.

– И тогда что? – спросил я.

– Тогда? Сначала бы произошла катастрофа с кораблем инспекторов. И они бы не вернулись.

– Кто посмеет?

– Очень высока ставка… Теперь же Федерация предупреждена. Спонсоры потеряли доверие. Они сейчас будут куда осторожнее.

– Ты думаешь, Маркиза улетит к ним? – спросил я.

– Разумеется, – сказала Ирка. – Спонсоры не будут рисковать.

– Ты ей завидуешь?

Ирка широко открыла рот, чтобы я видел дыру – выбитые зубы.

– Не хороша? – спросила она зло.

– Когда как, – ответил я.

Когда она сердилась, шрам разрезающий бровь и щеку, краснел.

Ирка отвернулась и поспешила вперед. Сенечка бежал рядом с ней и рассказывал что-то веселое. Потом Ирка засмеялась и взяла его за руку.

Через два часа мы достигли землянки отца Николая. Он обрадовался нам и накормил грибным супом.

Мы намеревались все вместе с утра идти дальше. Ирка знала, куда.

До рассвета я проснулся. Меня трясло от холода.

Я пытался закутаться в одеяло, но озноб не проходил. А к утру поднялся жар. У меня была сильная лихорадка.

Я пропустил три или четыре дня моей жизни. Я помню лишь то, как возле меня ходили и сидели люди, которых я знал, но не мог вспомнить их имен. Мне хотелось пить. Мне казалось, что пришли милиционеры, чтобы нас увести в питомник и сделать нам жабры. Кто-то стрелял из пулемета, а потом выяснилось, что началась гроза.

Когда я очнулся, то увидел Леонору. Она сидела рядом со мной, согнувшись в три погибели. Я решил было, что Леонора тоже мне приснилась, но когда на следующий день жар спал, отец Николай сказал мне, что девушка сбежала из питомника и ухаживала за мной. Ирка ушла и взяла с собой Сенечку. Она не могла больше ждать меня. Она оставила ползуна, который знал дорогу в подземелья, оставшиеся от давнишней забытой армии. Там Ирка и будет нас ждать.

Я пролежал еще неделю. Я уже начал вставать, выходить по нужде, я разговаривал с ползуном, он знал многое о том, как устроена Вселенная, какие в ней живут расы и как они общаются между собой.

Вскоре я окреп настолько, что сидел на солныш-

ке перед землянкой с кружкой травяного чая в руке. Я сидел раздевшись, чтобы солнце касалось своими лучами моего тела. Ползун выкапывал земляных червей и жевал их – смотреть на это было неприятно.

Я подумал, что мы с ним уже давно вместе, но не подружились так, как я подружился с Иркой. Может, потому, что ползун не был человеком, он происходил с другой планеты и ему среди нас, наверное, тоже было одиноко.

– А я не верю, что ты с кондитерской фабрики, – сказал я ползуну. – Если бы тебя Ирка утащила оттуда младенцем, ты бы ничего не знал.

– А я ничего не знаю, – сказал ползун.

– Не ври, я за тобой давно наблюдаю, – сказал я. – Ты знаешь какой-то совсем чужой язык – ты с инспекторами разговаривал, а спонсоры тебя не понимали.

– Это мой язык, – сказал ползун.

Показывая, что разговор со мной ему надоел, он отполз в сторону и принялся рыхлить землю в поисках червей.

– Некому было тебя научить.

– Ирка помогла.

– И давно ты скрываешься?

– Недавно, – сказал ползун.

– Все равно я тебе не верю.

– Если я не с кондитерской фабрики, то откуда? – спросил ползун, оборачиваясь ко мне. Изо рта у него высовывался длинный жирный розовый червь, он заталкивал его в пасть острыми когтями.

Я отвернулся.

Потом, когда я допил чай, а он наелся, ползун выровнял участок земли у землянки и стал рисовать мне когтем карту, как мы пойдем в штаб Военно-Воздушных сил, где нас ждет Ирка.

Он нарисовал лес, реку, поселки и городки, через которые нам следовало проходить или которые следовало избегать. Он рисовал так уверенно, что я еще более убедился, что он не тот, за кого себя выдает, но я не представлял, кто же он на самом деле.

Когда я с упреком в голосе заявил, что гусеница с кондитерской фабрики не может знать земной географии, ползун не стал спорить, а лишь сказал:

– Тим, не отвлекайся, я хочу, чтобы ты запомнил дорогу.

– Зачем, если ты есть?

– Если меня убьют или я заболею, ты попадешь в безвыходное положение, – сказал наставитель-

но ползун. – Так что слушай, что тебе говорят умные люди.

– Ты – умный человек?

– Прости, я пошутил, – сказал ползун.

Он рисовал, а я понял, что мы в нашем путешествии пройдем знакомыми местами, что мы окажемся на той свалке, где я впервые встретил в подземелье Маркизу и Ирку, а значит… значит, мы окажемся недалеко от моего родного городка.

И как только я понял это, я страстно захотел заглянуть в дом Яйблочков, пройти по той улице, где я мечтал о новом ошейнике, а главное… в этом я не сразу признался самому себе, я захотел увидеть юную любимицу из соседнего дома.

Прошло больше года с тех пор, как я убежал от Яйблочков. А кажется, что прошла долгая жизнь.

В последние месяцы я и не вспоминал о доме, но когда вспомнил, у меня сжалось сердце.

Я рассеянно слушал ползуна, делая вид, что внимательно запоминаю все тропинки, и ползун почувствовал, что я витаю в облаках. Со свойственным ему занудством он заставил меня пройти по карте от землянки отца Николая до штаба ВВС, и я вынужден был трижды начинать путешествие, пока все не запомнил. Тогда ползун улегся на спину на прогретом солнцем склоне.

Коготки его коротких лап торчали по обе стороны панцирного туловища. Я посчитал: три пары рук и три пары ног. Некрасиво. Брюхо желтое, полосатое, глаза прикрылись белой пленкой, как у спящей курицы. И с этим существом мне идти несколько дней по враждебной стране? И надеяться на то, что он выручит, если мне будет плохо?

– Ты о чем думаешь? – спросил я ползуна.

– Я сплю, – сказал он, – не мешай.

Я сказал ползуну, что прогуляюсь. Ползун ответил: «Осторожнее». Он всей свой шкурой чувствовал опасность. «Обойдется», – сказал я, хотя тоже чувствовал опасность. Но не хотел признаваться. Тем более себе.

Наш тайник находился под громадной кучей валежника, там скрывалась покрытая дерном землянка. Я разделся догола.

– Ты не возьмешь оружия? – спросил ползун.

– Если в городке увидят одетого человека, они будут стрелять без предупреждения. Ты же знаешь, как они нас боятся.

– Опасно без оружия, – сказал ползун.

– Жди меня в двадцать три часа, – сказал я. – Если что, искать меня не ходи.

– Не учи меня, – холодно ответил ползун и свер-

нулся на земляном полу.

Я не люблю ходить нагишом, подобно домашнему любимцу… Перебежками, порой падая в высокую сорную траву, – порой пробегая между заросших бурьяном куч мусора, я добрался до окраины городка, чуть приукрашенного сумерками и редкими фонарями. Дальше за кустарником поднимались серые бетонные и титановые шапки укрепленной базы.

Выйдя на улицу городка, я пошел по тротуару, прижимаясь к заборам и стенам домов, пригибаясь и стараясь быть незаметным – как и положено обитателю помоек, еще не угодившему на живодерню, но готовому к такой судьбе. Я даже прихрамывал и тянул ногу.

Я шел осторожно, но уверенно. В тот сумеречный час у меня было немного шансов встретить спонсора – они не любят сумерек и скрываются от них за стальными жалюзи в своих бетонных домах. Но всегда оставалась опасность попасть на глаза милиционеру или мобильному патрулю.

Центр я миновал быстро и без приключений. Универмаг был уже закрыт, хотя окна его светились – там считали выручку. В комнате отдыха, где спонсорши оставляют своих домашних любимцев пока занимаются покупками или сидят в

кафе, было темно. Я думал, что во мне что-то шевельнется – грусть ли, просто память, но я остался совершенно равнодушен. Впрочем, никто не любит вспоминать о своем животном прошлом – я проверял это на многих моих товарищах. Мы забываем. Этого не было. Этого не могло быть…

А вот и мой дом!

Господи, до чего он уродлив! Бетонный куб с узкими окнами, вокруг запущенный газон и бассейн без воды со слоем ила на дне. В окнах свет. Я не стал приближаться к двери – там поле охраны. Стоит мне подойти – поднимется звон на весь город.

Перепрыгнув через невысокую живую изгородь, я прошел газоном к окну гостиной и заглянул в него.

Гостиная – насколько условно это название! – была, как и положено, пустой и серой комнатой. С одной стороны на стене – экран. На нем показывают официальные новости и официальную развлекательную программу. С другой стороны широкая металлическая скамья, на которой бок о бок сидят спонсоры – господин и госпожа Яйблочки. Одинаковые, чешуйчатые, зеленые, массивные, вдвое превышающие человека ростом и вдесятеро силой. Их морды лишены мышц

и потому не способны к мимике. Так что они кажутся статуями, статуями близнецов в кататоническом состоянии.

И это были когда-то мои господа, перед которыми я трепетал? Это были образцы мудрости? Я хотел бы улыбнуться, но не мог – ведь жалок был я, ибо мои глаза были закрыты.

Вдруг госпожа Яйблочко зашевелилась – что-то на полу привлекло ее внимание. Зеленая туша совершила медленное движение, лапа опустилась к полу. Я поднялся на цыпочки и увидел, что у ее ног стоит колыбель, и в ней, задрав ножки, блаженствует малыш. Когтистая лапа Яйблочки нежно дотронулась до головы мальчика и погладила ее, губы малыша шевельнулись, госпожа протянула ему бутылочку.

Это был я? Я – много лет назад?

Сверху донеслось легкое стрекотание. После инцидента на башне милиция демонстрировала бдительность. Можно быть уверенным, что они не прекратят полетов до ночи. Правда, им трудно нас отыскать – особенно, когда мы выступаем в обличьи домашних любимцев – ни одного металлического предмета! Так что локаторы не вычленяют нас из природы.

Но все же я не хотел рисковать – я прыгнул к

кустам и залег там.

Патруль улетел. Я сидел на траве, обхватив руками колени, смотрел на узкие бойницы моего дома… Парадокс, но эти жабы и есть моя бывшая семья – они растили меня, кормили, купали и лечили, если я болел… И госпожа Яйблочко могла испытывать ко мне материнские чувства? Как мало мы их знаем! Зачем они взяли нового малыша? Их дом им кажется пустым без человеческого присутствия?

Надо возвращаться. А то ползун будет беспокоиться.

Я обернулся ко второму дому – за живой изгородью. Я мог сколько угодно уговаривать себя, что пришел поглядеть на стены родного дома, тогда как на самом деле меня тянуло к дому соседнему. Первый раз в моей жизни эмоциональный взрыв, вырвавший меня из мира домашних любимцев, исходил из этого бетонного куба, стоявшего за густыми зарослями бурьяна. Там тоже светились бойницы, за ними тоже ползла упорядоченная жизнь.

…Приоткрылась дверь, желтый прямоугольник света кинул на землю черную тень стройной фигуры Инны. Это было столь неожиданно, что я не успел взять себя в руки и отпрянул. Она услы-

шала шум и, замерев на пороге, тихо спросила:

– Здесь кто-нибудь есть?

Я был недвижим, я даже не дышал. Я боялся, что она в страхе закроет дверь и спрячется в доме.

Она постояла с минуту, прислушиваясь, и, видно, решила, что шум произвела птица… Она покинула освещенный прямоугольник двери и ступила на траву. Теперь я мог ее разглядеть.

В полутьме ее тело казалось голубоватым, а волосы приобрели сиреневый оттенок. Когда она поглядела в мою сторону, то ее глаза показались мне черными окнами в звездное небо. Ее фигура несколько потеряла девичью гибкость и угловатость, грудь стала тяжелее, шире бедра, но эти перемены были лишь движением к женскому совершенству.

Она быстро, словно опасаясь, что ее хватятся дома, перебежала газон, перепрыгнула через изгородь и уже осторожнее, озираясь как воровка, подбежала к дому Яйблочков. Возле окна в гостиную она остановилась и, вцепившись длинными пальцами в край стены, приподнялась на цыпочки, чтобы лучше видеть, что происходит в гостиной.

И тут я все понял. Все было просто, хоть и необычно и недозволено.

Младенец, занявший мое место в семье Яйблочков – это сын ее и Вика. По правилам новорожденного отнимают у матери, как только она перестает его кормить. Если с точки зрения породы он удовлетворяет селекционеров, его отправляют в распределитель. А дальше – как распорядится судьба. Может быть, повезет, и его возьмут в домашние любимцы. А тут… вернее всего, когда он родился, опечаленная моим исчезновением, привыкшая к человеку в доме, госпожа Яйблочко решила взять ребеночка себе. Где-то кому-то сделали подарок, кого-то уговорили, и произошло страшное нарушение правил – мать и сын оказались в одном городке, и, главное, мать знала, где живет ее сын.

Вряд ли ее подпускали к сыну, наверное, это было одним из условий… Впрочем, это можно проверить.

– Инна, – тихо произнес я.

Она отпрыгнула от окна, словно ужаленная змеей. Прижалась спиной к глухой бетонной стене и смотрела с ужасом, как я приближаюсь к ней.

Я вытянул перед собой руку, раскрытой ладонью кверху.

– Не бойся, – сказал я. – Это я, Тим, ты меня

помнишь? Я тут жил.

– Тииим, – напевно произнесла она. – Ты же мертвый.

– Я много раз мертвый, но все равно живой, – сказал я, улыбаясь.

– Это не ты! Не подходи!

– Я тут жил, мы с тобой раз сидели в этих кустах и разговаривали, а ты сказала, что знала свою мать, а я тебе не поверил, а потом меня должны были вести к ветеринару, а к тебе привели Вика…

– Тииим!

– Отойдем к кустам. У меня мало времени. Меня могут выследить.

Она послушно пошла за мной к темной массе кустов, но остановилась, не заходя под их сень. Боялась. Не совсем верила, что я – это я.

– А где же ты? – спросила она. – Кто теперь твои спонсоры? Ты бродяга?

В голосе звучало привычное для домашних любимцев презрение.

– Я хочу, чтобы никаких спонсоров больше не было.

– Как так не было?

– Чтобы они улетели. Или погибли.

– А мы? – Она даже отступила на шаг от меня.

– А мы будем жить.

– А кто нас будет кормить? Кто будет гулять с нами?

Я уже привык к таким искренним филиппикам. А чего вы хотите от людей, которые не знают ничего, кроме пищи, прогулки и хозяйской палки или ласки?

– От тебя плохо пахнет, – сказала она, – как будто ты не мылся.

– Я уже неделю не мылся, – признался я. Мне было приятно дразнить ее – такую миленькую, сладенькую, душистую домашнюю любимицу. – А как твой жабеныш поживает?

– Кто?

– Твой хозяин, жабеныш, которого мадам Яйблочко изметелила.

– Тим, не стоит так говорить о спонсорах.

В ее голосе прозвучала бабушкина интонация.

– Ладно, – сказал я, – я тобой еще займусь. Обязательно вернусь поговорить с тобой серьезно. Жалко оставлять тебя в животном состоянии.

– Я живу в счастливом состоянии! – поспешила она с ответом.

Она была напряжена и мечтала об одном – чтобы я поскорее ушел, растворился, чтобы меня можно было вычеркнуть из памяти.

– Это твой ребенок? – Я показал на окно дома Яйблочков.

– Молчи! – она закрыла мне рот ладонью. От резкого движения ее пышные бронзовые волосы рассыпались по плечам. Она была сказочно хороша! Ради таких женщин совершаются великие безумства и рушатся царства… Только она не подозревала о своем могуществе.

– А кто отец? – спросил я. Сквозь ее пальцы вопрос прозвучал невнятно. Мои губы натолкнулись на нежную ткань пальцев и поцеловали их. Она сразу убрала руку.

– Нельзя так говорить! Если кто-нибудь услышит, меня тут же увезут! Молчи, молчи, молчи!

– Наверное, Вик, – сказал я.

– Он целую неделю болел, когда ты так жестоко побил его.

– Потом он выздоровел. И его снова привели к тебе.

– Потом он выздоровел. И его привели…

– А где он сейчас?

– Я не знаю. Его спонсоры переехали на другую базу. Ты никому не скажешь, Тим? Я каждый вечер хожу смотреть мальчика. Ты его видел?

Я любовался ею, но она не чувствовала моего взгляда.

– А госпожа Яйблочко очень добрая, она его не бьет. Я сначала плакала, но мне сказали, что тогда меня увезут.

– Когда мы их вышибем к чертовой матери, – сказал я, – первым делом мы вернем тебе твоего малыша.

– Не надо! Не думай так, это опасно!

– Неужели и я таким был?

– Каким?

Я погладил ее по плечу, отвел в сторону тяжелые пряди волос.

– Не смей меня трогать!

– Я сейчас уйду, не бойся.

– Я буду кричать! Не смей меня хватать! Ты грязный. От тебя плохо пахнет!

Голос ее опасно повысился – она не контролировала свой страх передо мной, страх завитой болонки перед дворовым псом.

– Уйди, уйди, уйди!

Я с горечью начал отходить от нее, понимая, что она уже подняла тревогу. У спонсоров удивительный слух – нам бы такой!

Первым появился подросший жабеныш. В гневе или страхе спонсоры движутся со скоростью пантеры.

Он пронесся над газоном как черное ядро, вы-

пущенное из гигантской пушки.

Я его хоть и не видел, но все же успел отшатнуться.

Не успев затормозить, жабеныш врезался в стену, и хоть та была из монолитного бетона, мне показалось, что дом пошатнулся.

Пока жабеныш разворачивался, я кинулся в кусты и замер там.

Отворилась дверь. Мой приемный отец, господин Яйблочко, который, впрочем, никогда меня не любил, потому что не любил ничего, не покрытого зеленой чешуей, обозначился на пороге. По тусклому блеску в его лапе я догадался, что папаша вышел на прогулку хорошо вооруженный. Ну и идиот сентиментальный, сказал я себе. Встретился, называется, со своей легкомысленной юностью.

Спонсоры замерли. Один, воткнувшись лбом в стену, второй на пороге. Они ждали, не вздохну ли я, не шевельнусь ли, чтобы кончить на этом мои дни.

Я не шевелился, не чихал и не дышал. К такой жизни я привык. И все бы обошлось, если бы не догадливый жабеныш, который громадой повернулся к Инночке и, медленно наступая на нее, потребовал:

– Где? Где он? Говори! Говори, не молчи, будешь наказана!

В романах верная возлюбленная стискивает белоснежные зубки и молчит под пытками.

– Он в кустах! Он там! – завопила Инна. – Он хотел на меня, он хотел меня… скорей, я его боюсь!

Ой, как она перепугалась! И в ненависти ко мне она была искренна, потому что хотела угодить хозяевам и спасти свои свидания с сыном.

Я увидел, что папаша Яйблочко переводит рычажок на стволе с прицельного на бой по площади – он намеревался выжечь кусты вместе со мной, и никто ему не противился.

Еще секунда, и мне будет поздно спасаться…

На четвереньках, как гончая, я кинулся в просвет вдоль живой изгороди.

Вечер озарился ослепительным зеленым светом выстрела.

Конус убийственного света устремился к звездам, сжигая на своем пути все, что могло двигаться и дышать, – бабочек, птиц, комаров… Затем последовал глухой тяжелый удар. Силуэт спонсора исчез…

От начавшейся сзади суматохи я умчался и лишь за свалкой, в бурьяне, приостановившись… чтобы осмотреться, задумался – а почему папаша

стрелял не в меня, а в небо? Спонсоры таких ошибок не допускают.

Рядом звякнула пустая консервная банка.

– Кто? – одними губами спросил я.

– Я, – сказал ползун. – Чудом ушли.

– Это ты был?

– Мне скучно стало, я за тобой пошел. Я успел ему ноги заплести и дернул. Ничего?

Ползун страшно силен, в чем-то он даже мог бы поспорить со спонсором.

– Славно, – сказал я.

Я лежал без сил.

– Пора уходить, – сказал ползун. – Они будут прочесывать окрестности.

– Одну минутку.

Я сел. Голова еще кружилась – видно, я бежал оттуда куда быстрее, чем возможно для обыкновенного человека.

– Славная девчонка, – сказал я. – И мальчика любит.

– Когда-нибудь расскажешь, – сказал ползун. – Меня всегда удивляют ваши человеческие обычаи.

Мы почувствовали себя в безопасности, отойдя от городка километров на пять.

Мы передохнули, выйдя к бывшему шоссе. Его

асфальт долго сопротивлялся растительности, но все же сдался, пошел трещинами, ямами, в которые проникали трава и кусты, в провалах поднялись деревья. Но на некоторых участках асфальт еще держался, и по шоссе идти было легче, чем по девственному лесу.

Еще через час мы оказались у реки. Через нее был перекинут железный мост, но его средние пролеты провалились, и перебраться по нему оказалось невозможно.

– Можно переплыть, держась за бревно, – сказал я. – Видишь, лежит на берегу?

Ползун не ответил.

Я обернулся. Он медленно полз по шоссе, отстав от меня метров на сто.

– Ты что? – спросил я. – Устал?

Ползун не ответил. Он мерно полз, подтягивая хвост к передним лапам и поднимая среднюю часть туловища. Большие глаза смотрели вперед. Бурая щетина на спине стояла дыбом.

Отнеся его молчание к плохому воспитанию на кондитерской фабрике, я стал спускаться к бревну. Но с полпути обернулся к ползуну и спросил:

– Слушай, я так и не знаю, ты за бревно держаться сможешь?

Я почти не сомневался в утвердительном ответе

– ведь мы вместе пробирались в башню, цепляясь за веревку, протянутую Сенечкой. Правда, шрамы от того путешествия остались до сих пор.

– Постой, – сказал ползун. Голос его прозвучал странно.

Я хотел уж было подняться к нему, но ползун сам скатился ко мне.

– Что с тобой?

– Мне… трудно, – сказал он. – Трудно идти!

Эти слова меня огорчили – значит, придется искать плот или что-то достаточно надежное, чтобы перевозить его.

Ползун бессильно вытянулся у моих ног, и вдруг я с ужасом увидел, что щетина на его спине частично выпала. Я провел ладонью по спине ползуна – жесткие стебли щетины легко отламывались и падали на берег. Я понял, что это более всего похоже на радиационное облучение – об этом я знал еще от Яйблочков. Они всегда боялись радиационного облучения. Госпожа Яйблочко говорила мне:

– Вот попадешь под облучение, все волосы у тебя вылезут.

– Ползун, – спросил я, – тебе плохо?.

– Ничего, – сказал тот с натугой. – Только помоги мне добраться до штаба. Не бросай меня.

– Чепуху говоришь, – сказал я. – Зачем мне тебя бросать?

– Я не могу идти…

– Лежи, – сказал я, – лежи и не болей, а я поищу на чем перебраться.

Но перебираться было не на чем. Ежу ясно, что не на чем. Бревно? Может быть, если я отойду подальше, за поворот, найду еще одно? Хотя корабля из этого все равно не построишь.

А веревка? У меня нет веревки!

– Делать нечего, – сказал я. – Придется тебе проехать верхом на бревне.

– Что ты сказал? – он с трудом понимал меня.

– Я поплыву за бревном, а ты влезешь на него, упрешься когтями и будешь держаться. А я буду толкать. Ясно?

– Ясно, – сказал ползун. – Ты не бросай меня…

– Ползи вниз.

Он старался ползти, но ничего не получалось, словно внутрь его вставили штырь, который не позволял ползуну согнуться.

Пришлось мне обнять его, оторвать от земли и тащить вниз. Проще было бы, конечно, скатить его, как колоду, но я боялся повредить ему какой-нибудь орган.

Я положил его на песок у воды. Потом разулся,

сунул башмаки в заплечный мешок, туда же – рубаху. Затянул торбу потуже.

– Ты меня слышишь? – спросил я ползуна.

– Да, – откликнулся тот.

Я попробовал, насколько легко бревно оторвется от берега. К счастью, оно неглубоко вошло в песок. Я поднял ползуна и положил его вдоль бревна.

– Теперь держись! – приказал я ему.

Он меня услышал – его когти вытянулись до отказа и вцепились в кору.

– Терпи, – сказал я.

Дно было крутое.

Я толкнул бревно вперед и шагнул за ним. Но не рассчитал, насколько круто оно уходит вниз – шаг, и я не достал до дна! Я выпустил конец бревна и ухнул с головой, в глубину.

Когда вынырнул, то увидел, что бревно довольно быстро уплывает от меня и медленно поворачивается вокруг оси, так что ползун уже не сверху, а сбоку – вот-вот коснется воды.

– Тим! – услышал я испуганный голос ползуна.

Я никуда не годный пловец, но тут с такой силой забил руками по воде, что догнал бревно раньше, чем оно успело окунуть ползуна в воду.

Я плыл, болтая ногами и толкая бревно перед

собой, которое все норовило перевернуться и утопить ползуна. А дальний берег все не приближался. Я устал так, что мне казалось – вот-вот я отпущу это проклятое бревно и этого ненавистного симулянта-ползуна, который просто ленится плыть.

К счастью, эти ядовитые мысли не успели полностью завладеть моим сознанием – неожиданно бревно уткнулось в дно. В следующий момент я почувствовал его коленями. Оказывается, дальний берег был пологим, и отмель тянулась чуть ли не до середины реки.

– Приехали, – сказал я ползуну, но он не отозвался. Глаза его были закрыты, щетина на спине почти вся выпала, открыв его хитиновый панцирь.

С трудом я оторвал ползуна. Он мне совсем не помогал. Он как бы окостенел. Тело его было горячим, и рот пульсировал.

– Тим… – услышал я, поднеся ухо к его рту, – не бросай!

Я обулся, надел рубаху и постарался взвалить его на плечо. Я еще не окреп после болезни и потому полутора пудовый ползун мне показался достаточно тяжелым.

Я отыскал на дальнем берегу бывшую асфаль-

товую дорогу и побрел по ней, обходя ямы и трещины.

Я подумал: так славно, что ползун заставил меня запомнить дорогу. Я знал, что должен идти этой дорогой до большого белого столба, у которого поверну на проселочную дорогу, а та через лес проведет меня до развалин поселка, где нас и должна ждать машина.

До белого столба было километров десять. Но мне показалось, что вдвое больше. По крайней мере, я добирался до него более трех часов. С каждым шагом проклятый ползун становился все тяжелее, и я все чаще валился без сил на обочину шоссе, и привалы становились все более долгими.

Я боялся, что ползун умрет раньше, чем я донесу его до штаба. И вовсе не был уверен, что там найдется доктор, который разбирается в загадочных болезнях ползунов. Но пока что ползун был жив – он был горячим, и порой по телу его проходила судорога. Но в то же время он окостенел, и как бы я не переворачивал его, все равно он резал мне плечо.

Я уже разуверился в существовании белого столба, когда увидел его. Возле него я свалился и отдыхал, наверное, полчаса, теша себя наивной

надеждой на то, что Ирка ошиблась и пришлет машину именно к столбу, а не в разрушенный поселок.

Было жарко, хотелось пить. Я понимал, что, лежа здесь, делаю лишь хуже себе и подвергаю дополнительным мучениям больного ползуна. Так что я с проклятиями взвалил на плечо ползуна и, покачиваясь, пошел в лес по узкой вертлявой дорожке, колеи которой были глубоки, а между ними росла трава.

Постепенно местность понизилась и запахло сыростью. Но жара не уменьшалась, надо мной, больно жаля, вились мухи и слепни. Я не мог даже их отогнать.

Вдруг я увидел, что справа между деревьев мелькнула вода. Я сбросил невыносимую ношу и кинулся к махонькому озерцу, окруженному осокой. Я с трудом добрался до воды – берег был таким топким, что я проваливался чуть ли не по пояс, прежде чем смог напиться. Я пил с наслаждением, но взять с собой про запас не мог, правда, по моим расчетам идти уже оставалось немного.

Я намочил рубаху, чтобы обтереть влажной тканью моего несчастного спутника, и повернулся, вытаскивая ноги из черной грязи…

И я с ужасом увидел, что мой ползун – не один.

Над ним, деловито переворачивая недвижное тело лапой и стараясь вскрыть его, как ракушку, стоял бурый медведь. Он ворчал и как бы бормотал, потому что никак не мог добраться до вкусного мяса.

– Ах ты, мерзавец! – закричал я, размахивая рубашкой. – Ты его тащил? Ты его носил?

Почему-то именно мои физические усилия казались мне в тот момент самым главным основанием к тому, чтобы медведь добычу свою оставил.

Медведь обратил на меня внимание, когда я размахивал рубахой как знаменем. Моя рубаха его не испугала. Он поднялся на задние лапы и натужно заревел, показывая этим, что не намерен делиться со мной своей добычей.

Медведь угрожающе пошел на меня, и только тогда я вспомнил о своем ноже.

Я выхватил его. И вовремя, потому что красная пасть, усеянная желтыми зубами, уже была рядом, и я вонзил нож в живот медведю, но не удержался на ногах – медведь по инерции свалил меня и вышиб из руки нож.

От удара о землю я на какие-то секунды потерял сознание, но тут же пришел в себя, но не в пасти

медведя, а на свободе. То ли мой удар медведя испугал, то ли он пожалел нас с ползуном, но я услышал треск сучьев и, обернувшись, увидел спину медведя, исчезающую в зарослях.

Я с трудом поднялся, отыскал нож – крови на нем не было, я думаю, что не смог пронзить слой жира. Потом я подошел к ползуну.

Медведь ничего не успел сделать ему плохого. Только перевернул на бок.

Я наклонился над ползуном. Кровь из моего разорванного плеча капала на его тело. Я прижал рану рубахой, забыв вытереть ею ползуна, взвалил его на плечо и пошел дальше, потому что в те минуты смысл жизни и стимул к движению заключались лишь в том, чтобы дотащить это проклятое насекомое.

Я не заметил, как вышел на прогалину – улицу разрушенного поселка. Впрочем, разница с лесной дорогой была невелика – те же деревья и кусты вокруг. Пойди, догадайся, что под ними скрываются руины.

Автомобиля там не было – не нашлось его в штабе. Но, к счастью, нашлась телега, запряженная лошадью. С ней – два человека.

Они увидели меня издали. И не сразу догадались, что я и есть тот благородный рыцарь,

которого они встречают. Из леса шло чудовище с желтым бревном на плече, измаранное кровью с головы до пяток и шатающееся, как смертельно пьяный.

Когда они догадались, в чем дело, то уложили меня на телегу и отвезли в штаб. В телеге была навалена солома, и я почти сразу заснул. И спал до самого штаба – то есть два часа.

Когда я проснулся, то спросил у человека, который управлял лошадью, жив ли ползун. Тот не сразу понял, что я имею в виду, потому что ползун ничуть не был похож на самого себя.

Не дождавшись ответа, я заснул снова.

Меня перенесли в госпиталь, где промыли раны. Я продолжал спать.

Проснулся я утром, подземный госпиталь был скудно освещен. В комнату вошла женщина в белом халате, похожая на Людмилу, только черноволосая. Она спросила, как я себя чувствую. Я ответил, что хорошо. Потом женщина спросила, принести ли мне еду в постель или я смогу подняться.

Я сказал, что попытаюсь подняться. Я с трудом встал – голова кружилась. Другой человек в белом халате принес деревянный стол и скамейку. Женщина поставила на стол большую чашку

кофе и положила ломоть хлеба. Я позавтракал.

Я спросил, что с ползуном.

Женщина в белом халате сказала мне, что все обошлось. Все хорошо.

Вошел человек в кожаном костюме, как одевалась в метро охрана Маркизы. Этот человек спросил меня, могу ли я пройти к командующему. Я сказал, что могу. Я допил кофе и пошел за человеком по подземным переходам. Здесь раньше была военная база. Когда-то здесь военные люди ждали атомной войны. Но война не пришла, а пришли спонсоры.

В коридоре мы встретили процессию маленьких ползунов. Их гнал подросток с хворостинкой. Ползуны мерно и одинаково поднимали мохнатые спины.

– Мы их из ворованных яиц выводим? – спросил я.

Человек пожал плечами, то ли не знал, то ли таился. Он пропустил меня в низкую дверь.

Там была комната, освещенная ярче, чем другие. За большим столом сидела Ирка, перед ней стоял компьютер, неаккуратно были раскиданы бумаги.

– Живой, – сказала она и улыбнулась.

Ирка была одета в кожаный костюм, волосы

забраны назад.

– Ты здесь начальница? – спросил я.

– Разве непохоже?

– И надо мной начальница?

– Пока Маркиза не вернулась – берегись! – Улыбаясь, она непроизвольно прикрыла ладошкой рот.

– Как ползун? – спросил я, желая перевести разговор на другую тему. Мне было неприятно, что Ирка теперь вовсе не та, которую я привык видеть.

– Он живой, – сказала Ирка. – Благодаря тебе.

– Там медведь был, – сказал я. – Он хотел его сожрать.

– А я как увидела следы на твоем плече, сразу догадалась, что ты с медведем обнимался.

– Я никогда не догадывался, что ты начальник, – сказал я.

– Кому-то приходится… – ответила Ирка.

Вошел Хенрик. Он положил бумаги на стол Ирке. Она проглядела и подписала, а Хенрик подошел ко мне и сказал, что я молодец и он рад меня видеть.

Хенрик ушел, и я с горечью подумал, что теперь не смогу поцеловать Ирку. Никогда. И мне стало грустно.

– А где ползун? – спросил я. – Я хочу к нему сходить.

– Он сам придет, – сказала Ирка.

Тут прибежал Сенечка, он обнял мою ногу перепончатыми ручонками. Рожица у него была заплакана.

– Рыцарь Ланселот! – кричал он. – Ты пришел, я так рад, так рад! Ты знаешь, Леонора тоже здесь! Мы пойдем к ней, ладно?

– Я пойду? – сказал я. Теперь было непонятно, должен ли я спрашивать разрешения у Ирки.

Ирка отодвинула бумаги и встала из-за стола. Она хотела подойти ко мне, но тут в комнату вошел инспектор, которого я видел на башне. Тот стройный, с муравьиным лицом, в длинном радужном плаще. Странно, почему он остался на Земле?

Инспектор направился ко мне. Я напрягся. В нем была жесткость и четкость движений почти до механизма.

– Не узнаешь, – спросил он меня голосом ползуна.

– Ползун?

Инспектор подошел ко мне и протянул тонкие, жесткие руки.

Я протянул руки навстречу ему. Я все понял.

– Ты как бабочка? – спросил я.

– Это метаморфозы, – сказал ползун. – Но степень куколки наступает неожиданно, хоть и длится коротко. И в такой момент рядом должны быть близкие. Или друг. Иначе – коротким движением ползун провел ребром ладони перед своим тонким горлом, муравьиные глаза были неподвижны – я бы погиб. Спасибо тебе.

– Покажи ему, покажи! – потребовал Сенечка. – Он же не видел. Все видели, а он не видел.

– Покажи, – сказала Ирка. – Это красиво.

Ползун взмахнул руками, и его длинный радужный плащ, как сказочный невесомый занавес, раскрылся, растянулся – и я увидел перед собой громадную перламутровую бабочку.

– Мы умеем летать! – сообщил Сенечка.

Когда они ушли, Ирка подошла ко мне, встала на цыпочки и поцеловала меня в щеку.

– Здравствуй, Ланселот! – сказала она.